Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

СОЛДАТОВ Виталий Александрович

Реализация принципа независимости при осуществлении правосудия арбитражными судами

12.00.15 – гражданский процесс; арбитражный процесс

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель -
доктор юридических наук, профессор
Григорьева Тамара Александровна

Саратов – 2014

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ ……3

Глава I. Принцип независимости судей как важнейшее начало функционирования судебной власти ……11

§ 1. Политико-правовое значение принципа независимости судей ……11

§ 2. Принцип независимости судей как важный конституционный принцип …….35

Глава II. Принцип независимости судей арбитражных судов ……48

§ 1. Понятие принципа независимости судей …….....48

§ 2. Гарантии независимости судей ……..81

§ 3. Распространение принципа независимости судей на арбитражных заседателей……..104

§ 4. Принцип независимости в свете реализации целей и задач эффективного арбитражного правосудия ……118

§ 5. Справедливость как гарантия независимости арбитражного суда ……147

Заключение …….....173

Библиографический список использованной литературы …….176

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Поиск эффективных форм и способов защиты прав участников экономического оборота наполняет новым смыслом традиционные институты процессуального права – учение о принципах судопроизводства и роли суда в процессе. Права физических и юридических лиц в экономической сфере жизни общества могут быть защищены в арбитражном суде. Современное арбитражное судопроизводство отвечает самому высокому уровню международных стандартов, однако вопрос о гарантиях реализации некоторых принципов остается открытым. Независимость суда является основой правильного и своевременного правосудия, и, одновременно фактором, гарантирующим своевременную защиту прав участников экономического оборота. В результате экономических преобразований последних десятилетий образовались различные формы объединения капиталов с целью хозяйственной деятельности. Специфика предпринимательской деятельности предполагает наличие эффективного, и что важно, не заинтересованного субъекта, способного разрешить конфликты в правовом поле. Материальное право сегодня предполагает не только судебную, но и иные формы защиты права, в том числе и обращение к альтернативным формам разрешения юридических конфликтов. В этой связи вопрос о роли и значении судебной системы в рамках способов защиты прав предпринимателей является очень актуальным. Независимость суда тесно связана с вопросом об эффективности правосудия.

Так в теории права широко исследуется вопрос о независимости суда как гарантии «классических» форм реализации разделения властей. Поэтому вопросы гарантий независимости судей отдельных сегментов судебной системы ставятся в научной литературе довольно часто. Однако комплексной теории независимости судей арбитражного суда до настоящего времени создано не было.

Стоит отметить, что указанные проблемы выразились в процессе нормативного реформирования российского арбитражного процессуального права. Как известно были введены новые нормы о гласности арбитражного судопроизводства, влияющие на процесс реализации независимости суда. Однако, несмотря на это, способы защиты прав судей в конфликтных ситуациях и преодоления общественного давления в процессе рассмотрения дел до настоящего момента выработаны не были.

Постановке проблемы независимости суда в значительной степени способствуют процессы объединения мирового сообщества, протекающие в последнее время наиболее активно. В любой национально-правовой системе благоприятный экономический климат обусловлен, прежде всего, гарантированностью прав участников хозяйственных отношений. Традиционно наиболее актуальной является проблема защиты бизнеса от должностных злоупотреблений. В современных условиях многие российские компании вынуждены отказываться от привлечения средств, в том числе иностранных инвестиций, по причине финансовой неспособности удовлетворить требования кредиторов, либо по причине существенного таможенного и налогового бремени. Соответственно, инвестиционная привлекательность Российской Федерации складывается, в том числе, и из уровня юридических гарантий, которые предоставляет государство в случае нарушения прав.

Независимый суд – один из международных стандартов правосудия, и поэтому фактические гарантии независимости суда и процессы их имплементации в юридическую практику и законодательство влияют на скорость интеграционных процессов в мировое сообщество.

Ряд положений законодательства, регламентирующего арбитражные процессуальные отношения, создают условия для нарушения принципа независимости. Таким образом, объективная необходимость теоретических исследований понятия, содержания, а также гарантий принципа

независимости арбитражного суда обусловила необходимость настоящего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Подробному исследовнию подвергались институты принципов права, а также классификации принципов в науке гражданского и арбитражного процессуального права. Институт независимости суда вплоть до настоящего времени в науке арбитражного процесса не подвергался отдельному анализу. Поэтому возникла необходимость изучения таких институтов арбитражного процесса, как, например, принципов права, гарантий указанных принципов, защиты прав предпринимателей, с диалектической точки зрения.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникновение, преобразование и прекращение которых связано с реализацией принципа независимости в арбитражном процессуальном праве.

Предметом диссертационного исследования являются нормы арбитражного процессуального права, как действующие, так и утратившие силу, а также материалы правоприменительной практики, связанной с реализацией принципа независимости в арбитражном процессуальном праве.

Цель и задачи. Целью диссертационного исследования является обоснование теоретических положений, затрагивающих проблемы реализации принципа независимости в арбитражном процессуальном праве. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1. исследование политико-правового значения принципа независимости судей в современном российском праве;
2. исследование понятия принципа независимости и его места в системе принципов арбитражного процессуального права;
3. рассмотрение процессуального статуса судей с позиции принципа независимости;
4. дополнение существующего понятийного аппарата в отношении субъектов принципа независимости;

5. выявление особенностей и путей совершенствования реализации принципа независимости;

6. исследование особенностей системы гарантий принципа независимости в арбитражном процессе, связи принципа независимости и иных процессуальных институтов арбитражного процесса;

7. исследование процессуальных возможностей защиты прав участников арбитражного судопроизводства в процессе рассмотрения дела с участием арбитражных заседателей.

Методологической основой диссертационного исследования явились такие общенаучные методы, как диалектичексий, методы системного анализа и научного моделирования. Важную роль в проведении исследования сыграли частнонаучные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический, формально-юридический и другие методы. Метод системного анализа позволил выявить общие направления исследования, обобщить и систематизировать разрозненные данные. Формально-юридический метод способствовал определению категориального аппарата исследования, выявлению основных признаков и оснований классификации. Сочетание указанных методов и их непосредственное применение способствовало комплексному исследованию специфики принципа независимости судей арбитражного суда и его реализации на практике.

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют работы таких известных ученых-процессуалистов дореволюционного и советского периодов, как: А.Т. Боннера, Е.В. Васьковского, М.А. Викут, В.М. Горшенева, М.А. Гурвича, Р.Е. Гукасяна, А.А. Добровольского, П.Ф. Елисейкина, И. Жеруолиса, И.М. Зайцева, А.А. Мельникова, Г.Л. Осокиной, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота, М.С. Шакарян, В.Н. Щеглова.

В основу настоящего исследования положены также труды современников Т.Е. Абовой, А.А. Богомолова, С.Ф. Афанасьева, Н.А. Баринова, Бариновой М.Н., Т.А. Григорьевой, Г.А. Жилина, В.М. Жуйкова,

А.И. Зайцева, О.В. Исаенковой, Р.М. Нигматдинова, И.А. Приходько, М.А. Плюхиной, Н.А. Рассахатской, И.В. Решетниковой, М.К. Треушникова, В.М. Шерстюка, В.В. Яркова.

Комплексный характер представленной диссертационной работы обусловлен использованием научных разработок в области социологии, философии и психологии таких авторов, как Г.Е. Глезерман, А.Г. Здравомыслов, Л.С. Явич.

Нормативную базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и др., Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ), Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и иные нормативные акты.

Эмпирическая база исследования включает в себя опубликованную правоприменительную практику Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, Федеральных арбитражных судов округов.

Научная новизна исследования заключается в исследовании темы на основе комплексного теоретического подхода к проблеме независимости судей в арбитражном судопроизводстве и полученных итогах, которые нашли свое отражение в положениях, выносимых на защиту.

На защиту выносятся следующие положения, отражающие новизну проведенного диссертационного исследования:

1. Беспристрастность суда в процессе вынесения решения можно считать внутренним аспектом независимости, психологически обусловленным отношением суда к выносимому решению.

2. Объективность – элемент независимости суда, нацеленный на непредвзятую оценку доказательств. Совокупность беспристрастности и объективности суда образуют процессуальные аспекты независимости.

3. Недопустимо отождествление независимости суда как материально-правовой и процессуальной категории с понятием статуса судьи. Отождествление статуса судьи исключительно с гарантиями его независимости является недопустимо широким обобщением, которое игнорирует права и обязанности судьи как представителя государственной власти и его особые процессуальные права, которые, одновременно являются также его обязанностями.

4. Нормы о судейском статусе относятся к материальному праву и влияют на цивилистический процесс лишь косвенно, определяя направление развития процессуальных норм, которые и являются реальными факторами обеспечения правовой независимости судей в ходе принятия решений. Поэтому считать единство судейского статуса предпосылкой к объединению отраслей процессуального права представляется слишком широким обобщением.

5. Конституционная трактовка принципа независимости шире процессуальной и предполагает установление места судебной власти в системе разделения властей и определение основного направления развития процесса, она также включает в себя нормы материального права о статусе судей, чего нельзя сказать о процессуальном принципе независимости.

6. Искусственное создание «единообразной практики» в обход требований закона является недопустимым, поэтому в содержательном аспекте принципа независимости судей необходимо рассматривать не принцип правовой определенности, а принцип законности и беспристрастности судей.

7. Процессуальный принцип независимости судей арбитражного суда представляет собой основополагающие начала судопроизводства в арбитражном суде, закрепляющие беспристрастность судьи по отношению к иным субъектам процесса, а также объективность в процессе оценки доказательств. Процессуальный принцип независимости является

структурным элементом независимости суда в контексте материального конституционного права.

8. Принцип независимости должен в полной мере распространяться на арбитражных заседателей, что обусловливает необходимость наделения их полным набором гарантий независимости, включая право на иммунитет от уголовной и административной ответственности на время занятости в качестве заседателя в конкретном процессе.

9. Принцип законности арбитражного процесса необходимо считать главной гарантией реализации независимости. Кроме того к системе гарантий относятся не только общепризнанные экономические, правовые, политические и организационные гарантии, но и связанные с реализацией права на доступное правосудие, организованное на началах гласности, гарантии осуществления правосудия в условиях максимально широкого доступа общественности к процессу рассмотрения дел.

Научная и практическая значимость диссертационного исследования. Материалы и выводы настоящего исследования могут стать основой для последующей теоретической разработки проблемы независимости в арбитражном процессуальном праве.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования сформулированных выводов и предложений в законотворческой деятельности с целью повышения эффективности арбитражного процессуального законодательства, в правоприменительной деятельности судов и иных участников арбитражного судопроизводства, а также в процессе преподавания учебных курсов по арбитражному процессу.

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена, обсуждена и одобрена на кафедре арбитражного процесса ФБГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Основные положения диссертационного исследования освещались на международных научных и научно-практических конференциях, в числе

которых основные научно-практические выводы и предложения автора изложены в ряде опубликованных печатных работ.

Структура работы определяется целью, задачами и методологией диссертационного исследования. Работа состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения, библиографического списка использованной литературы.

Глава I. Принцип независимости судей как важнейшее начало функционирования судебной власти

§ 1. Политико-правовое значение принципа независимости судей

Современное демократическое государство невозможно представить без эффективного судебного механизма, обеспечивающего защиту прав и свобод граждан и социальных групп, в том числе и в области экономического судопроизводства. Эффективная правовая политика в области экономического судопроизводства предполагает создание условий для полной реализации целей и задач арбитражного правосудия, что, по нашему мнению, не представляется возможным без предоставления судьям не только статуса, но и полного процессуального механизма его реализации в каждом конкретном судопроизводстве. Цели и задачи правосудия в арбитражном суде в настоящее время не сводятся к узкому пониманию – необходимость разрешения конфликта, но являют собой достаточно широкую правовую конструкцию, влияющую не только на судопроизводство, но и на экономику в целом.

Цели, стоящие перед судебной властью, неоднократно становились объектом научных дискуссий и в рамках доктрины гражданского процессуального права. Проблемы эффективности отправления правосудия всегда становились объектом научного осмыления для ученых-процессуалистов. Соответственно, проблема разработки целей и задач цивилистического судопроизводства, которая тесно связана свышеуказанной, регулярно притягивает внимание ученых. Следует однако констатировать, что в литературе довольно часто отождествляются цели и задачи судебной власти и задачи цивилистического судопроизводства, либо правосудия.[1] Представляется социальная роль судебной власти или цель судебной власти и ее деятельности в обществе не может относиться к кругу исследования

[1] См.: *Жилин Г.А.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М.: Городец, 2000; *Решетникова И.В., Ярков В.В.* Гражданское право и гражданский процесс в современной России. - М., Екатеринбург: Норма, 1999. (гл. 6); Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 31 января-1 февраля 2001. М.: Лиджист, 2001. (вступительное слово В.Ф. Яковлева) и др.

принципа независимости суда, так как в большей степени являет собой предмет науки социологии, а не арбитражного процесса.

Правосудие и судопроизводство в арбитражном процессе – близкие, но не тождественные по объему понятия. В контексте данного диссертационного исследования под правосудием следует понимать правоприменетельную, правозащитную деятельность, осуществляемую уполномоченным государственным органом в установленном законом порядке, а судопроизводство в свою очередь представляет собой непосредственный порядок разбирательства инициированного субъектом права спора[1].

Проблема независимости судей лежит, по нашему мнению, за пределами правового института статуса судьи и относится к широкому кругу проблем правовой политики государства. Однако, она в равной мере оказывает влияние на непосредственные процессуальные отношения. Отмечая тенденции развития арбитражного процессуального права, Т.В. Сахнова замечает, что круг процессуальных отношений в современном российском праве не исчерпывается исключительно правоотношениями «стороны-суд»[2]. Комплекс мер по обеспечению независимости суда, по нашему мнению, может рассматриваться как самостоятельный вид процессуальных правоотношений цивилистического процесса.

Независимость судьи арбитражного суда – важная гарантия гармоничного развития хозяйственной сферы жизни общества, а также признак стабильности экономической системы, способствующий привлечению иностранных инвестиций. В качестве одной из главных целей функционирования судебной системы позиционируется охрана и защита наиболее оптимальной, с точки зрения общепринятых представлений о нормальном развитии производства по делу, подведомственному арбитражному суду, последовательности этапов разрешения спора.

---

[1] См.: Судебная власть / Под ред. *И.Л. Петрухина.* М.: ИГП РАН, 2003. С. 231.

[2] *Сахнова Т.В.* Цивилистический процесс: онтология судебной защиты // Вестник гражданского процесса. 2011. № 1. С. 65.

Неотъемлемым структурным элементом судебной системы в целом, наряду с иными организационно-правовыми принципами, является механизм правового регулирования процедуры рассмотрения и разрешения спорных правоотношений путем устранения сомнений в основаниях и объеме прав и обязанностей субъектов судебного разбирательства. Принципы независимости участников судебного рассмотрения дела, равенства средств защиты прав и законных интересов сторон, открытости правосудии, т.е. широкого доступа общественности к информации о рассмотрении и разрешении дела, принципы состязательности, верховенства закона и др. направлены на создание объективных условий реализации прав и свобод человека и гражданина, а также задач и приоритетных направлений государственной политики[1]. В науке современного процессуального права узкое нормативистское понимание правосудия как деятельности суда по применению норм права уступает место более широкому онтологическому подходу. Сегодня мало кто отрицает влияние экономического судопроизводства на развитие современной бизнес-модели. Несмотря на наличие четкой дифференциации между правовой системой общего права и российской правовой системой, и неприменимость к отечественным правовым реалиям парадигмы прецедентного права[2], высокий статус суда, и возможность восполнения пробелов в праве путем судебного нормотворчества и толкования права оспаривать в современной науке никто не берется.

Председатель Высшего арбитражного суда Российской Федерации А.А. Иванов в своем докладе «Речь о прецеденте» отметил, что в современном российском обществе принятый судебный акт влияет не только на те правоотношения, по поводу которых он принят, но и на более широкий круг отношений, в частности, смежные правоотношения, что коррелирует

---

[1] См.: *Дегтярев С.Л.* Цели и задачи судебной власти на современном этапе // Правоведение. 2005. № 6. С. 99-108.

[2] См., например: *Ярков В.В.* Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы // Вестник гражданского процесса. 2011. № 1. С. 19.

больше англосаксонскому пониманию прецедента[1]. Заметим, что статусы суда в отношении его независимости в России и странах англосаксонской системы права имеют разный объем. В частности, в США в это понятие включают не только институциональную независимость и процессуальную самостоятельность суда, но и наличие эффективных средств и методов разрешения конфликта интересов между судьями и третьими лицами, обеспечение судьям возможности прозрачной деятельности перед лицом общественности, и транспарентность судебной деятельности в широком смысле данного понятия[2].

Практическая реализация принципов самостоятельности судебной власти и независимости судей является общепризнанным критерием дефиниции правового государства и демократического политико-правового режима, который основывается на реальном, а не просто декларированном разделении властей. Заметим, что институциональная независимость судебной власти реализована в преобладающем большинстве правовых систем стран мира. Термин «судебная власть» до настоящего момента не имеет единого толкования, он весьма широко обсуждается сегодня в научной литературе, ведь адекватное социально-правовой реальности понимание функций и задач судебной власти демократического государства имеет большое значение как в теоретическом, так и в практическом аспектах.[3] Фактически, дискуссии сводятся к следующему – отводить ли судебной власти исключительно место института в системе разделения властей или наделять ее качествами особого социального механизма разрешения конфликтов, способного «узаконивать» те или иные фактические отношения. Последняя позиция в большей степени соответствует позиции судебной

---

[1] См.: *Иванов А.В.* Речь о прецеденте // Электронный ресурс: http://www.pravo.ru/store/doc/doc/Prezedent_Ivanov_Rech.doc (Дата обращения 12.06.2012 г.).

[2] См.: *Симпсон Ч.* Независимость и подотчетность судей: две стороны одной медали / Доклад председателя Международного комитета США, судьи *Ч. Симпсона* на заседании совета судей РФ 21 мая 2009 г. // Электронный ресурс: http://sovetsky.oms.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=31&cl=1&did=9 (Дата обращения 12.06.2012 г.).

[3] См.: *Татьянина Л.Г.* Рассмотрение уголовного дела в суде в отношении лиц, имеющих психические недостатки: монография. Ижевск: Детектив-информ, 2003. С. 17; *Воскобитова Л.А.* Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь: Сервисшкола, 2003. С. 71.

власти, занимаемой ею в странах системы общего права. Несомненно, выбор второй парадигмы оказывает влияние и на независимость суда как базовый принцип. Общепринятым является тот факт, что в странах общего права при выборе кандидатов на должность судьи учитываются не только профессиональные, но и личные качества. Именно «чувство справедливости», понимание базовых цивилизационных ценностей и возможностей судьи как «говорящего права» позволяет осуществлять правосудие с позиций независимости. К примеру, Ассоциация судей Канады требует, чтобы кандидат на соискание должности судьи был не просто квалифицированным профессионалом, но и специалистом в области права, который не только внес существенный вклад в развитие юридической науки, но и обладает такими личными качествами как честность и способность мыслить широко, но поступать по справедливости, в процессе принятия решений[1].

Место, которое судебная власть занимает в правовом государстве какой бы то ни было типологии, детерминирует особые требования, предъявляемые к ней. Грамотная реализация возложенной на судебную власть высокого предназначения по обеспечению всеобщего равенства, основанного на верховенстве закона, предполагает наделение судебных органов рядом качеств: власть суда, рассматривающего и разрешающего споры о праве гражданском и иные юридические дела, должна быть непоколебимой, опираться исключительно на закон, пользоваться уважением со стороны общества, быть открытой, объективной и справедливой[2]. Однако в странах общего права судьи обладают статусом «лица правосудия», они играют значительную социальную роль, и обязаны участвовать в общественной жизни. Российскому правосудию, напротив, присуща некая обезличенность и функциональность.

---

[1] Электронный ресурс: http://www.cscja-acjcs.ca/qualities_required-en.asp?l=5 (Дата обращения 12.06.2012 г.).
[2] См.: *Григорьева Т.А.* Арбитражная юрисдикция в современной России. Саратов: Изд-во СГУ, 2002. С. 16.

Система судов арбитражной юстиции, как важнейшая совокупность органов государственной власти, обладающих определенной исключительной компетенцией, специализированные суды в принципиально важной для общества сфере хозяйственной деятельности, созданы именно для реализации функции рассмотрении и разрешения дел в области предпринимательской, а также иной экономической деятельности, посредством осуществления судопроизводства по спорам о праве гражданском, а также судопроизводства в рамках административной процедуры. Организационно-правовые формы системы арбитражного судопроизводства регламентируются ст.ст. 118 и 127 Конституции РФ. Указанные принципиальные положения в дальнейшем конкретизируются в федеральных конституционных законах. Принцип разделения ветвей власти на законодательную, исполнительную и судебную, декларированный ст. 10 Конституции РФ, гарантирует как нормативно определенную самостоятельность, так и законодательно регламентированную независимость судебной власти в подсистеме арбитражных судов в том числе.

Управомоченные административные органы, в компетенцию которых, согласно федеральному законодательству, входит рассмотрение и разрешение споров о праве, в своей деятельности руководствуются иными организационно-правовыми принципами.

Примером может служить право российских налоговых органов принимать постановления о наложении на граждан и юридических лиц санкций в качестве меры отвественности, предусмотренной за совершение налоговых правонарушений Налоговым кодексом Российской Федерации. В рамках предоставленных полномочий налоговоые органы вправе взыскивать недоимки, пени и штрафы в соотвествии с налоговым законодательством Российской Федерации.

Вместе с тем, система организации государственной власти Российской Федерации не ограничивается наделением лишь налоговых органов

полномочиями по рассмотрению и разрешению спорных правоотношений. Указаннные есть и у и иных органов, как, в частности, федеральной антимонопольной службы[1]. Однако принципиальное отличие деятельности указанных органов от правосудия заключается в том, что фактически любое решение органа исполнительной власти может быть оспорено в суде, судебные же решения обжалуются исключительно в рамках судебной системы, и никакая иная ветвь власти не вправе влиять на процесс их вынесения, кроме как абстрактно – устанавливая правила и нормы регулирования тех или иных общественных отношений.

Из приведенных выше примеров видно, что организационно-правовая форма деятельности органов государственной власти, а также их полномочия в соответсвующей сфере закреплены на уровне федерального законодательства. При этом следует отметить отсутствие в Конституции норм, содержание которых было бы аналогично правилам, определяющим стурктуру и функциональные особенности элементов судебной системы – конституционных (уставных), арбитражных судов и судебных органов общей юрисдикции. Указанное позволяет сделать акцент на особом статусе правосудия в Российской Федерации, изначальной статусной дифференциации судебных и административных способов разрешения правовых конфликтов.

Полномочиями по рассмотрению и разрешению правовых конфликтов составляют неотъемлемую часть законодательно закрепленной компетенции ряда юрисдикционных органов негосударственного типа, таких как, в частности, третейские суды. Содержание и пределы компетенции данных органов ограничиваются разрешением споров о праве гражданском, согласно положениям Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации».[2]

---

[1] Положение о Федеральной антимонопольной службе утв. постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331) (с изменениями от 8 февраля 2007 г.) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3259.

[2] Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О третейских судах в Российской Федерации» (с изменениями от 21.11.2011 № 327-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

Своеобразной формой защиты гражданских прав являются третейские суды в соотвентствии со статьей 11 Гражданского Кодекса РФ[1]. При этом образования третейской юстиции не законодательно исключены из числа элементов российской судебной системы. Иными словами, третейские суды, вследствие особенностей организационно-правового статуса, не могут рассматриваться в качестве органов государственной власти, и относятся рядом ученых к неюрисдикционным формам защиты экономических прав. Структурно-функциональная дифференциация неюрисдикционных и юрисдикционных, в данном случае – арбитражных, органов определяет, в свою очередь, и различное содержание их деятельности по рассмотрению и разрешению споров о праве гражданском. Частноправовые органы, создаваемые профессиональными сообществами предпринимателей для разрешения юридических конфликтов, по нашему мнению, имеют существенное отличие от арбитражных судов, которое выражается в специфическом содержании принципа независимости третейского судьи. Полагаем, что сам статус выборного судьи предполагает его беспристрастность по отношению к сторонам, но отнюдь не гарантирует, что третейский судья не будет носителем определенных корпоративных ценностей, интересов и позиций, что, в конечном итоге, может косвенно повлиять на его решение. Таким образом, вопросы дополнительных гарантий при отборе третейского судьи, по нашему мнению, являются наиболее актуальными.

Процессуальные нормы закона о третейском суде и материальное право, безусловно, ставят третейских судей в рамки законности, но следует учитывать и менталитет представителей бизнеса, который, безусловно отличен от ценностных установок представителей государственной власти.

---

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 2 ноября 2009 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Конкретизируя конституционный постулат о всеобщем равенстве как перед законом, так и перед судом,[1] Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации», согласно ст. 7, предписывает всем и судьям на территории РФ не отдавать предпочтения каким-либо органам, лицам, участвующим в процессе, сторонам, по признакам их государственной, социальной, половой, расовой, национальной, языковой или политической принадлежности, либо в зависимости от их происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, места рождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а равно и по другим, не предусмотренным федеральным законом основаниям. Иными словами, фундаментальные положения федерального конституционного закона определяют, что принцип равенства несет в себе аспект юридической обязанности суда – обязанности обеспечивать не только процессуальное равенство участников процесса, но и относиться к ним одинаково на уровне психологии, судейского усмотрения.

Принцип равенства в широком его понимании способствует развитию независимости судов, наполняет независимость совершенно определенным смыслом – суд независим от иных органов власти в силу равного, соответствующего процессуальному статусу стороны в деле отношения к участникам процесса и невозможности несанкционированного законом вмешательства в процесс отправления правосудия третьих лиц.

Возвращаясь к проблеме связи личных качеств судьи и его профессиональной квалификации и концепции независимого суда в РФ, необходимо заметить, что роль и место судебной власти в системе государственного управления порождают высокий уровень требований к лицам, на которых возлагаются обязанности осуществления судебных полномочий на профессиональном уровне. Степень даже общих требований

[1] Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. от 30.12.2008 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

к профессионально-этическим качествам претендентов на должность представителя судебной власти (возраст, уровень образования, стаж работы по специальности, социально-психологическая характеристика личности и т.п.) гораздо выше по сравнению с условиями, предъявляемыми, например, к кандидатам на должности в органах законодательной или исполнительной ветвей власти. В то же время, указанные требования представляют собой не что иное, как набор правил, позволяющих оценить лишь квалификацию того или иного кандидата на должность судьи, но не его modus operandi в конкретной правовой ситуации.

Нормы российского национального законодательства, в которых сформулированы правила судейского статуса, в полном объеме соотвествуют общепринятым международным стандартам в области основных прав и свобод. В частности, ряд отечественных требований к кандидатам на судейские должности был разработан законодателем на основе нормативного содержания ст. 21 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод»: «Судьи должны обладать самыми высокими моральными качествами и удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть правоведами с общепризнанным авторитетом».[1] Однако, следует заметить, что требования к моральным качествам судьи международное законодательство не конкретизирует.

Нравственные требования сформулированные, во многом, как обычная добросовестность, указаны в Кодексе профессиональной этики судьи. Кодекс судейской этики регулирует как служебное, так и внеслужебное поведение профессионала[2]. Морально-этические требования, а также требования к уровню общеобразовательной и специальной подготовки, предъявляемые к члену судейского сообщества, являются гарантией не только оптимального осуществления правосудия, но и независимости судебной власти. Известно,

---

[1] Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163 // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3. С. 3-44. Конвенция ратифицирована Россией – Федеральный закон от 30.031998. № 54-ФЗ. Конвенция вступила в силу для России 05.05.1998.

[2] Электронный ресурс: http://www.bestpravo.ru/federalnoje/ew-zakony/l0n.htm (Дата обращения 12.06.2012 г.).

что некомпетентные субъекты судейского корпуса в большей степени подвержены неправовым воздействиям, сравнительно с остальными судьями. Однако вопросы компетентности в широком смысле не являются предметом правового регулирования, и, поэтому, их сложно отнести к статусу судьи как набору его прав, обязанностей, и гарантий соответствующих прав.

В конечном итоге, вся совокупность требований, предъявляемых к профессиональному облику судьи, направлена на повышение эффективности и независимости правосудия, практическое воплощение законодательно закрепленных принципов компетнтности и беспристрастности. На эти и другие качества системы органов правосудия вправе рассчитывать каждый субъект, обратившийся за восстановлением нарушенного права или защитой субъективных прав.[1] Однако это утверждение, по нашему мнению, более справедливо именно по отношению к гарантиям прав судьи, которые позволяют ему иметь более «льготные» условия по сравнению с остальными гражданами, а не к статусу, представляющему собой набор прав и обязанностей в совокупности с ответственностью.

«Основные, принципиальные положения международно-правовых актов и, прежде всего, международных договоров, соглашений и даже правил, содержащих гуманные и оптимальные решения, должны преобразовываться, трансформироваться во внутреннее законодательство, т.е., перенесены, скажем, на российскую почву. Однако трансформации должны осуществляться не механически, а творчески. Международно-правовые акты, преломляясь, преобразуясь в законодательную ткань России, должны сохранять свою автономию, сущность»[2]. Это утверждение представляется нам бесспорным. Независимый суд как социальная ценность возможен в условиях, когда статус судьи включает в себя не только и не столько юридические аспекты, как и мировоззренческие и моральные нормы. Если в странах англосаксонской правовой системы распространено

---

[1] П. 1.1. Европейской хартии о статусе судей. Пояснительный меморандум. Страсбург 8-10 июля 1998 г.
[2] См.: *Баринов Н.А., Баринова М.Н.* Процессуальные нормы в российских и международно-правовых актах. Саратов: Издательство «Стило», 2000. С. 43.

утверждение «судья есть говорящее право», применительно к нашей стране оно должно трансформироваться в «судья есть оплот справедливости», что возможно только при истинной независимости, не только обеспеченной определенными правовыми гарантиями, но и моральными ценностями носителя судебной власти.

«Независимое осуществление правосудия и независимое формирование мнения являются двумя легкими политически крепкого государства»[1]. По нашему мнению, судейское усмотрение должно формироваться как независимое мнение, и отражать возможность свободно выражать свое мнение, не нарушая прав и интересов других граждан. Независимость судей в широком смысле является опорой демократического государства, своеобразным стержнем, обеспечивающим свободу слова внутри общества.

Действующее законодательство Российской Федерации содержит значительное число норм, посвященных установлению всеобъемлющих гарантий осуществления судейских полномочий в соотвествии с правовыми предписаниями, в том числе, что немаловажно, обеспечению практической реализации принципа независимости судей. В самом общем аспекте, эффективность деятельности судебных органов, направленная на практическую реализацию правовых предписаний о соблюдении законности, правопорядка, защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, определяется государственно-политической ролью, которую судьи играют в обществе.

Решение задачи практического воплощения конституционных положений, гарантирующих гражданам защиту нарушенных прав и охраняемых законом интересов независимо от принадлежности к той или иной стороне правового конфликта, может быть возложено только на судебный орган, структурно-функциональное содержание которого направлено на обеспечение беспристрасности и объективности в процессе устранения сомнений по спорам о праве гражданском. Именно суд

---

[1] См.: *Rassel Willer*, Judicial administration and connection with judicial. 1980.

уполномочен принимать постановления о применении к оспоренному правоотношению конкретной нормы права. Судебные постановления должны соотвествовать основным принципам права – законности, обоснованности, справедливости и др.

Положение судьи в обществе – один из фактических элементов судейского статуса. Однако, несмотря на наличие вполне соответствующих мировому стандарту законов в этой сфере, государство уделяет мало внимания формированию ключевого личностного аспекта независимости судей – лидерских качеств. Психологические аспекты до настоящего времени практически полностью игнорируются в подготовке будущих юристов, равно как и в процессе повышения квалификации судей.

В содержание судейского этического кодекса включены нормы, требующие от судей беспристрастности, а также противодействия каким бы то ни было факторам расового, полового, религиозного или национального характера, оказывающим влияние на профессиональную деятельность судей.[1] Однако фактически отсутствие предубеждений и беспристрастность невозможно реализовать, будучи лишенным лидерских качеств, подверженным различным формам психологического давления и манипуляций.

Этимологическое содержание термина «беспристрастный» восходит к семантической конструкции «не обладающий пристрастием к кому-то», и обозначает – непредвзятый, объективный.[2] Фактически, Кодекс профессиональной этики требует от судьи определенных моральных качеств, гарантировать наличие которых законодательно не представляется возможным.

Применительно к тематике исследуемого вопроса необходимо отметить, что свойство беспристрастности заключается в законодательно

---

[1] Кодекс судейской этики. Электронный ресурс: http://docs.pravo.ru/document/view/25500876/ (Дата обращения 12.06.2012 г.).

[2] См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. *С.И. Ожегова* и *Н.Ю. Шведовой*. М.: Русский язык, 2002. С. 45, 441.

установленном предписании, согласно которому суд должен организовывать свою деятельность по рассмотрению и разрешению дел таким образом, чтобы она основывалась на непредвзятом и справедливом подходе ко всем участникам производства по делу, составляющему предмет рассмотрения арбитражного суда. Семантический анализ теоретико-правовой категории «беспристрастность» показывает, что данный термин применяется для обозначения такого подхода к рассмотрению дела в рамках арбитражного судопроизводства, который предполагает субъективную свободу судьи от предвзятости как в отношении участников процесса, так и в отношении результатов разрешения дела. Также и само осуществление судейских функций не должно подавать повод для сомнений в законности и обоснованности судебной процедуры. Иными словами, сама реализация судьей своих полномочий должна в полной мере согасовываться с началами объективности и непредвзятости. Более того, судья обязан отказаться от рассмотрения дела, если он не может обеспечить беспристрастность.

Осуществляя полномочия по рассмотрению и разрешению дел, составляющих предмет компетенции органов арбитражного судопроизводства, судья не должен обладать материальной заинтересованностью в исходе дела. Интерес судьи должен быть исключительно процессуальным и состоять в единственном требовании – строгом соотвствии всей деятельности, связанной с разрешением споров, в строгом соотвествии с принципами законности и обоснованности. Беспристрастность имеет двойственную природу, т.к. данное свойство формируется под воздействием различных факторов как объективного, так и субъективного ряда. Субъективное содержание беспристрастности заключается в предъявляемом судье требовании проводить рассмотрение дела, подведомственного арбитражному суду, таким образом, чтобы в максимальной степени учитывались права и законные интересы сторон, независимо от их положения в споре о праве гражданском. Объективное содержание категории «беспристрастность» предполагает наличие

соотвествующих условий, обеспечивающих устранение сомнений в предвзятости рассмотрения и разрешения дела арбитражным судом. Данные условия обладают следующими характеристиками: 1) законодательной определенностью, обеспечивающей единообразное понимание и применение норм, обеспечивающих беспристрастность судебного разбирательства; 2) доступностью для всех заинтересованных лиц, что выражается в наделении сторон спора, рассматриваемого в арбитражном суде, субъективными правами на обжалование действий и постановлений суда и других участников процесса. При этом необходимо подчеркнуть, что в действующем арбитражном процессуальном законодательстве вся система норм соотвествует цели обеспечения беспристрастности рассмотрения и разрешения дел. Фактические данные, свидетельствующие о нарушении принципа беспристрастности, порождают обязанность арбитражного суда первой инстанции либо вышестоящего судебного органа принять меры по устранению всех сомнений в непредвзятом разрешении спора.

Вышеприведенные положения подтверждаются материалами правоприменительной практики, в частности, ФАС Дальневосточного округа. Как следует из содержания Постановления ФАС Дальневосточного округа № Ф03-А51/04-1/2657 от 8 октября 2004 г., апелляционная инстанция, постановление которой было обжаловано, в процессе рассмотрения дела произвела замену состава суда без надлежащего оформления. При этом объективные обстоятельства, вследствие которых была произведена замена, установлены не были. В приведенном Постановлении вышестоящая судебная инстанция, исходя из содержания ст. 18 АПК РФ, указала, что необходимость передачи дела на рассмотрение нового состава судей должна подтверждаться ссылкой на соотвествующие объективные обстоятельства, повлекшие замену.[1]

---

[1] Постановление ФАС Дальневосточного округа от 8 октября 2004 г. № Ф03-А51/04-1/2657 // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от от 6.10.2012 г.

В постановлениях Европейского суда по правам человека не раз обращалось внимание на необходимость соблюдения общепризнанных положений о беспристрастности судей национальных органов правосудия. Согласно позиции Европейского суда, беспристрастность состава суда национального органа правосудия должна презюмироваться до тех пор, пока не будет доказано обратное.

Итак, беспристрастность представляет собой основополагающее начало арбитражного процессуального права. Беспристрастность способствует всестороннему и объективному рассмотрению материалов дела, учету всех обстоятельств, имеющих значение для постановления обоснованного и законного решения.

Кроме того, беспристрастность тесно связана с независимостью суда от внешних влияний. Полагаем, ее можно считать внутренним аспектом независимости, психическим отношением суда к собственному статусу, и, одновременно, отражением общеправового принципа равенства в сознании суда.

Выше было отмечено, что беспристрастность способствует объективному рассмотрению дела. Раскрывая взаимосвязь указанных свойств и их роль в обеспечении законного и обоснованного разрешения дел, подведомственных арбитражному суду, необходимо провести смысловое разграничение указанных категорий. Если беспристрастность обеспечивает равное отношение суда к каждой из спорящих сторон, то объективность – категория, относящаяся к системе представлений суда об оспариваемом правоотношении. Свойство объективности предполагает, что суд при создании мысленного образа оспариваемого правоотношения, использует все без исключения сведения, имеющие значение для дела, предварительно приняв необходимые меры для установления достоверности обстоятельств, на которые ссылаются стороны в подтверждение своей позиции по делу. Объективность – качество позволяющее оценивать доказательства и фактически воплощать принцип равенства, благодаря внутреннему

убеждению судьи. Взаимосвязь беспристрастности и объективности проявляется в том, что отступление от одного из этих начал судопроизводства дезавуирует другое. Только будучи взаимосвязанными, беспристрастность и объективность способствуют постановлению законных и обоснованных решений арбитражного суда.

Таким образом, объективность является теоретико-правовой категорией, выражающей отношение суда к обстоятельствам конкретного дела. Деятельность суда считается объективной, если им были исследованы и адекватно оценены все фактические данные, на которые стороны ссылаются в обоснование своих требований и возражений. При этом адекватность оценки всех обстоятельств дела подразумевает отсутствие материальной заинтересованности суда в исходе дела, а также непредвзятый и непредубежденный подход к разрешению рассматриваемого дела.[1]

Правоприменительная практика Европейского Суда по правам человека сформулировала ряд основных положений, которым должны соотвествовать независимые и беспристрастные суды. Позиция Европейского суда по данному вопросу состоит в дуалистическом понимании свойства беспристрастности – субъективном и объективном. В субъективном понимании свойство беспристрастности связывается с особенностями психического состояния судьи и означает такое отношение к рассматриваемому делу, которое исключает влияние на процедуру и результат судебного рассмотрения личных предубеждений или пристрастий.

Объективное понимание свойства беспристрастности означает деятельность суда, направленную на практическое воплощение данного свойства. Иными словами, суд обязан исключать малейшие сомнения в обратном.

Кроме того, Европейский Суд рекомендовал национальным органам правосудия не игнорировать внешние проявления независимости и

---

[1] См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. *В.В. Яркова*. М.: БЕК, 2003. С. 195.

беспристрастности. Позиция Европейского Суда обосновывалась необходимостью поддержания и укрепления доверия органам правосудия со стороны населения, т.к. именно на этом доверии зиждется авторитет судебной власти во всякой демократической стране.

Авторитет судебной власти в государстве – категория многоаспектная, зависящая от множества факторов экономического, политического, административного, законодательного, правоприменительного, этического содержания. Поэтому далеко не лишним представляется анализ критериев оценки правомерности требований заявителя об отводе состава суда по мотивам несоотвествия условиям беспристрастности. Наиболее важными, на наш взгляд, являются вопросы о надежности данных криетриев и возможности отказа заявителю, сомневающемуся в беспристрастности суда, без ущерба для авторитета судебной власти.[1]

В качестве примера можно привести выдержку из постановления ФАС Восточно-Сибирского округа по делу № А74-3097/02-К1-Ф02-1354/03-С2 от 13 мая 2003 г. В постановлени ФАС Восточно-Сибирского округа отметил, что рассмотрение дела судьей, который ранее проводил процесс по другому делу с участием того же истца, не является основанием для пересмотра вынесенного решения по мотивам предвзятости суда.[2] Аналогичный подход содержится и в постановлении ФАС Волго-Вятского округа по делу № А28-2434/00-113/15 от 27 апреля 2001 г.

Однако правоприменительная арбитражная практика не всегда отражает единство позиций по данному вопросу органов правосудия. Об этом свидетельствует, в частности, позиция, выраженная в постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа по делу № А58-119/98-Ф02-1440/98-1441/98-С1 от 1 декабря 1998 г.

Судье А. суда апелляционной инстанции истец заявил отвод. В обоснование своего заявления истец сослался на факт участия А. в качестве

---

[1] Demicoli v. Malta, Series A, № 210, 1991; 14 E.H.R.R. 47.

[2] постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от 13.05.2003 г. по делу № А74-3097/02-К1-Ф02-1354/03-С2 // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

судьи в рассмотрении дела хотя и другого, но связанного с настоящим. В иске, поданном по настоящему делу, истцом были заявлены требования о признании недействительным договора пользования путем водного сообщения. В деле, связанном с данным и разрешенным ранее, предметом исковых притязаний также выступал данный договор. Разница заключалась в том, что истец по настоящему делу выступал в качестве ответчика по делу, связанному с этим. По связанному делу, рассмотренному и разрешенному ранее, судья А. вынесла решение, в котором удовлетворялись исковые требования о взыскании задолженности по оплате, предусмотренной договором пользования водными путями, а также пени за просрочку оплаты.

Суд апелляционной инстанции отклонил заявление об отводе судьи А., указав в обоснование своего решения, что участие судьи А. в деле о взыскании задолженности и пени по тому же договору не может рассматриваться в качестве основания отвода по мотивам сомнений в беспристрастности.

В постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа было указано, что истец располагал обоснованными сомнениями в беспристрастности судьи А., что подтверждается решением по делу о взыскании задолженности и пени по договору пользования путем водного сообщения. Данное дело связано с тем, в котором истец требовал признать указанный договор недействительным и которое находилось в производстве судьи А.

В связи с наличием обстоятельств, вызывающих сомнения в беспристрастности судьи А., ФАС Восточно-Сибирского округа было принято постановление об отмене решения нижестоящей инстанции.

Другое направление правоприменительной практики отражено в определении № Ф09-2151/02-ГК от 10 сентября 2002 года ФАС Уральского округа. Как следует из содержания данного документа, на рассмотрение апелляционной инстанции было подано заявление об отводе судей К. и Ч. По мотивам личной заинтересованности в исходе дела, находящегося в их производстве. Фактические данные, положенные в основу заявления,

свидетельствуют о том, что указанные лица принимали участие в качестве судей в рассмотрении дела, связанного с тем, по которому инициирован отвод. В связанном деле указанные судьи рассматривали и подвергали правовой оценке договор, фигурировавший в числе правоустанавливающих документов дела, по которому заявитель требовал отвода указанных судей.

Данный факт, как указывал заявитель, прямо подтверждает заинтересованность судей в определенном результате разрешения дела (п. 5 ч. 1 ст. 21 АПК РФ). Эти же обстоятельства, по мнению заявителя, подтверждаются тем, что судьи, в отношении которых был инициирован отвод по мотивам заинтересованности, уже сформировали определенную оценку по существу дела, находящегося в их производстве.

Однако вышестоящая инстанция не нашла оснований для отвода судей. Отказ был мотивирован отсутствием фактов, непосредственно подтверждающих позицию заявителя о заинтересованности судей в исходе дела, т.к. сведений о публичных оценках судьями существа рассматриваемого дела в представленном заявлении не имелось. На основании изложенного, ФАС Уральского округа пришел к выводу об отсутствии нарушений ст. 22 АПК РФ и, соответственно, оснований для отвода судей К. и Ч.

Отклонение судом тех или иных ходатайств заявителя расценивается им как необъективность суда, на этом основании достаточно часто заявляется отвод. Например, в постановлении ФАС Московского округа от 13.12.2001 № КГ-А40/7114-01 указано: «Отклонение заявленных ответчиком ходатайств является процессуальным действием суда и в предусмотренных законом случаях может быть обжаловано заявителем, но не является основанием для заявления отвода составу суда в процессе судебного заседания».

С учетом возможной заинтересованности судьи в исходе дела либо его предвзятости в связи с какими-либо обстоятельствами рассматриваемого спора арбитражное процессуальное законодательство закрепляет институт

отвода судей либо по инициативе участников процесса либо по инициативе самих судей.

Исходя из вышеиздоженного, объективность является необходимым элементом при определении и оценке фактических обстоятельств дела, а беспристрастность – по отношению к лицам, участвующим в деле.

Каждую из указанных категорий можно рассматривать отдельно, однако в динамических арбитражных процессуальных отношениях они неразделимы и представляют собой равные ценности, которые в иделае должны обеспечивать интересы правосудия и законные интересы сторон в процессе.

Суду ни при каких обстоятельствах нельзя подпадать под влияние заинтересованных в исходе дела лиц. Доводы истца, доводы ответчика должны быть подвергнуты тщательному анализу исходя из интересов правосудия.

Одной из гарантий беспристрастности и объективности суда служит осуществление правосудия в определенной, установленной законом процессуальной форме. Судья беспристрастен, если он прямо или косвенно не заинтересован в конкретном разешении дела. В противном случае гарантированные законом права участников процесса не могут быть реализованы в полной мере. Для обеспечения справедливости правосудия необходимо объективно разобраться во всех обстоятельствах дела.

Правозащитная деятельность судей по отношению к правам и законным интересам субъектов предпринимательской деятельности гарантирует выполнение задач арбитражного судопроизводства. Если судья действует в строгом соответствии с законом, то интересы правосудия защищены.

Процессуальная деятельность арбитражного суда, в отличие от процессуальной деятельности иных участников арбитражного процесса, обладает рядом отличительных признаков. Общая направленность и

сущностные черты указанной деятельности отражаются в реализации принципов[1].

Следует разграничивать принципы объективной истины и объективность суда как одну из морально-этических составляющих процессуальной деятельности.

Основной функцией суда является полное и всесторонне исследование обстоятельств дела и устранение, на этой основе, сомнений в наличии спорного правоотношения, а также субъективных прав и обязанностей сторон. Осуществление данной функции органом правосудия связано с реализацией полномочий по руководству процессом рассмотрения дела, а также контролем за правоприменительными действиями на всех стадиях применения права по делу. Осуществление функций по организации применения права не может ограничиваться ролью суда как пассивного арбитра, наблюдающего со стороны за состязанием участников оспоренного правоотношения, когда суд лишь регистрирует права победителя и активен исключительно в пределах полномочий, ограниченных поддержанием порядка в судебном заседании. Одним из важнейших аспектов правоприменительных действий являются действия по установлению фактических обстоятельств дела. Данные действия создают объективные предпосылки для правильной юридической квалификации оспариваемого правоотношения и, в конечном итоге, справедливого разрешения рассматриваемого дела. В связи с изложенным полагаем, что активность судебного органа не может ограничиваться только тремя полномочиями, а именно, выбором и анализом юридических норм, осуществлением правовой квалификации рассматриваемого дела и разрешением спора. Необходимо сохранение за судом, осуществляющего функции рассмотрения и разрешения споров о праве гражданском, активной роли в исследовании и оценке представленных сторонами доказательств. При этом под термином «активная

---

[1] См.: *Александров Н.Г.* Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1948. № 11. С. 17.

роль суда» в данном контексте понимается совокупность полномочий судебного органа, выражающаяся в таком использовании представленных сторонами юридических доказательств, в результате которого происходит реконструкция всех обстоятельств дела, необходимых для применения права.

Следует особо подчеркнуть, что вышеуказанные полномочия суда не должны подвергаться широкому толкованию и в ущерб принципу состязательности предоставлять суду возможность самостоятельно собирать доказательства по делу. Вся правоприменительная деятельность судебного органа в процессе по спору о праве гражданском должна быть подчинена решению главной задачи правосудия – обеспечению определенных законом условий в целях реализации прав сторон на представление, а также полное и всестороннее исследование доказательств в судебном заседании.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 (в ред. от 16 апреля 2013 г.) судам рекомендовано при рассмотрении и разрешении дел руководствоваться тем, что «в силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации) суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств. При рассмотрении гражданских дел следует исходить из представленных истцом и ответчиком доказательств. Вместе с тем суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства. В случае необходимости, с учетом состояния здоровья, возраста и иных обстоятельств, затрудняющих сторонам возможность представления доказательств, без которых нельзя правильно рассмотреть дело, суд по ходатайству сторон принимает меры к истребованию таких доказательств» (п. 10)[1].

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 № 5, от 16.04.2013 № 9) // Российская газета. 1995. № 247 (28 декабря); Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5; Российская газета. 2013. № 89 (24 апреля).

Таким образом, принцип независимости судей имеет определенную корреляцию с категориями справедливости и беспристрастности. Признавая роль независимости суда в правовом демократическом государстве, полагаем недопустимым отождествление независимости суда как материально-правовой и процессуальной категории с понятием статуса судьи. Отождествление статуса судьи исключительно с гарантиями его независимости является недопустимо широким обобщением, которое игнорирует права и обязанности судьи как представителя государственной власти и его особые процессуальные права, которые, одновременно являются также его обязанностями. Статус судьи в его современном варианте признается нами во многом соответствующим узкому нормативистскому толкованию права. Независимый суд как социальная ценность возможен в условиях, когда статус судьи включает в себя не только и не столько юридические аспекты, как и мировоззренческие и моральные нормы. В то же время, применяя прецедентную модель регулирования как в современном арбитражном процессе, необходимо пересмотреть требования к личности судьи, ввести систему предварительного тестирования кандидатов, которая бы позволяла отобрать наиболее достойных и способных взять на себя ответственность, в то же самое время, не подвергаясь коррупционным рискам.

§ 2. Принцип независимости судей как важный конституционный принцип

Исторически первым документом, провозгласившим разделение властей в РФ была Декларация «О государственном суверенитете РСФСР»[1] от 16.06.1990 г. № 22-I. Именно этот документ и создал законодательную основу для независимой судебной власти.

В современной научной трактовке доктрина разделения властей представляет собой эффективный конституционный механизм баланса полномочий различных ветвей власти, государственных органов. Принцип разделения властей закреплен в статье 10 действующей Конституции РФ он препятствует сосредоточению власти в одних руках при помощи контроля контроль одной ветви власти за деятельностью другой. Таким образом, разделение властей само по себе коррелирует идее социальной справедливости. Своевременное принятие новых законов или изменение уже существующих необходимый атрибут справедливости в демократическом государстве. Как отмечал Н.Н. Вопленко, появление новых правовых норм направляет деятельность законодателя и является одним из способов реализации чувства справедливости[2]. Таким образом, закрепление тех или иных законоположений, упрочивающих идеи разделения властей может считаться адекватной политико-правовой задачей для демократического государства.

В настоящее время независимость судей нашла отражение в специфическом конституционном принципе правосудия, носящем универсальный характер как для гражданского, так и для арбитражного процессов.

Принцип самостоятельности судов и независимости судей относится к числу наиболее важных конституционных принципов реализации правосудия

---

[1] Декларация «О государственном суверенитете РСФСР» от 16.06.1990 г. № 22-I // Ведомости СНД и ВС РСФСР", 1990. № 2. Ст. 22

[2] *Вопленко Н.Н.* Социальная справедливость и формы ее выражения в праве // Советское государство и право. 1979. № 10. С. 43-44.

(ст. 20 Конституции РФ). Этот конституционный принцип находит свое отражение во многих законодательных актах – федеральных конституционных законах «О судебной системе Российской Федерации», «О Конституционном Суде Российской Федерации», «Об арбитражном судах в Российской Федерации», АПК РФ, ГПК РФ, Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации», и др. Реализация данного принципа на практике позволяет суду выполнить свою социальную роль, ведь главная задача любого суда в демократическом государстве – создание всех условий для реализации лицами, участвующими в деле, процессуальных прав, например, на подачу искового заявления, представление своих возражений на иск, предъявление встречного иска, заявление и разрешение ходатайств, обоснование своей позиции по делу в целом и по отдельным вопросам, предоставление доказательств, участие в их исследовании и т.д. Обеспечить такие условия сможет только независимый, беспристрастный суд, объективно относящийся к лицам, участвующим в деле, реадизующий их процессуальное равноправие при производстве по делу[1].

Следует поддержать академика РАН Б.Н. Топорнина, который писал, что восприятию судебной власти как особой, самостоятельной и равной в системе разделения властей препятствуют традиции недалекого прошлого, когда суд являлся основным звеном в системе правоохранительных органов[2]. В юридической литературе дискуссионным является вопрос об отнесении суда к правоохранительным органам. Концепция судебной реформы 1991 г. определила суд в качестве средства разрешения споров о праве и устранения правовой неопределенности[3].

Очевидно, что указанная позиция нуждается в существенной корректировке, т.к. ее основу составляет смешение регулятивной и правоохранительной функций права. В зависимости от характера дела, под

---

[1] См.: *Жуйков В.* Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 25.

[2] См.: *Топорнин Б.Н.* Суд и разделение властей // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 6. С. 26.

[3] См.: *Савельева Т.А.* Судебная власть в гражданском обороте: учеб. пособ. Саратов: Саратовская государственная академия права, 1997. С. 11.

которым нами понимается объект правового регулирования, иными словами, фактическая основа правоотношения, рассматриваемого судом, в правоприменительной деятельности суда может преобладать осуществление либо правоохранительной, либо регулятивной функции права. Осуществление судом охранительной функции характерно, как правило, при разрешении уголовных дел, т.к. основано на применении норм, нацеленных на вытеснение отношений, неприемлемых для общества. Поэтому деятельность суда в рамках охранительной функции связана с применением правового принуждения, юридической ответственности, мер защиты, строгим соблюдением процессуальной формы и т.п.

Регулятивная функция права, осуществляемая в процессе правоприменительной деятельности суда, основана на нормах, закрепляющих существующие порядки. Такие нормы оформляют уже сложившиеся отношения и проистекают, главным образом, из отношений имущественного характера. Характерной чертой регулятивной функции является предоставление субъектам правоотношений наиболее широких полномочий, непосредственное осуществление которых зависит от воли каждого участника конкретного правоотношения. Поэтому деятельность суда, осуществляющего регулятивную функцию, строится на основе доминирования норм, содержащих элементы состязательности и диспозитивности, т.е. с учетом совершения сторонами самостоятельных процессуальных действий или воздержания от их совершения.

В связи с изложенными важнейшими сущностными чертами охранительной и регулятивной функций права, осуществление которых судами определяется объектом правового регулирования рассматриваемого правоотношения, представляется необоснованным наделение арбитражных судов полномочиями по реализации охранительной функции права, характерной для уголовной юрисдикции.

Реальная независимость судебной власти является важнейшим условием эффективности правосудия[1]. Арбитражные суды по своим направлениям деятельности, поставленным перед этими судами задачам, являются судами федерального уровня. Они рассматривают споры оправе гражданском между субъектами предпринимательской деятельности независимо от места расположения истца и ответчика в пределах страны.

Правовое положение арбитражных судов федерального уровня играет большую роль при многих государственно-правовых вопросов. Прежде всего, арбитражные суды решают вопрос функционирования государственной власти, т.к. данные суды, представляя систему федеральных органов государственной власти, осуществляют судебную власть от имени Российской Федерации.

Наряду с этим, арбитражные суды субъектов Федерации осуществляют функции контроля по отношению к органам других ветвей власти на уровне федеративных субъектов, т.к. в компетенцию арбитражных судов входит рассмотрение споров о признании актов органов субъектов федерации и органов местной власти и управления недействительными. Очевидно, что задача осуществления данной деятельности может возлагаться только на суд, который наделен федеральным статусом.

При обсуждении проблемы изменения системы арбитражных судов, в отношении судебных инстанций, предлагались различные варианты: а) передать апелляционное производство кассационным судам; б) создать самостоятельные апелляционные суды на несколько регионов; в) изменение полномочий кассационной и надзорной инстанции и отказ от апелляционного пересмотра судебных актов[2]. Принятие АПК РФ 2002 г. не решило указанной проблемы. Вопрос о системе арбитражных судов был решен изменениями, внесенными 4 июля 2003 г. в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации», в соответствии с которым

---

[1] См.: *Зайцев И.М.* Судебная власть в гражданском процессе // Российская юстиция. 1994. № 2. С. 25.
[2] См.: Концепции развития российского законодательства. М.: ИЗиСП, 1998. С. 218.

апелляционные арбитражные суды являются самостоятельным звеном, а систему арбитражных судов составляет четыре уровня судов. Также могут быть созданы постоянные судебные присутствия как обособленные подразделения соответствующих апелляционных судов вне места постоянного пребывания этих судов, осуществляющие его правомочия, по решению Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации[1].

Именно федеральные арбитражные суды округов впервые в российской истории не были связаны с административно-территориальным делением российского государства, вследствие чего удалось избежать даже теоретического неправового влияния со стороны органов местной власти и управления на процесс осуществления правосудия по делам, подведомственным арбитражным судам. Данное принципиальное положение является одной из существенных гарантий независимости органов арбитражного судопроизводства.

После проведения реформирования некоторых начал судебной системы Российской Федерации, определенным образом изменились полномочия и статус Высшего Арбитражного Суда. Полномочия данного органа были существенно расширены. Высший Арбитражный Суд перестал ограничиваться лишь ролью суда второй инстанции, а стал вышестоящим судебным органом, обладающим всей полнотой судебной власти. Главная задача Высшего Арбитражного Суда отныне состоит в обеспечении формирования единообразной судебной практики. В структуре Высшего Арбитражного Суда основная роль теперь отведена единому органу – Президиуму Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, который рассматривает конкретные дела по спорам о праве гражданском и другие дела, отнесенные к компетенции арбитражных судов.

В настоящее время проделана большая законодательная работа по проведению иерархического реформирования всех элементов системы арбитражных судов. Внутри каждого арбитражного суда образованы

[1] См.: Концепция развития ... С. 218.

судебные коллегии, специализирующиеся по делам, обобщенным по предметному признаку. Примерами таких объединений, действующих в структуре арбитражных судов стали – коллегии по гражданско-правовым спорам, по делам, вытекающим из административных правоотношений и т.п. В пределах данных специализированных коллегий были образованы составы судей по предметной специализации.

Система арбитражной юстиции, по своему правовому статусу, является отдельной совокупностью судебных органов, наделенных полномочиями по осуществлению судебной власти посредством разрешения экономических споров и иных дел, законодательно отнесенных к их компетенции. Законодательно установлено, что каждое звено системы арбитражных судов наделено строго определенной компетенцией, а порядок судопроизводства в данных судах имеет особенности, обусловленные предметом правового регулирования группы отношений, подведомственных арбитражным судам Российской Федерации.

Вышеизложенные положения дают основания для вывода о том, что правовая природа арбитражных судов обусловливается особенностями гражданского судопроизводства по делам, отнесенным к компетенции арбитражных судов.[1] Данные особенности связаны, в первую очередь, с тем, что арбитражные суды осуществляют правосудие в сфере хозяйственных, главным образом, предпринимательских отношений. При этом важное значение приобретает принцип независимости судебной власти, являющийся отправным моментом объективного и всестороннего разрешения споров о праве гражданском и других дел, подведомственных арбитражным судам. Следует подчеркнуть, что конституционный принцип независимости судов, в том числе и арбитражных, является одним из основных инструментов, обеспечивающих экономическую безопасность страны, а также экономическое благополучие общества. В силу указанных обстоятельств,

---

[1] См.: *Павлушина А.А.*Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы / Под ред. *В.М. Ведяхина.* Самара: Изд-во ГОУ ВПО «Самарская государственная академия права», 2005. С. 292-293.

принцип независимости арбитражных судов имеет непреходящее значение и, поэтому, должен обеспечиваться не только основными, но и дополнительными, по-другому – специальными, гарантиями. Среди указанных гарантий особо выделяются нормы, содержащиеся в ст. 18 АПК РФ. Правила данной статьи определяют порядок формирования судебных составов для рассмотрения конкретного дела. Кроме того, целям независимости судебной власти служат и положения статьи 167 АПК РФ, которые регламентируют тайну совещания судей. В частности, в данной статье речь идет о том, что в помещении, в котором арбитражный суд проводит совещание и принимает судебный акт, могут находиться только лица, входящие в состав суда, рассматривающего дело. Доступ в это помещение других лиц, а также иные способы общения с составом суда запрещены. Кроме того, судьи арбитражного суда не вправе сообщать кому бы то ни было сведения о содержании обсуждения при принятии судебного акта, о позиции отдельных судей, входивших в состав суда, и иным способом раскрывать тайну совещания судей. Гарантией независимости является и новелла АПК РФ, предусматривающая правило, согласно которому судьи арбитражного суда не лишены права излагать свое особое мнение по рассматриваемому делу, и что данные действия не могут рассматриваться как нарушение тайны совещания судей. Принцип независимости обеспечивается и комплексом иных норм арбитражного процессуального и иного законодательства.

При анализе содержательной стороны принципа независимости можно выделить ряд основных факторов: идеологический, материальный, административный (организационный) и технический. Данные факторы имеют одинаково большое значение для практического воплощения принципа независимости, однако идеологический фактор в настоящее время имеет фундаментальное значение. Содержание идеологического фактора сводится к том, что общество осуществляет оценку деятельности судов в неразрывной связи с процессом осуществления правосудия. Доктрина

идеологического фактора в вопросах обеспечения гарантий независимости судей была определена и Президентом РФ В.В. Путиным. В данном контексте идеологический фактор рассматривался как один из важнейших этапов совершенствования судебной системы. В частности, во время участия в работе Всероссийского съезда судей, президент отметил повышение уровня открытости судебной системы. Принятый Закон об обеспечении доступа к информации о деятельности судов предоставляет гражданам возможность получить наиболее полную информацию о деятельности суда и судебной системе в целом[1].

Следует отметить, что воздействие на идеологическую составляющую современного российского гражданского общества, дает основания считать, к примеру, неприкосновенность судей (как основную гарантию независимости правосудия) не как связанную с личностью гражданина, занимающего должность судьи, привилегию, а в первую очередь, как средство эффективной правовой защиты публичных, иными словами, государственных, интересов, а также интересов правосудия и, как результат – гарантированных Конституцией прав граждан, обращающихся в суд за защитой своих нарушенных субъективных прав[2].

Практическое воплощение принципа независимости судебной власти должно обеспечиваться соответствующими гарантиями. Относительно гарантий независимости судей арбитражного суда следует отметить, что они всесторонне регулируются обширным кругом нормативных источников (часть правовых норм нами была упомянута выше). В настоящее время идет процесс пересмотра и реновации данных источников в ходе проведения судебной реформы. Президент РФ отметил как первоочередную задачу своевременного приведения в соответствие с требованиями настоящего момента законодательных основ российского государства.

---

[1] Доклад Президента // [Электронный ресурс] http://5aas.arbitr.ru/node/13276 (Дата обращения 31.07.2012 г.).
[2] См.: *Вяткин М.Ф.* Конституционно-правовое регулирование судебной власти в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 10-11.

Согласно ст. 120 Конституции РФ 1993 г., судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. В соответствии со ст. 9 ФКЗ «О статусе судей» независимость судьи обеспечивается: предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия; запретом под угрозой ответственности чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия; установленным порядком приостановления и прекращения полномочий судьи; правом судьи на отставку; неприкосновенностью судей; системой органов судейского сообщества; предоставлением судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу. АПК РФ также должен содержать положения, обеспечивающие независимость системы арбитражных судов.

Однако при осуществлении научного исследования вопросов, связанных с гарантиями принципа независимости судебной власти, необходимо взвешенно подходить к определению предмета научного исследования. На наш взгляд, представляется необоснованным обращение к расширенному подходу при рассмотрении данного принципа. В частности, вызывает определенные критические замечания высказанное в специальной литературе мнение, что само по себе укрепление гарантий независимости судей в арбитражном судопроизводстве влечет нарушение сбалансированности арбитражных процессуальных норм, т.к. приводит к ущемлению прав лиц, участвующих в деле, в первую очередь – права обжалования постановлений арбитражного суда. Задача обеспечения независимости судей арбитражного суда решается за счет ряда процессуальных норм. В частности, законодательно были определены правила, устанавливающие, что практически все постановления, которые выносит арбитражный суд, рассматривающий дело по существу, не подлежат обжалованию в апелляционном или кассационном порядке, отдельно от решения или постановления. Обжалованные постановления могут быть проверены в апелляционной или кассационной инстанции только

одновременно и только в связи с проверкой решения или постановления. В результате были исключены излишние контролирующие функции вышестоящих судебных инстанций, которые ранее могли вмешиваться в сам процесс рассмотрения дела по существу. Данное воздействие могло оказывать негативное влияние на практическую реализацию дискреционных полномочий судом первой инстанции, включая выводы о фактических обстоятельствах дела, оценке представленных доказательств, правовой квалификации оспоренного правоотношения и т.д.[1]

Следует согласиться с мнением, что основным показателем независимости судов выступает соответствие выносимых судебных решений обстоятельствам дела. Однако высокий уровень сложности и большие объемы работы, осуществляемой арбитражными судами при рассмотрении экономических споров и других дел, отнесенных к их компетенции, неизбежно влияет и на качественный уровень решений данных судов. Оптимальное соотношение качественных решений суда возможно оценить по такому критерию, как общественное мнение. Если судебные решения в глазах общества носят характер беспристрастных и справедливых, то можно говорить о приемлемом уровне качества судебных решений. Вышеизложенное дает основания для вывода о том, что упрочение статуса судьи разнообразными правовыми и внеправовыми гарантиями (социальными, политическими, законодательными, процессуальными и т.п.), должно осуществляться в неразрывной связи с усилением ответственности каждого судьи за результаты своей профессиональную деятельности. Поэтому трудно переоценить значение всестороннего обеспечения принципа независимости. Практическое воплощение указанного принципа представляет собой задачу, которая должна решаться на всех без исключения стадиях арбитражного процесса. В первую очередь, необходимо принять меры по рассмотрению вопроса о взаимодействии состава судей, если дело

---

[1] См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный). Под ред. *В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова*. М.: Городец, 2003. С.13.

рассматривается в коллегиальном порядке. Отношения в пределах состава судейской коллегии и, кроме того, отношения судей нижестоящих судов с вышестоящими в кассационном и апелляционном производстве по делу, отношения судей с другими участниками процесса имеют большое значение при обеспечении эффективности правосудия, а также осуществлении судебной защиты прав граждан и юридических лиц.

Следует отметить, что особое внимание в процессе преобразований системы арбитражных судов должно уделяться следующим вопросам: организации самой процедуры судебного рассмотрения и разрешения дел; распределения между составами судей арбитражных судов поступивших дел; определение вида и меры ответственности за неправовое влияние на процедуру осуществления правосудия; установленный законом порядок возникновения, приостановления и прекращения судейских полномочий; ответственности судьи, обеспечение его неприкосновенности; своевременность и полнота действий, предпринимаемых в области материального и социального обеспечения потребностей судьи. По нашему мнению, урегулирование посредством законодательных мер вышеизложенных положений в будущем приведет к достижению действительной независимости суда, на который будет возложена только единственная функция – осуществление правосудия.

Роль и место одного из основополагающих конституционных принципов – самостоятельности судов и независимости судей – состоит в законодательном установлении независимого статуса как судов, так и судей в Российской Федерации. При этом суды и судьи не должны быть не подчинены каким-либо государственным или иным органам, а также не должны быть подотчетны им. Данная ситуация имеет своей целью возможность вынесения судьями справедливых, непредвзятых, взвешенных решений по спорам о праве гражданском и другим делам, отнесенным к компетенции арбитражных судов, без того или иного неправового постороннего воздействия. В целях практического воплощения указанного

принципа лица, обладающие статусом судьи, наделяются действительными гарантиями, предусмотренными соответствующим законодательством Российской Федерации – Конституцией РФ, Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» и другими актами. Наиболее важными среди них являются: законодательно установленная процедура правосудия, осуществляемого по делам, подведомственным арбитражным судам; система законодательных мер, направленных на предотвращение влияния на процесс осуществления правосудия; принципы неприкосновенности судьи и несменяемости судей; наличие специальных норм о приостановлении или прекращении полномочий судьи; строгая регламентация компетенции вновь создаваемых органов судейского сообщества, а также урегулирование их функций и т.д.[1]

Конституционное закрепление принципа независимости судей имеет очень важное значение для арбитражных судов. Отметим, что сам по себе конституционный принцип, скорее, провозглашает наличие в РФ системы разделения властей, а не реальные гарантии независимости судей арбитражных судов. В литературе часто провозглашается мнение относительно того, что единый судейский статус должен стать предпосылкой единой процессуальной формы рассмотрения арбитражных споров и споров, подведомственных суду общей юрисдикции. По нашему мнению, нормы о судейском статусе относятся к материальному праву и влияют на цивилистический процесс лишь косвенно, определяя направление развития процессуальных норм, которые и являются реальными факторами обеспечения правовой независимости судей в ходе принятия решений. Такие процессуальные правила, как правило тайны совещания судей, мотивированность выносимых решений, и ряд норм о публикации судебных актов в общем доступе в сети Интернет, по нашему мнению, способствуют обеспечению независимости и одновременно направлены не только и не

[1] См.: *Жилин Г.А.* Указ соч. С. 63.

столько на защиту прав и интересов самих судей, сколько на эффективную защиту прав и законных интересов участников процесса. Таким образом, конституционная трактовка принципа независимости шире процессуальной и предполагает установление места судебной власти в системе разделения властей и определение основного направления развития процесса.

Глава II. Принцип независимости судей арбитражных судов

§ 1. Понятие принципа независимости судей

Изучение принципов арбитражного правосудия как базовых идей, на которых строится законодательство, стало особенно актуальным в последнее время. Процессы экономической модернизации страны настойчиво требуют привлечения инвестиционного капитала в хозяйственную деятельность. Инвестиционная привлекательность экономики страны определяется, в том числе и тем, насколько проработаны правовые гарантии защиты прав каждого инвестора. Естественно, совершенствование экономического правосудия является приоритетной задачей государственной правовой политики[1]. Однако значение имеет не только введение новых процессуальных институтов, таких как защита прав участников корпоративных отношений и коллективных субъектов права, но и совершенствование традиционных, «корневых» основ арбитражного правосудия и их гарантий.

Рассмотрение независимости судей как специфического принципа отправления правосудия в демократическом государстве невозможно без уяснения места категории принципа права в доктрине цивилистического процесса. Независимость судей как принцип арбитражного процессуального права нельзя рассматривать без анализа основных черт такого сложного понятия, как «принцип права», и связанных с ним категорий «принципы отдельной отрасли права». Для достижения поставленной цели необходимо воспользоваться понятийным аппаратом социально-гуманитарных наук. Определение принципов той или иной деятельности имеет общие черты, обусловленные, прежде всего лингвистическими причинами. Этимология термина «принцип» восходит к латинскому языку. Латинское значение данного слова переводится как основа, первоначало, исходное положение и т.

---

[1] См.: *Григорьева Т.А.* Проблемы правосубъектности миноритарных акционеров в арбитражном процессе // Правоведение. 2011. № 2. С. 203-209.

д. чего-либо[1]. С.И. Ожегов определял понятие «принцип» как «…основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, науки и т.д.»[2]. Следует заметить, что сама категория принципа, как правило, лишена сколь-либо однозначного легального определения, что, впрочем, не является случайностью.

Применительно к тематике нашего исследования важным представляется тот факт, что в процессе упорядочения общественных отношений на основе обычая или властных предписаний субъекты, уполномоченные осуществлять нормативную квалификацию конкретных общественных отношений, придают своим действиям шаблонный характер, опираясь на апробированные и наиболее оптимальные способы разрешения социальных коллизий. Иными словами, вследствие более или менее значительного количества повторений социальных ситуаций и способов их разрешения создается определенная мера возможного поведения субъектов общественного отношения, получившая в правовой литературе наименование «юридический прецедент».

Результатом трансформации обычая в прецедент, а прецедента в норму публичной власти, становится законодательство, представляющее собой форму рационально обоснованных властных требований, адресованных каждому субъекту конкретного общественного отношения, и предписывающих совершать определенные действия либо воздерживаться от них при осуществлении своих прав и обязанностей в процессе социального взаимодействия. Основой законодательства становятся рационально упорядоченные семантические элементы – юридические дефиниции.

Таким образом, именно юридические дефиниции являются тем связующим элементом, который обеспечивает трансляцию правовых

---

[1] См.: *Дыдынский Ф.М.* Латинско-русский словарь к источникам римского права : по изданию 1896 г. М. : Спарк, 1998. С. 436; Юридический словарь / Под ред. *А.Н. Азрилияна*. М.: Институт новой экономики, 2007. С. 775; *Грибанов В.П.* Принципы осуществления гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 215; *Огибалин Ю.А.* Материально-правовые и процессуальные гарантии обеспечения демократии и свободы личности. Тверь: ТверГУ, 1991. С. 84.

[2] См.: Словарь русского языка / Под ред. *Н.Ю. Шведовой*. М.: Русский язык, 1987. С. 515.

требований публичной власти субъектам регулируемых отношений. Соответственно, одним из основных научных подходов к исследованию правовых проблем в рамках юридического позитивизма является разработка фундаментальных правовых установлений, конструкций, средств и методов правового регулирования, форм и правил юридической деятельности и т.п., объединенных общим названием «юридическая дефиниция».

Тем не менее, в юридической науке и практике традиционно недооценивалось значение юридических дефиниций. С древнейших времен развития правовой мысли и законодательного регулирования юридические дефиниции воспринимались как нечто статичное. К примеру, римские юристы расценивали юридические дефиниции как застывшие догмы, которые не могут учесть все многообразие проявлений естественного развития общественных отношений. В этом, как считал Яволен, и заключалась главная опасность юридических формальных определений[1].

Отечественные представители политико-правовой науки XIX – начала XX вв. также видели в юридических дефинициях исключительно технически-инструментальное содержание. К примеру, Г.Ф. Шершеневич указывал на то, что движущей силой развития права являются не формальные определения, а социально-экономические закономерности развития общества. В связи с этим автор не усматривал ничего предосудительного в отсутствии у законодателя стремления к разработке формальных юридических определений[2].

В англо-саксонской правовой традиции распространен иной подход к использованию юридических дефиниций. Данный метод правовой регламентации построен на включении юридических дефиниций в содержание преамбул статутов законодательства стран системы общего права[3].

---

[1] Цит. по *Дигесты Юстиниана /* Пер. с лат. *И. С. Перетерский*; Ред. *Е. А. Скрипилев*. М.: Наука, 1984. С. 68-69.

[2] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. С. 19-20.

[3] См.: *Бержель Ж-Л.* Общая теория права / Под общей редакцией *В.И. Даниленко* / Пер. с французского. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. С. 343-344.

В отечественной правовой системе отношение законодателя к построению политико-правовых основ организации общественных отношений в российском государстве в целом можно охарактеризовать как положительное. Генеральная линия развития отечественного права свидетельствует о понимании законодателем важной роли, которую играет включение юридических дефиниций в содержание законодательных актов. Очевидно, что юридические дефиниции имеют непреходящее значение с точки зрения правильного понимания и применения закона.

Тем не менее, политика законодателя по включению в текст нормативных актов юридических дефиниций не отличается последовательностью, почему многие законодательно урегулированные отношения и институты все еще нуждаются в определении. В частности, представляется, что отсутствие единообразного понимания эффективности приводит к серьезным негативным последствиям в процессуальной деятельности.

Проблемам принципов процесса и их классификации в науке гражданского и арбитражного процесса посвящены работы многих ученых-правоведов. В философском аспекте правовые принципы представляют собой отправным, т.е. логически начальным элементом правовой действительности. Указанные начала являют собой в наивысшей степени обобщенное, абстрактное выражение содержания права, его каркас[1], другими словами – задачу, идеальный образ существования права, его оболочку (в том смысле, как это трактовал Аристотель). Уже этих положений достаточно, чтобы сделать вывод о том, что принципов права как таковых не может быть чрезмерное количество, да и быть этого не должно.

В теории правоведения под правовыми принципами понимаются отраженные в правовых источниках фундаментальные нормативно-руководящие положения, выражающие содержание права, базовые правила, зафиксированные в праве устойчивые причинно-следственные социальные

[1] См.: Философии права / под ред. *О.Г. Данильяна*. М.: Эксмо, 2005. С . 226.

связи.[1] Для юридической науки принципы - это основополагающие идеи, фунцией которых является отражние основных особенностей отрасли права[2]. Ряд теоретиков связывают понятие принципа права с взаимодействием нормативных актов и их иерархией, придавая ему, во многом, прикладное значение. По словам А.А. Зелепукина, существенным условием, от которого зависит эффективность правового регулирования, является форма того или иного нормативного акта. Объективно существующая проблематика предметной дифференциации законных и подзаконных нормативных актов нуждается в детальной проработке и глубоком теоретическом осмыслении.

Основным положением теории права является тезис о том, что определенные области общественных отношений должны регламентироваться исключительно актами не ниже уровня закона. В категорию таких наиважнейших отношений входят, главным образом основные начала организации и функционирования государственной власти; общепризнанные гражданские права и свободы, а также обязанности граждан, а также формы и способы, обеспечивающие реализацию этих прав и обязанностей; основные начала и организационно-функциональные принципы, определяющие правовой статус политических партий, а также общественных объединений.

Наряду с этим, в урегулировании на уровне законодательных актов нуждаются основополагающие начала экономического, политического и социального развития государства, отношения в сфере кредитной, бюджетной и налоговой политики, а также такие социальные институты, как судебная система, а также отношения по поводу юридической ответственности; производство по уголовным делам, а также регламент исполнения наказаний, назначенных на основании приговоров по уголовным делам. Законодательная власть в государстве вправе определять и иные группы отношений, которые должны регулироваться исключительно

---

[1] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права: курс в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. С. 98.

[2] См.: *Тараненко В.Ф.* Принципы арбитражного процесса / Отв. ред. *М.С. Шакарян*. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1988. С. 5.

законом[1]. Для арбитражного процессуального права, прежде всего, важен сам факт установления принципов как элемента не только правосознания, но и объекта законодательного регулирования.

Не существует в нашей процессуальной науке единстсва мнений относительно понятия и сущности принципов гражданского процессуального и арбитражного процессуального права РФ. Сторонники первого подхода отождествляют понятие «принцип» и категорию «начало» в самом широком философском смысле. Например, П.П. Гуреев понимает под принципами права исходные правовые идеи организации и деятельности суда, которые определяют суть процесса и помогают в достижении истины по делу и обеспечении правовой охраны граждан и организаций[2]. В.Н. Щеглов отмечал, что указанные принципы обеспечивают своевременное и верное рассмотрение дел по спорам о праве гражданском и эффективную защиту всех нарушенных или оспариваемых интересов, охраняемых законом[3]. С.Н. Абрамов определяет гражданские процессуальные принципы как фундаментальные начала, от которых зависит вся структура процесса в целом и вся система действий и отношений гражданско-процессуального характера соответственно задачам, осуществляемым системой правосудия[4]. Как объективно необходимые для построения системы права начала рассматривал принципы права А.Т. Боннер[5]. Говоря об основополагающих началах права процессуального гражданского, Н.А. Рассахатская, указывает, что они являются наиболее общими положениями, пронизывающими процесс судопроизводства в целом и отражающими ценности российского общества в сфере отправления правосудия по спорам о праве гражданском.[6] С.А.

---

[1] См.: *Зелепукин А.А.* К вопросу об эффективности российского законодательства // Правоведение. 1996. № 2. С. 3-15.

[2] См.: *Гуреев П.П.* Судебное разбирательство гражданских дел. М.: Госюриздат, 1958. С. 23.

[3] См.: *Щеглов В.Н.* Принципы искового производства. Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. С. 32.

[4] См.: Гражданский процесс. Учебник / Под ред. *С.Н. Абрамова.* М.: Юриздат, 1948. С. 20.

[5] См.: *Боннер А.Т.* Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права: учебное пособие / Отв. ред. *М.С. Шакарян.* М.: ВЮЗИ, 1987. С. 5; *Боннер А.Т.* Установление обстоятельств гражданских дел. М.: Городец, 2000. С. 12.

[6] См.: *Рассахатская Н.А.* Гражданское процессуальное право: курс лекций: учебное пособие для вузов. 3-е изд. М.: Экзамен, 2009. С. 21.

Алехина отмечает, что принципами рассматриваемой отрасли права следует называть основные, отправные нормативно-устанавливающие положения права процессуального гражданского, в которых выражена сущность отрасли, ее особенности и структура.[1] Е.Ю. Давыдова понимает под принципами арбитражного процесса зафиксированные в нормах соответствующей отрасли права фундаментальные положения, основные начала, определяющие характер правосудия в хозяйственной юрисдикции и воплощающие специфические черты рассматриваемой отрасли.[2]

Указанная группа точек зрения, так или иначе, опирается на этимологию термина «принцип». В литературе неоднократно высказывались замечания относительно неполноты определения того или иного социально-правового явления через простое толкование его этимологии. Так, В.С. Букина рассматривает принципы права лишь как способ закрепления соответствующих прав и обязанностей участников процесса, но не их реализацию на практике[3].

Условно говоря, вторая группа точек зрения формируется вокруг категории «гарантия». Ученые, которые ее придерживаются полагают, что в принципе гражданского и арбитражного процессуального права наиболее важный элемент – это возможность посредством того или иного основного начала гарантировать реализацию прав определенных субъектов. Например, К.С. Юдельсон понимал принципы права как некие теоретические начала, диктующие выбор государством определенных способов, а также форм правовой регламентации общественных отношений, обусловленных существующими условиями и перспективами развития общества.[4]

М.К. Треушников определил базовые начала арбитражного процессуального права как исходные правовые представления и ценности,

---

[1] См.: Гражданский процесс зарубежных стран: учебное пособие / Под ред. *А.Г. Давтян*. М.: Проспект, 2009. С. 243.

[2] См.: *Давыдова Е.Ю.* Системообразующие факторы арбитражного процессуального права: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 16.

[3] См.: *Букина В.С.* Принципы советского гражданского процессуального права (теоретические вопросы понятия и системы): Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Ленинград, 1975. С. 15.

[4] См.: Советский гражданский процесс. Учебник / Под ред. *К.С. Юдельсона*. М.: Госюриздат, 1956. С. 31, 32.

которые в том или ином виде являются составной частью всех арбитражных процессуальных норм и институтов, обусловливают такую структуру арбитражного процесса, которая нацелена на вынесение только законных и обоснованных постановлений[1].

Проанализировав понятия, предлагаемые вышекуказанными учеными, следует отметить, что на самом деле принципы являются теми руководящими идеями, являющимися основой, фундаментом соответствующей отрасли права. Именно в этом заключается суть принципов права. Однако, без реализации в законодательстве принцип является лишь теоретической концепцией, не имеющей имеющей никакого смысла и значения.

Еще один подход к определению понятия принципа связан с главными, наиболее общими нормами права[2]. Например, М.А. Гурвич полгал, что гражданские процессуальные принципы есть не что иное, как основные начала, которые имеют большую значимость для системы институтов процессуальной отрасли в целом и которые выражают самые главные отраслевые характеристики.[3]

Б.Н. Лапин и Н.А. Чечина исходят из того, что принципы цивилистического процесса есть базовые начала права, воплощающие правовые, общественные и ценностные идеи человеческой культуры, определяющие соотношение правовых систем и сущность правосудия, вектор его развития, разрешаемые вопросы, внутренне устройство и

---

[1] См.: Арбитражный процесс. Учебник / Под ред. *М.К. Треушникова*. М.: ООО «Городец-издат», 2003. С. 68.

[2] См., напр.: *Боннер А.Т.* Принцип диспозитивности... С. 5-6; Советский гражданский процесс. Учебник / Под ред. *М.А. Гурвича*. М.: Высшая школа, 1975. С. 16-17; *Чечина Н.А.* Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1960. № 3. С. 78-79; *Воронов А.Ф.* О понятии, значении и нормативном закреплении принципов гражданского и арбитражного процессуального права // Законодательство. 2003. № 12. С. 26; и др.

[3] См.: Советский гражданский процесс: Учебник / Под ред. *М.А. Гурвича*… С.16, 17; *Гурвич М.А.* Принципы советского гражданского процессуального права // Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права; Труды ВЮЗИ. Т. III. М., 1955. С. 55.

результативность[1]. С.Г. Дробязко полагает, что отраслевыми принципами являются исходные, аксиоматические начала[2].

Принципы права по своему содержанию являются такими идеями, которые воплощают само содержание права, выражают социальное целеполагание права, показывают его роль в регламентации отношений в обществе. Как образно заметил С.С. Алексеев относительно правовых принципов, что они представляют собой обобщения нормативного содержания, которые относятся к числу правил самого высокого уровня. По его мнению, принципы – есть до предела сжатая сущность права, если можно так выразиться – некие сгустки правовой среды[3]. М.И. Байтин, высказываясь о принципах права, подчеркивал, что они являются, прежде всего, тем, что определяет формирование, развитие, а также результативность права. Именно принципы позволяют квалифицировать природу указанной правовой системы в качестве демократической либо, наоборот, узурпаторской[4]. Ряд других авторов также согласен с тем, что принципы права в наивысшей степени рельефно отражают его содержание.

И.М. Зайцев понимал принципы цивилистического процессуального права как совокупность основополагающих положений, выражающих ценности российского населения на структуру и динамику отправления правосудия в области разрешения споров о праве гражданском[5].

М.Э. Мирзоян считает, что в понимании принципов рассматриваемой отрасли права следует исходить из того, что они представляют собой основные идеи права, закрепленные в основании законодательных актов[6].

Применительно к гражданскому процессу Германии, А.Г. Давтян отмечает, что под принципами такой отрасли права, как гражданское

---

[1] *Лапин Б.Н., Чечина Н.А.* О проблемах реформирования гражданского судопроизводство в странах СНГ // Правоведение. 2000. № 4. С. 136.

[2] *Дробязко С.Г., Козлов В.С.* Общая теория права: учебное пособие для вузов. Минск: Амалфея, 2005. С. 56.

[3] *Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 293.

[4] См.*: Байтин М.И.* О принципах и функциях права: Новые моменты // Праоведение. 2000. № 3. С. 4.

[5] См.: *Викут М.А., Зайцев И.М.* Гражданский процесс: Курс лекций. Саратов: СГАП,1998. С. 26.

[6] См.: Гражданский процесс зарубежных стран... С. 93.

судопроизводство, рассматриваются установленные законодателем общие правила всего судопроизводства при рассмотрении дел[1].

В качестве главных, общих, системообразующих, и, в силу этого, исторически, экономически, политически и социально определенных и в наибольшей степени стабильных норм, в совокупности определяющих сущность всех других гражданских процессуальных норм рассматривал принципы цивилистического процессуального права А.Ф. Воронов[2].

С.Е. Костина предлагала понимать принципы арбитражного процессуального права как общее, основное нормативно-правовое условие, прямо либо опосредованно зафиксированное в арбитражном процессуальном законодательстве и определяющее основные направления зарождения и развития норм, а также всех правовых институтов арбитражного процессуального права[3].

Следует согласиться с указанными подходами и прийти к выводу, что принцип права, не отраженный в нормах той или иной отрасли права, отсутствует как явление действительности[4]. Однако нельзя забывать и о том, что принципы арбитражного процессуального права не все непосредственно входят в состав формулировок тех или иных законодательно установленных норм, что, в свою очередь, стало бы основанием для очевидного вывода об их наличии (в качестве примера можно сослаться на диспозитивность как принцип арбитражного процессуального права). Поэтому нельзя понимать сущность принципа права только как форму его в положениях

---

[1] Там же. С. 25.

[2] См.: *Воронов А.Ф.* Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский дом «Городец», 2009. С. 39.

[3] См.: *Костина С.Е.* Развитие принципов диспозитивности и состязательности в арбитражном процессуальном праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 31.

[4] См. также: Арбитражный процесс: учебник / Под ред. *М.К. Треушникова.* М.: Зерцало, 1995. С. 30; *Евтодьева И.А.* Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1983. С. 17; *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. С. 78; *Букина В.С. Указ.* соч. С. 7; *Плешанов А.Г.* Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2002. С. 52; *Федина А.С.* Нужна ли Гражданскому процессуальному кодексу глава о принципах // Теория и практика субъективных прав и процессуальные формы их защиты: Сборник научных статей. Тверь, 2000. С. 116-127; *Чечина Н.А.* Принципы гражданского процессуального права // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса / Отв. ред. *Н.А. Чечина, Д.М. Чечот*. Л., 1979. С. 78; *Чечина Н.А.* Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1960. № 3. С. 78-79 и др.

законодательства.

Представляет интерес подход А.А. Шананина, по мнению которого под принципиальными положениями гражданского процессуального права следует понимать сжатое, рациональное организованное, государственно-волевое, нормативное воплощение всех качественных характеристик метода правовой регламентации специализированных отраслей (конституционного права, а также права гражданского) в гражданском процессуальном праве.[1]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сущность принципа заключается в нормативном закреплении, которое и служит отправной точкой для толкования права.

В связи с этим представляется обоснованной мнение, что изучение принципов права должно не только учитывать философскую парадигму, но и ориентироваться на решение прикладных юридических задач и, во всяком случае, не отрываться от отраслевой правовой проблематики[2]. При всей важности разработки философско-методологических проблем юриспруденции не следует игнорировать самостоятельное значение правовых принципов, составляющих ядро правовой системы. Указанное свойство особенно ярко проявляется в системе процессуального права, основные начала которого сформулированы в виде специальных норм-принципов[3].

По мнению Д.А. Фурсова, в том случае, когда принцип не обладает свойством нормативного закрепления, его необходимо ставить не в ряд принципов права, а в ряд принципов правосознания.[4]. Если исходить из того, что правоотношения не должны регламентироваться исключительно при помощи правовых идей, то становиться понятным, почему принципы права ни в коем случае не могут рассматриваться исключительно как научные

---

[1] См.: *Шананин А.А.* Принцип диспозитивности гражданского процессуального права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 16.

[2] См.: *Чечина Н. А.* Принципы советского гражданского процессуального права... С. 78.

[3] См.: *Орлова Л.М.* Права сторон в гражданском процессе. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1973. С. 7.

[4] *Фурсов Д.А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М.: Инфра-М, 1999. С. 360-361.

декларации. Сама возможность, а также способ осуществления принципов в правоприменительной практике, должны реализовываться по правилам, установленным законом.

Итак, каждый принцип должен иметь ясное и четкое выражение, но главное – каждый принцип должен быть закреплен в законе в ясной и конкретной форме, не допускающей иных толкований, так как:

1. Принципы права можно представить в качестве некой системы координат. Именно с ней законодатель сверяет свои действия на исходном рубеже законотворческой и законодательной деятельности. Такой подход позволяет предотвратить принятие так называемых волюнтаристских решений, которые не соответствуют правовой системе, т.е. изначально ей противоречат. От четкой сформулированности того либо иного принципа права, может зависеть не только результативность правотворческой деятельности, но и, в дальнейшей перспективе, качество всего законодательства.

2. Зафиксированные в позитивном праве принципы приобретают для правоприменителей более предметный характер. Опредмеченность принципов права мобилизует последних на правильное толкование и применение законодательства, и, кроме того, в наивысшей степени ограничивает произвол в использовании аналогии права по усмотрению субъекта при выявлении пробелов в праве.

3. Закрепленные в нормативных положениях принципы правовой действительности содействуют правовому просвещению общества, повышению уровня легитимной культуры. Данная закономерность связана с тем, что принципы права наилучшим образом усваиваются при апеллировании к ним в случае конфликтных ситуаций, возникающих в области практического правоприменения.

4. Основополагающие начала права являются ориентиром для соответствующих органов государственной власти и управления, а также лиц, уполномоченных осуществлять толкование норм права. Известно, что

строение надежнее всего возводить на чем-то незыблемом, основательном. Этим главным фундаментом правоприменительного процесса являются предельно ясно сформулированные и закрепленные в позитивном праве основополагающие нормы, иными словами – принципы права.

5. Исследование правовых требований, в содержание которых тем или иным образом входят принципы права, предоставляет возможность сформулировать и теоретически обосновать в целом всю систему фундаментальный идей, выражающих содержание права, идей, которые в обобщенном виде характеризуют его внутреннюю структуру, и, и на этой основе предложить рекомендации по дальнейшему повышению эффективности действующего законодательства[1]

Являясь ориентиром для законодательных органов государственной власти, принципы права должны устанавливать конкретные правовые требования и условия всего правового регулирования в целом. Например, мнение законодателя о характере и содержании современного судопроизводства по рассмотрению и разрешению судами споров о правах граждан находит свое выражение в принципах гражданского процессуального права. Будучи сформированными на основе прогрессивных подходов в отношении роли и значимости органов правосудия в российском обществе, принципы, в свою очередь, приобретают значение важнейших предпосылок для наиболее оптимального развития и совершенствования законодательства, регламентирующего отношения по рассмотрению и разрешению споров о праве гражданском, в направлении, которое обеспечивает наиболее надежную защиту органами правосудия прав и законных интересов граждан и юридических лиц[2]

Вследствие своего соответствия критериям системности принципы права имеют для правовой системы большую значимость по сравнению с

---

[1] См.: *Рсуф В.М.* Специально-юридические принципы права. Автореф. дис. … канд. юрид. наук: Самара, 2004. С. 12.

[2] См.: Учебник гражданского процесса / Под ред. *М.К. Треушникова.* … С. 35-36; Гражданский процесс / Под общ. ред. *Н.М. Коршунова*. М.: ЭКСМО, 2005. С. 49.

другими явлениями, составляющими содержание права. Принципы права не только выражают наиболее характерные черты правовой системы, но и выступают в качестве фундаментальных регулятивных инструментов в структуре права. В отличие от нормы права, пределы действия которой ограничены тем, что она выступает директивным или рекомендательным указанием пути развития лишь в пределах конкретного общественного отношения, правовые принципы обладают фундаментальным качеством – они способны определять генеральную линию развития как правовой системы в целом, так и всей правоприменительной практики, производной от этой системы.

Классификация принципов права на общесоциальные и специально-юридические позволила четко обозначить их роль как активных центров в системе права[1]. Если первая группа данных принципов, общесоциальная, является структурированным выразителем самих основ правовой системы, то вторая, специально-юридическая, является отражением экономических, морально-нравственных, ценностных, социально-политических и других, получивших юридическое оформление начал, обусловленных спецификой объекта правового регулирования конкретной отрасли права.

И.Е. Фарбер отмечал, что нормы права устанавливаются государственной властью на основе господствующего правосознания. По его словам: «Сам процесс правотворчества является процессом превращения правовых идей – правосознания – в правовые нормы»[2]. Однако после своего создания, нормативные регуляторы, в том числе и правовые принципы, развиваются по иным закономерностям, свойственным, по словам И.Е. Фарбера, правой системе данного государства, а не закономерностям форм сознания[3]. Хотя нормы права и вызываются к жизни правосознанием, однако после придания им объективной формы, устной, как у обычая, или характерной для законодательного акта письменной, эти нормы начинают

---

[1] См.: *Рабинович П.М.* Упрочение законности - закономерность социализма. Львов: Вища школа, 1975. С. 62.
[2] *Фарбер И.Е.* Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит. С. 39.
[3] См.: *Фарбер И.Е.* Указ. соч. С. 39.

существовать в реальной действительности, т.е. независимо от субъектов правоотношений. В связи с этим большое значение приобретает форма закрепления правовых идей в законодательстве государства.

Как уже отмечалось, принципы права закрепляются в соответствующем законодательстве в различных формах. Например, в законодательстве встречаются принципы, сформулированные как в одной, так и в целом ряде правовых норм[1]. Отсутствие дефиниции принципа права в законодательстве не должно означать ненормативность принципа права, так как он является основой всей отрасли права,ее норм и институтов[2].

Когда принцип изложен в определенной правовой норме (как, например, один из принципов арбитражного процессуального права – принцип состязательности, закрепленный в ст. 9 АПК РФ), то подобная норма не может рассматриваться вне системы других норм соответствующей отрасли, которые раскрывают содержательную часть указанного принципа. Причем в данном случае следует вести речь о взаимном влиянии, поскольку упомянутые нормы формируются вследствие непосредственного воздействия и в развитие конкретного принципа.

Следует поддержать ученых, которые подчеркивают необходимость обязательного законодательного закрепления дефиниций принципов некоторых отраслей права[3]. Это способствовало бы повышению эффективности реализации не только основных рукводящих положений, но и всего отраслевого законодательства.

Необходимо особо отметить, что принципы права – это, в первую очередь, его структурно-функциональные положения, прямо или

---

[1] См.: Гражданский процесс. Учебник / Под ред. *К.С. Юдельсона*. М.: Юриздат, 1972. С. 33; Советский гражданский процесс. Учебник / Под ред. *М.А. Гурвича*… С. 17; *Чечина Н.А.* Принципы гражданского процессуального права // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса / Отв. ред. *Н.А. Чечина, Д.М. Чечот.* Л., 1979. С. 57-58.

[2] См.: *Моисеев С.В.* Принцип диспозитивности арбитражного процесса: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 11.

[3] См., напр.: *Исаенкова О.В.* Принципы исполнительного права // Вестник СГАП. 2003. № 1 (34). С. 86; *Воронов А.Ф.* О понятии, значении и нормативном закреплении принципов гражданского и арбитражного процессуального права // Законодательство. 2003. № 12; *Моисеев С.В.* Указ. соч. С. 11; *Завидов Б.Д.* Арбитражный процессуальный кодекс: основные идеи и принципы // Российская юстиция. 1996. №3. С. 35-38; *Завидов Б.Д.* Основные идеи, принципы и положения арбитражного процессуального законодательства РФ // Арбитражный и гражданский процесс. 1998. № 12. С. 5-7; и др.

опосредованно выраженные в нормах права. Принципиальные правовые положения ни в коем случае нельзя рассматривать как нормы права, имеющие более обще содержание[1]. Безусловно, принципы, как основные начала, должны быть выражены в системе правовых норм. Но данные нормы, при этом, не являются тождественными принципам права[2].

Следует поддержать С.Е Костину в ее рассуждении о том, что нормативное закрепление принципов права обязательно приведет к формальной определенности, императивности и общеобязательности как основным признакам нормы права, поэтому не нужно выделять их как самостоятельные характеристики руководящих идей права[3].

Совокупность идей о правах, свободах и обязанностях, образующая правосознание, становится общественным регулятором лишь после обретения нормативной формы. Только в этом случае происходит трансформация правовой идеи в принцип права. В отличие от правовой идеи, регулирующая сила принципа права состоит, во-первых, в его определенности, т.е. таком свойстве, вследствие которого принцип права определяет совокупность прав и обязанностей субъектов правоотношений; во вторых, в общеобязательности – принцип права должен признаваться государственной властью и обеспечиваться всей системой мер государственного принуждения; в третьих, в общеизвестности, т.е. осведомленности о содержании принципа права тех категорий населения, которым он адресован. Совокупность указанных свойств служит важной предпосылкой реализации правовых принципов и определяет форму и содержание гарантий, в том числе процессуальных, обеспечивающих существование и функционирование принципов права как структурной основы правовых систем.

---

[1] Отождествление принципов и норм не является редкостью в процессуальной науке. См.: *Гурвич М.А.* Лекции по советскому гражданскому процессу. М.: ВЮЗИ, 1950. С. 25; *Семенов В.М.* Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1982. С. 16; *Тараненко В.Ф.* Принципы арбитражного процесса. М., 1988. С. 5; *Воронов А.Ф.* О понятии, значении... С. 26-29.

[2] См.: *Комиссаров К.И.* Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов СЮИ. Выпуск 27. Свердловск: СЮИ, 1973. С. 107.

[3] См., подробнее: *Костина С.Е.* Указ. соч. С. 30.

Исходя из вышеописанного, под принципом арбитражного процессуального права следует понимать закрепленное в нормах права или обычаях делового оборота правило поведения участников процесса, служащее гарантией реализации их закрепленных в законе прав. Следует особо обратить внимание на проблематику классификации принципов арбитражного процессуального права, не оставляя без внимания и принцип независимости.

Для юридической науки существуют различные основания для проведения классификации. Например, довольно содержательная классификация принципов предлагается А.А. Добровольским и А.Ф. Клейнманом. В рамках данного подхода выделяются следующие группы принципов: 1) принципы, регламентирующие статус состава суда; 2) принципы, посвященные конкретизации задач гражданского судопроизводства; 3) принципы, призванные определять виды и пределы процессуальных полномочий лиц, которые участвуют в деле; 4) принципы, определяющие порядок ознакомления с материалами дела и правила их исследования[1].

По роли в характере правового статуса и законодательно определённых функций суда, наряду с другими участниками процесса В.М. Семенов классифицировал принципы на следующие группы: 1) принципы, определяющие особенности статуса органа правосудия и основные демократические начала деятельности по рассмотрению и разрешению дел; 2) принципы, обусловливающие правовое положение лиц, участвующих в процессе[2].

П.Ф. Елисейкин выделял три группы принципов: 1) принципы, содержание которых соответствовало исходным целям и задачам правосудия социалистического государства (данную группу представлял, например, принцип законности); 2) принципы, которые определяли все движение

---

[1] См.: Советский гражданский процесс: учебник / Под ред. *А.А. Добровольского и А.Ф. Клейнмана*. М.: МГУ, 1970. С. 21.

[2] См.: *Семенов В.М.* Конституционные принципы… С. 28, 29, 63.

процесса по делу, а также аккумуляцию процессуального материала (к ним автор относил принцип диспозитивности, принцип состязательности и, в конечном итоге, принцип, устанавливающий процессуальное равноправие сторон); 3) принципы, придающие форму процессуальному материалу, обобщенному судом, а также определяющие форму судебного восприятия материала по делу (в данную совокупность входят принципы непосредственности, устности и непрерывности)[1].

Тем не менее, в отечественной процессуальной науке были разработаны традиционные методы систематизации принципов гражданского процессуального права, равно как и принципов арбитражного процессуального права. Согласно общепринятому в науке подходу, указанные принципы классифицируются по следующим критериям: 1) по области применения;[2] 2) по значению в отправлении правосудия (иными словами, исходя из содержания объекта правовой регламентации);[3] 3) по характеру источника законодательного закрепления;[4] 4) по текстуальной или смысловой форме закрепления правовых нормах[5].

По объекту правового регулирования принципы подразделяются на две категории: 1) структурно-функциональные, то есть такие принципы, которые регулируют внутреннюю организацию судов и основы самой деятельности по осуществлению правосудия; 2) принципы функционального содержания, которые решают задачу, ограниченную лишь процессуальной стороной

---

[1] См.: *Елисейкин П.Ф.* Предмет и принципы советского гражданского процессуального права : учебное пособие. Ярославль: Изд-во Ярославского госуниверситета, 1974. С. 62.

[2] См., напр.: *Абова Т.Е.* Арбитражный процесс в СССР (понятие, основные принципы). М., 1985. С. 78; Гражданский процесс: учебник / Под ред. *К.С. Юдельсона*... С. 33-34; *Григорьева Т.А.* Арбитражная юрисдикция … С. 81; Общая теория государства и права, Академический курс / Под ред. *М.Н. Марченко*. М.: «Зерцало», 1998. Т.2. С. 25-26; *Орлова Л.М.* Указ. соч. С. 17; *Семенов В.М.* Конституционные принципы гражданского судопроизводства. С. 30-31.

[3] См.*: Боннер А.Т.* Принцип диспозитивности ... С. 33-34; Гурвич М. А. Принципы советского гражданского процессуального права (система и содержание) // Советское государство и право. 1974. № 12. С. 4-5.

[4] См.: Гражданское процессуальное право России: учебник / Отв. ред. *М.С. Шакарян*. М.: Былина, 1999. С. 32; Гражданское судопроизводство: учебное пособие / Под ред. *В.М. Семенова.* Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. С. 28-29, 61-62.

[5] См.: *Семенов В.М.* Там же. С. 30-31; *Евтодьева И.А.* Принцип диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права: Дисс. …канд. юрид. наук. М., 1973. С. 16; *Демичев А.А.* Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. С. 5-10.

судопроизводства, т.е. регулируют деятельность суда по рассмотрению и разрешению дел, а также и деятельность других лиц, участвующих в деле.

Структурно-функциональные принципы, устанавливающие соотношение составных элементов органов правосудия, зафиксирогваны в содержании Конституции РФ[1], а также в нормах Федерального конституционного закона РФ «О судебной системе Российской Федерации».[2] Полагаем, что одно из фундаментальных начал правосудия –принцип законности, наряду с принципами судоустройства, в общепринятой научной терминологии именуемые организационными принципами (например, принцип осуществления правосудия только судом, принцип независимости судей и подчинения их только закону, принцип государственного языка судопроизводства и др.), в силу своей сущности относятся к категории общеправовых (с точки зрения процессуального права) и применяются всеми отраслями отечественного процессуального права с учетом некоторой присущей специфики, которая обусловливается своеобразием отрасли, и по этой причине не входит в категорию исключительных принципов, свойственных лишь арбитражному процессуальному праву.

В специальной литературе указывается на наличие принципов отдельных институтов права, в которых находят свое отражение специфические закономерности комплексов правовых норм той или иной отрасли права[3]. Принципы правовых институтов обладают собственной предметной обусловленностью, с их помощью конкретизируется структура права, детализируется средства правового регулирования. Вместе с тем, стесненность правового воздействия рамками конкретной группы общественных отношений с ограниченной мерой возможного поведения субъектов, не позволяют отнести принципы институтов к разряду правовых

---

[1] См.: Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. от 30.12.2008 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

[2] См.: Федеральный конституционный закон РФ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с изменениями от 25 декабря 2012 г.) // СЗ РФ. 1997. №1. Ст. 1.

[3] См.: Арбитраж в СССР: учебник / Отв. ред. *К.С. Юдельсон*. М.: Юрид. лит., 1984. С. 46; *Боннер А.Т.* Принцип диспозитивности ... С. 23.

принципов более высокого уровня – специально-юридических или общеправовых[1]. Однако данное обстоятельство вовсе не означает, что сама постановка вопроса о выделении принципов отдельных институтов права является некорректной[2]. Принципы институтов отрасли являются частью правовой действительности, отражают объективные закономерности развития права и призваны совершенствовать средства правового регулирования на основе детального структурирования всех компонентов правовой системы[3]. В связи с этим исключается противоречие принципов институтов права специально-юридическим (отраслевым) и общесоциальным принципам права.

Генетическая взаимосвязь в рамках одной отрасли права специально-юридических (отраслевых) принципов и принципов отдельных институтов данной отрасли исключает возможность функционирования и развития каждой разновидности этих принципов вне взаимной связи друг с другом, а также вне связи с отраслевыми принципами иных уровней[4]. Система принципов конкретной отрасли права представляет собой двухуровневую систему, включающую принципы высокого уровня, характеризующиеся распространением воздействия на всю отрасль права, именуемые отраслевыми, а также производные от них принципы ограниченного масштаба воздействия, именуемые принципами институтов права или принципами отдельной процессуальной стадии.

Например, принципы непосредственности, публичности, полного и всестороннего исследования материалов дела распространяются на целую область юрисдикционной деятельности – судебное разбирательство, определяя меру возможного поведения участников процесса, отстаивающих свои права и законные интересы. Действие указанных принципов

---

[1] См., например: *Чечина Н.А.* Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление... С. 31.

[2] См.: *Моисеев С.В.* Указ. соч. С. 20.

[3] См.: *Елисейкин П.Ф.* Указ. соч. С. 63.

[4] См.: *Чечина Н.А.* Принципы советского гражданского процессуального права и их нормативное закрепление... С. 81.

распространяется лишь на стадию судебного рассмотрения и разрешения дела. Ограниченность данных принципов стадией судебной процедуры не позволяет включить их в число принципов уровня всей отрасли арбитражного процессуального права[1].

Полагаем, что к отраслевым принципам арбитражного процессуального права относятся принципы процессуального равноправия, единоличного и коллегиального рассмотрения дела в арбитражном суде, диспозитивности, независимости судей арбитражных судов, состязательности, законности, юридической истины, государственного языка судопроизводства.

Перечисленные принципы закреплены в нормах арбитражного процессуального права, функционируют в области хозяйственной юрисдикции и по своей форме и содержанию в полной мере соответствуют общеправовым принципам права, включая судоустройственные.

Особенность правового регулирования арбитражного процессуального права проявляется в системности и специализации принципов права[2]. Системность данной отрасли характеризуется наличием общих принципов, объединяющих все отрасли права, регулирующих, по словам Л.С.Явича, преимущественно отношения координации, т.е. такого рода правоотношения, которые отличаются равенством субъектов[3]. Специализация принципов арбитражного процессуального права проявляется, с одной стороны, в наличии межотраслевых принципов, объединяющих комплексы отраслей права (например, гражданского процессуального и арбитражного процессуального права). С другой стороны – существованием специфических отраслевых принципов, содержание которых обусловлено предметом правового регулирования арбитражного процессуального права. Отраслевые принципы определяют внутреннее единство арбитражного процессуального права и предметное разграничение по сравнению с другими отраслями.

---

[1] См.: *Викут М.А., Зайцев И.М.* Гражданский процесс… С. 27.

[2] См.: *Воронов А.Ф.* Гражданский процесс. Эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007. С. 48.

[3] См.: *Явич Л.С.* Право развитого социалистического общества: сущность и принципы. М.: Юрид. лит., 1978. С. 172.

Значимость всех типов принципов права, общесоциальных и специально-юридических (отраслевых) состоит в том, что они выступают объективным связующим звеном между правовой системой конкретного государства и социальными явлениями экономического, политического, идеологического, морально-нравственного содержания и др. Кроме того, для всех принципов характерно наличие функционального содержания – они служат средствами осуществления методов правового регулирования, присущих обществу на конкретном этапе социального развития. В связи с этим представляется совершенно правильной постановка вопроса о том, что принципы подлежат классификации лишь по критерию уровня, но ни в коем случае не по критерию большей или меньшей значимости, почему соблюдение каждого принципа, независимо от масштаба его функционирования, обязательно в одинаковой степени в отношении каждого из них[1]. В ином случае произойдет отрыв права от объективной реальности и трансформация правовых норм в волюнтаристские предписания, что, в конечном итоге, неизбежно повлечет неэффективность и недолговечность данной системы социального воздействия на общественные отношения.

Конституционные принципы права пронизывают всю систему отраслей российского права, однако в каждой отрасли, подотрасли или правовом институте их действие проявляется по-разному. В соответствии со ст. 6 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» принцип независимости судей относится к числу важнейших принципов организции и деятельности арбитражных судов в Российской Федерации.

Указанный принцип подразумевает, что судьи арбитражного суда в процессе рассмотрения и разрешения дел обладают независимостью и в своей деятельности руководствуются исключительно положениями Конституции РФ, федерального и иного законодательства (ст. 5 АПК РФ). Независимость судьи арбитражного суда как базовый принцип арбитражного

---

[1] *Добровольская Т.Н.* Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики. М.: Юрид. лит., 1971. С. 17.

процессуального права предполагает исключение всякого давления на судью извне в процессе принятия им решения. В теории права и законодательстве определяется, что вмешательство государственных органов и органов местного самоуправления в деятельность по осуществлению правосудия, равно как и оказание давления на судью гражданами и организациями не допускается[1].

По замечанию М.С. Строговича, независимость судей характеризует всю деятельность суда по разрешению дел[2]. Роль и место данного принципа определяется тем, что любое вмешательство в судебную деятельность приводит к вынесению незаконного решения, т.к. подчиняясь незаконному воздействию, судья допускает к осуществлению правосудия некомпетентных лиц.

Независимость судей обеспечивается комплексом мер организационно-правового характера. К организационным мерам относится кадровая политика в отношении отбора и функционирования судейского корпуса; несменяемость судей; коллегиальность состава суда и др. Меры правового характера представлены комплексами норм, обеспечивающими независимость судей от вышестоящих судов, от органов государственной власти; самостоятельность каждого судьи в составе суда; разрешение дел в условиях, исключающих постороннее воздействие.

Глубинные основания теории разделения властей лежат в области системной организации социальной материи. Анализируя закономерности развития социальных систем на примере организации государственной власти, М.Л. Калужский совершенно справедливо отмечает, что система государственных органов, основанная на принципе разделения властей, является наиболее оптимальной системой социальной организации[3]. Такая

---

[1] *Амиров К.Ф., Сидоров Б.В., Харисов К.Н.* Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие. Казань: Изд-во Казанского госуниверситета, 2003. С. 44.

[2] См.: *Строгович М.С.* Демократические основы советского социалистического правосудия. М.: Наука, 1965. С. 29.

[3] См.: *Калужский М.Л.* Методологические основы анализа системных противоречий общественного развития. Омск: ОмГАУ, 2000. С. 32, 55.

система находится в состоянии равновесия, вследствие чего она минимально подвержена влиянию неконтролируемых внешних факторов. Кроме того, система, организованная подобным образом, находится в процессе непрерывной самооптимизации, в основе которой лежит взаимодействие ветвей государственной власти.

В свете изложенного нельзя не согласиться с мнением А.В. Аверина: «Доктрина разделения властей не является «искусственным» изобретением человечества, а отражает объективную закономерность развития общества»[1].

Многие гарантии вынесения законных, обоснованных и справедливых постановлений по делам, входящим в компетенцию арбитражных судов, являются следствием политической доктрины разделения властей и самостоятельности судебной власти. Независимость судей, как неотъемлемый принцип самостоятельности судебной власти, обеспечивается целым рядом норм, которые не допускают постороннее влияние на состав суда при рассмотрении и разрешении дела по спору о праве гражданском. Пресечение подобного незаконного воздействия вовсе не означает, что судебная власть в силу принципа независимости находится вне контроля со стороны государственных органов и общества в целом. Мотивировочная часть решения по делу, в которой излагаются основания выводов суда о существе рассматриваемого дела, право на обжалование незаконных или необоснованных судебных действий и постановлений, запрет на вмешательство в деятельность судебного органа со стороны вышестоящего суда даже под предлогом предостережения от судебной ошибки, право судьи коллегиального состава суда на особое мнение и т.п. призваны оградить субъектов оспоренного правоотношения от решений, постановленных не на основании материалов дела.

Как считают современные ученые-правоведы, и с ними стоит в этом согласиться, назначение судебной власти находит свое выражение в выполняемых ею функциях, к которым относят:

---

[1] *Аверин А.В.* Судебная достоверность (постановка проблемы). Владимир: Транзит-Икс, 2004. С. 46.

- обеспечение реализации принципа разделения властей;
- осуществление защиты прав и свобод личности;
- предотвращение сосредоточения абсолютной власти в компетенции какого-либо одного государственного органа;
- гарантирование принципа конституционной законности;
- исключение применения силы при политических конфликтах;
- осуществление общественного контроля за органами государственной власти[1]. Полагаем, что в рамках деятельности арбитражных судов указанные функции во многом перекликаются с задачами арбитражного правосудия.

Принципы организации правосудия получили закрепление на самом высшем уровне - в Конституции РФ, а также в Федеральном конституционном законе РФ «О судебной системе Российской Федерации». Указанные принципы, именуемые в специальной литературе организационными, представлены не только принципом независимости судей, но и системой судоустройственных принципов, среди которых можно назвать принцип осуществления правосудия только судом, принцип государственного языка судопроизводства и др.

По мнению П.М. Рабиновича, данные принципы относятся к системе правовых гарантий законности и своей основной целью имеют обеспечение осуществления других правовых норм[2]. Организационные принципы порождены процессами функциональной специализации, объективно происходящими в правовой системе и вызванными, в свою очередь, потребностью «саморегулирования» и «самоподдержания» жизненности правовой системы. Полагаем, что функциональная специализация порождает специализацию отраслевую, поэтому организационные принципы конкретизируются по предмету правового регулирования. В пределах каждой отрасли организационные принципы приобретают соответствующую

---

[1] *Григорьева Т.А.* Арбитражная юрисдикция... С. 5-11.

[2] См.: *Рабинович П.М.* Упрочение законности – закономерность социализма. Львов: Вища школа, 1975. С. 239-240.

специфику и выполняют свою часть общей межотраслевой задачи обеспечения законности.

В состав гарантий законности входит и принцип независимости судей и подчинения их только закону. Как и всякая другая гарантия, данный принцип входит в единую, целостную, иерархически разветвленную систему норм, обеспечивающую деятельность органов правосудия по применению юридических норм к оспоренному правоотношению. Принцип независимости судей является производным от принципов самостоятельности судебной власти и разделения властей и поэтому он неразрывно связан с основополагающими началами правосудия – равенством участников конфликта, который стал предметом судебного разбирательства, а также законностью, обоснованностью и справедливостью судебных постановлений по делам, отнесенным к компетенции арбитражных судов.

Особо следует выделить среди международных стандартов справедливого судебного разбирательства «Основные принципы независимости судебных органов», которые Генеральная Ассамблея предложила правительствам соблюдать и принимать в рамках национального законодательства и практики его применения резолюцией 40/146 от 13 декабря 1985 г.[1]. В резолюции провозглашаются принципы и гарантии, приверженность к которым соершенно необходима для обеспечения независимости судебных органов в любом государстве.

Принятие резолюции стало продолжением и развитием принципов, содержажихся во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г, Об этом говорится в преамбуле «Основных принципов». В них независимость судебных органов является необходимым элементом справедливого судебного разбирательства. Именно независимость в соответствии со ст. 6

---

[1] Основные принципы независимости судебных органов (приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан (Италия), 26 августа-6 сентября 1985 г., одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/32 и от 13 декабря 1985 г. № 40/146) // Советская юстиция. 1991. № 16. С. 27.

«Основных принципов» предоставляет судебным органам возможности для обеспечения справедливого хода рассмотрения судебного дела и надлежащей защиты прав сторон. Поэтому суд должен быть беспристрастен, только такой суд и никакой другой сможет обеспечить справедливое судебное разбирательство любого дела, являющегося предметом рассмотрения в арбитражном суде.

Следует согласиться с А.Т. Боннером в том, что условиями реализации принципа законности является именно независимость судей, а также широкие процессуальные права лиц, участвующих в деле, судебный котнроль и институт пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Для российских судей независимость должна быть внутренне присущим обязательным признаком судебной власти[1].

На Итоговом совещании председателей арбитражных судов России Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ Антон Иванов заметил, что институты электронного правосудия в совокупности с реализацией принципа правовой определенности в решениях арбитражных судов являются дополнительной гарантией независимости судей арбитражных судов. «Мы на деле, а не на словах, повышаем уровень защищенности и независимости наших судей – теперь они могут ссылаться в своих решениях на документы Высшего Арбитражного Суда и сложившуюся судебную практику. И мы даем нашим участникам судебных процессов возможность до начала рассмотрения дела составить объективное представление о том, как разрешаются подобные споры. Тем более что с тех пор, как мы начали публиковать решения арбитражных судов в открытом доступе в сети интернет, информация о том, как разрешались в других судах аналогичные дела, общедоступна»[2].

---

[1] *Яковлев В.Ф.* Статус судей в условиях новых демократий: независимость по отношениям к другим ветвям власти // Вестник ВАС РФ. 1999. № 7. С. 30.

[2] Выступление *А. Иванова* на итоговом совещании председателей арбитражных судов России // Электронный ресурс: http://www.arbitr.ru/press-centr/news/34406.html (Дата обращения 22.01.2012 г.).

Очевидно, в этом выступлении речь идет о дальнейшем развитии содержательного аспекта категории независимости судей арбитражного суда[1]. В последнее время изменения претерпел и институциональный аспект независимости арбитражного суда – с 1 января 2012 года созданы суды по интеллектуальным правам, что свидетельствует об углублении процесса специализации арбитражных судов, укреплении их независимости в рамках судебной системы как самостоятельного органа, наделенного исключительной компетенцией по рассмотрению и разрешению экономических споров. Однако применительно к вопросу о развитии институтов электронного правосудия особое значение приобретает именно содержание независимости судьи, а точнее, информационный аспект данной проблемы – право выносить решение в соответствии с законом и собственным усмотрением, а не только исходя из принципа «правовой определенности». Вызывает определенные вопросы и степень влияния информатизации судов на независимость судьи. В процессуальной литературе содержательный аспект независимости суда часто описывают термином «беспристрастность». Большинство ученых отождествляют его с фактической возможностью выносить судебные решения, не сталкиваясь с проблемами давления по различным направлениям. Как правило, обеспечение беспристрастности судьи связывается с широким спектром экономических, правовых и политических условий, не всегда имеющих адекватное закрепление в процессуальном праве[2].

В теории права гарантиями реализации принципа независимости судей традиционно признаются юридические, процессуальные, экономические и политические гарантии, позволяющие судьям сохранять независимость в процессе рассмотрения дел и оценивать доказательства без учета внешнего

---

[1] См.: *Цараев А.А.* Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости: Автореф. дисс. …канд. юрид. наук. М., 2003. С. 6.

[2] См.: *Михайлова О.В.* Тематический мониторинг дискурса по теме «Функционирование российской судебной системы» // Электронный ресурс: http://www.indem.ru/en/publicat/Publications.htm (Дата обращения 22.01.2012 г.).

влияния[1]. В.Д. Зорькин отмечает, что открытость судебной процедуры в широком смысле данного понятия, реализация прав посредством однозначно толкуемого процессуального закона и без внешнего влияния на суд является одной из гарантий независимости судей. Гласные, открытые судебные процессы выступают в качестве конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина, которые можно реализовать только в процессе осуществления правосудия. Огромное количество примеров защиты прав и свобод человека, провозглашенных главой второй Конституции РФ, можно обнаружить в практике Конституционного Суда, который рассматривает принципы гласности, независимости, состязательности как реализацию права на уважение достоинства личности, равенство перед законом и судом, судебную защиту и также являются не только объективной возможностью, но и реализацией субъективных прав каждого. В международном гуманитарном праве также отразился указанный подход: ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод признают субъективное право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона[2].

Итак, следует особо выделить тесную взаимосвязь беспристрастности с правом на достоверную и точную информацию о судебном процессе и реализацией транспарентности судебной власти. Применительно к уголовной юстиции данные проблемы стали сферой рекомендаций Европарламента в отношении России. Так, «Ассамблея призывает Россию повысить уровень независимости судей, чтобы оценка их деятельности не зависела от фактического содержания выносимых ими решений и требует повысить уровень независимости Совета судей и транспарентность его работы». ПАСЕ

---

[1] См.: *Акишева Ж.Л.* Гарантии реализации принципа независимости судей и подчинение их только закону в гражданском судопроизводстве: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1991. С. 5; *Т.А. Морщакова*. Принцип независимости и механизм зависимости // [Электронный ресурс: http://www.gazeta.ru/comments/2005/03/31_x_261669.shtml (Дата обращения 22.01.2012 г.).

[2] См.: Комментарий к Конституции РФ / Под ред. *В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева.* М.: Эксмо, 2010. С. 120.

считает необходимым укрепить систему распределения дел между судами и отдельными судьями, а также «содействовать формированию духа независимости и критического анализа в системе юридического образования, особенно в подготовке судей и прокуроров». ПАСЕ полагает обязательным элементом независимого правосудия «эффективно защищать адвокатов от проведения обысков и изъятия документов, касающихся конфиденциальных отношений между адвокатом и подзащитным, а также от других форм давления, в том числе, от незаконного судебного и административного преследования»[1]. Применительно к этой резолюции, воплощение идей электронного правосудия отражает повышение уровня гарантий независимости судей. Трансляция заседаний Президиума ВАС РФ в сети Интернет и формирование единого банка арбитражной практики позволяют решить еще одну актуальную и насущную проблему – общественного контроля за деятельностью судебной власти. Фактически, сегодня любой юрист может составить свое собственное обоснованное мнение в отношении процесса отправления правосудия и применения права тем или иным судьей, что, безусловно, повышает уровень личной, моральной ответственности судьи за принимаемые им решения. Однако вызывает опасение состояние вопроса о так называемом принципе правовой определенности. По нашему мнению, он во многих случаях содержательно подменяет принцип законности деятельности арбитражного суда, и, поэтому, не может включаться в доктринальную систему гарантий независимости арбитражного суда.

Принцип правовой определенности впервые получил дефиницию в решениях Европейского суда по правам человека. В международном праве он представляет собой один из элементов юридической конструкции верховенства права и тесно связан именно с однозначностью толкования норм права в процессе судебного правоприменения[2]. Относительно процесса

---

[1] Стенограмма заседания ПАСЕ по данным ИА «РИА-Новости» // Электронный ресурс: http://ria.ru/world/20090930/187029177.html (Дата обращения 22.01.2012 г.).

[2] См.: *Загайнова С.К.* Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М.: Норма, 2002. С. 153.

правоприменения указанный принцип означает не однозначность толкования законов на территории страны, а окончательность судебных постановлений и прозрачность, понятность текстов самих нормативных актов. Европейский Суд по правам человека не один раз указывал на нарушение принципа правовой определенности в виде:

а) распространение действия новых законов на ранее возникшие общественные отношения;

б) многократной отмены вступивших в законную силу судебных решений;

в) принятие законодательных положений, не отвечающих потребностям жизни общества, которые трудно реализовать на практике;

г) несоответствие частных и публичных интересов в нормативно-правовых и правоприменительных актах[1].

Таким образом, правовая определенность не должна отождествляться с единообразием арбитражной практики, а представляет собой основной принцип правотворчества и правоприменения. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 20 февраля 2006 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» отметил, что «действие принципа правовой определенности предполагает стабильность судебных актов, вступивших в законную силу, что, в свою очередь, обусловливает перенос основного бремени пересмотра решений судов на ординарные судебные инстанции – апелляционную и кассационную с соблюдением в качестве основополагающих принципов окончательности и стабильности решений, вступивших в законную силу; отступления от указанных принципов

[1] См.: Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации. М.: Институт права и публичной политики. М., 2002. С. 46.

возможны только по обстоятельствам существенного и неопровержимого характера в целях исправления судебной ошибки»[1].

Однако искусственное создание «единообразной практики» в обход требований закона, по нашему мнению, является недопустимым, поэтому в содержательном аспекте принципа независимости судей необходимо рассматривать не принцип правовой определенности, а принцип законности и беспристрастности судей. Усовершенствование механизмов обеспечения гласности и транспарентности процессуальной деятельности арбитражных судов посредством реализации на практике модели электронного правосудия позволяет, на наш взгляд, говорить о формировании нового института социальной ответственности судей в качестве дополнительной гарантии их независимости.

Какое бы то ни было постороннее влияние на состав суда, противоправное вмешательство со стороны граждан, органов государственной власти и управления, а также иных органов либо организаций и должностных лиц в процесс осуществления правосудия категорически запрещены. Поэтому одной из гарантий нормального осуществления правосудия является установление различных видов ответственности за противозаконное воздействие на деятельность суда по рассмотрению и разрешению дел.

Оценка судом фактических обстоятельств дела, проверка соответствия представленных доказательств всей совокупности материалов по делу, выводы о правах и обязанностях сторон, сделанные судом по рассматриваемому делу, должны основываться на внутреннем убеждении судейского состава арбитражного суда и ни в коем случае не быть результатом неправового постороннего воздействия.

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 3. С. 12.

Арбитражный суд в процессе рассмотрения и разрешения дел по экономическим спорам, а также по иным делам, отнесенным к его компетенции, должен опираться исключительно на закон. Суд не вправе класть в основание решения по делу мнение представителей органов власти, должностных лиц, граждан.

В связи с этим необходимо упомянуть об отмене полномочий государственных органов на пересмотр постановлений, принимавшихся государственными арбитражами. Право подобного пересмотра существовало до 1974 г. и было упразднено в связи с приданием органам правосудия, рассматривавшим хозяйственные споры, независимости при разрешении дел соответствующей компетенции.

Подводя итоги сказанному в параграфе, необходимо заметить, что искусственное создание «единообразной практики» в обход требований закона является недопустимым, поэтому в содержательном аспекте принципа независимости судей необходимо рассматривать не принцип правовой определенности, а принцип законности и беспристрастности судей.

Процессуальный принцип независимости судей арбитражного суда представляет собой основополагающие начала судопроизводства в арбитражном суде, закрепляющие беспристрастность судьи по отношению к иным субъектам процесса, а также объективность в процессе оценки доказательств. Процессуальный принцип независимости является структурным элементом независимости суда в контексте материального конституционного права.

§ 2. Гарантии независимости судей

Независимость российского судейского корпуса призвана обеспечить система политических, экономических и правовых гарантий. Данное правило установлено в статьях 10 и 11 Федерального конституционного закона «О статусе судей в Российской Федерации». Разграничение указанных гарантийных мер на три категории, строго говоря, является весьма умозрительной градацией, по причине того, что упомянутые гарантии отражены в очень разнообразных правовых нормах.

Категория политических гарантий, определяющих свойство независимости судейского состава органов арбитражного правосудия, представлена рядом правовых институтов ограничительного характера, которые направлены на установление прямого запрета судьям выполнять функции или обладать порождающим права, обязанности или ответственность статусом представителя конкретного государственного органа, иных организаций, а также иметь членство или быть на положении иного субъекта политической партии либо общественного движения, выступать в защиту интересов органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц, а также наций и этнографических групп, иных объединений граждан. Постановления органов арбитражного правосудия не должны приниматься, исходя из соображений практической целесообразности, а также системы политических ценностей лиц, осуществляющих правосудие в рамках производства по делам, составляющим компетенцию арбитражных судов.

В непосредственной близости от мест расположения зданий арбитражных судов запрещается организация и проведение мероприятий, оказывающих влияние на характер общественного мнения, а именно, всякого рода митингов, акций политического характера, манифестаций, демонстраций, шествий и т.п.

Ряд экономических гарантий, направленных на обеспечение независимости судей арбитражного суда, представлен такими

законодательно определенными положениями, которые наделяют судей правом на получение государственного материального и социального обеспечения, уровень которого определяется высоким статусом судей в обществе. Примером материального обеспечения является наделение судей комфортным жильем на безвозмездной основе.

Круг юридических гарантий независимости судей представлен совокупностью следующих норм: 1) определяющих последовательность действий при осуществлении правосудия по делам, подведомственным арбитражным судам; 2) устанавливающих правила несменяемости судей; 3) определяющих соотношение и взаимосвязь составных частей арбитражной судебной системы; 4) устанавливающих критерии отбора кандидатов на должность судьи арбитражного суда, а также порядок и основания наделения их судейскими полномочиями; 5) регламентирующих основания и порядок сложения судейских полномочий, в том числе при выходе судьи в отставку; 6) содержащих запретительные предписания вышестоящим арбитражным судам включать в содержание своих постановлений об отмене решений нижестоящих судов положения, содержащие оценку степени достоверности доказательств, а также директивы о необходимости применения конкретной материальной нормы в процессе нового рассмотрения и разрешения дела.

К числу важнейших гарантий независимости относится и комплекс норм, определяющих правила назначения кандидатов на должность судьи арбитражного суда.

Законодателем определено, что решение вопроса о назначении на должность судей арбитражного суда составляет предмет компетенции двух государственных органов – Совета Федерации Федерального Собрания РФ и Президента РФ.

Система правового регулирования порядка назначения претендентов на должность судей арбитражного суда организована таким образом, чтобы профессиональное судейское сообщество имело возможность высказать свое мнение относительно уровня профессиональной пригодности

рассматриваемых кандидатур. Поэтому предварительным этапом назначения на должность судьи арбитражного суда является получение рекомендации о назначении от судейской квалификационной коллегии.

Кандидат на должность Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ назначается Советом Федерации Федерального Собрания РФ на основании представления Президента РФ.

Представление Президента РФ, постановленное с учетом рекомендаций Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ, является основанием для назначения Советом Федерации Федерального Собрания РФ на должность также и заместителей Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ, равно как и других судей Высшего Арбитражного Суда РФ. Данное положение предусмотрено п. 1 ст. 8 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

Аналогичный порядок предусмотрен и в отношении процедуры назначения на должность председателей, их заместителей и судей арбитражных судов уровня субъектов федерации. Претенденты на указанные должности назначаются Президентом РФ, который принимает решение с учетом мнений Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ, а также мнения законодательных (представительных) органов соответствующего уровня.

Согласно ст. 11 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» ограничение сроков исполнения судьями арбитражных судов своих полномочий не предусматривается. Полномочия судьи могут быть прекращены исключительно на основании соответствующего решения квалификационной коллегии судей. Положения об этом содержатся в ст. 8 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации».

Государство обеспечивает особый режим охраны судей, членов их семей, а также принадлежащего им имущества. На соответствующие подразделения органов внутренних дел возложена обязанность принятия

всех предусмотренных законом мер в целях обеспечения безопасности как самого судьи, так и членов его семьи, а также имущества.

Законом предусмотрена важная гарантия независимости судей арбитражных судов. Лица, принадлежащие к их составу, не могут быть принуждены кем бы то ни было к выдаче объяснений или комментариев, затрагивающих существо разрешенных ими либо находящихся в их производстве дел, за исключением случаев, прямо установленных законодательством РФ, а также в порядке, регламентированном соответствующими процессуальным нормами.

Законодательством определено, что действие принципа независимости судей и подчинения их только закону распространяется на все без исключения стадии процесса и в отношении ко всем судьям системы арбитражного судопроизводства. Данный принцип воплощается в отношениях, которые образуются в пределах судейской коллегии (при коллегиальном порядке рассмотрения и разрешения дел), во взаимосвязи нижестоящих и вышестоящих арбитражных судов, отношениях арбитражных судов с физическими и юридическими лицами, которые не относятся к числу участвующих в деле.

Кроме того, законодателем установлено ограничительное положение в отношении средств массовой информации, которым запрещено обнародовать сведения об итогах рассмотрения и разрешения того или иного дела до момента вынесения соответствующего постановления арбитражного суда.

В соответствии с законодательно установленными положениями, содержащимися в ст. 16 Федерального конституционного закона «О статусе судей в Российской Федерации», одной из гарантий независимости судей является наделение их статусом неприкосновенности. Правила о неприкосновенности распространяются не только на личность судьи, но и на жилище, а также помещение, используемое судьей в служебных целях, транспорт судьи и средства его связи, корреспонденцию судьи, документы, иное его имущество.

Кроме того, одной из мер обеспечения независимости судей является запрет на привлечение судьи к любому виду ответственности вследствие мнения либо решения, выраженного судьей по рассмотренному и разрешенному им делу. Исключение составляют случаи виновности судьи в злоупотреблении полномочиями при осуществлении правосудия, если вина судьи установлена судебным приговором, вступившим в законную силу. В ст. 16 Федерального конституционного закона «О статусе судей в Российской Федерации» предусмотрена также служебная процедура привлечения судей к ответственности.

С точки зрения всестороннего обеспечения независимости судей значительное место отводится процедуре формирования судейских составов, рассматривающих и разрешающих конкретные дела, отнесенные к компетенции арбитражных судов[1].

Обеспечение законности и обоснованности разрешения конкретных дел является важной задачей правосудия. Один из путей ее решения состоит в оптимальном распределении дел, находящихся в производстве суда, среди личного состава судей и определение специализации судей в зависимости от категории дел. Данный порядок предусмотрен ст. 18 АПК РФ и исключает влияние на формирование состава суда со стороны лиц, имеющих заинтересованность в определенных результатах рассмотрения дела.

Кроме того, система норм, обеспечивающих независимость судей, включает и такой комплекс мер, как институт отвода судей. Согласно законодательно закрепленным ограничениям, все судьи, принадлежащие к определенному составу суда, либо один судья, как принадлежащий к этому составу, так и представляющий единоличный орган правосудия, могут быть заменены только при наличии удовлетворенного заявления о самоотводе или об отводе, а также при невозможности судьи осуществлять функции правосудия по причине расстройства здоровья, а также во время отпуска или нахождения на учебных курсах с отрывом от производства.

---

[1] См.: *Шерстюк В.М.* Развитие принципов арбитражного процессуального права. М.: Городец, 2004. С. 48.

Специальной гарантией независимости судей, осуществляющих правосудие в системе арбитражного судопроизводства, является особое территориальное расположение апелляционных и кассационных судов. Указанные звенья судебной системы учреждены таким образом, чтобы подведомственная им территория судебных округов не совпадала с административно-территориальной организацией субъектов Федерации.

Независимость суда традиционно обеспечивается рядом экономических, правовых и политических гарантий. В сфере экономического правосудия особое значение приобретают правовые гарантии, особенно такой специфический компонент, как организационные правовые гарантии обеспечения независимости арбитражного суда.

Вопрос об организационных гарантиях независимости судей находится на стыке юридических дисциплин. В полной мере все организационные гарантии нельзя отнести к сфере арбитражного процессуального права. В теории права их относят к сфере различных отраслей. Так, ряд ученых полагают, что независимость судьи, в том числе и арбитражного суда, представляет собой объект исключительно уголовно-правовой охраны, что предполагает отнесение к организационным гарантиям только нормы уголовного закона, которая препятствует совершению преступлений против правосудия[1]. Однако, по нашему мнению, указанный подход искусственно сужает понятие правовых гарантий, сводя их к применению исключительно норм о запрете определенных действий.

Противоречит данной позиции отраслевая точка зрения на организационные гарантии независимости судей. Так, по мнению Л.А. Кротовой, отраслевые уголовно-процессуальные гарантии составляют правовой механизм, который состоит из совокупности законодательно установленных средств (нормативной базы) и индуцируемых с их помощью способов (как нормативных предписаний по реализации данных средств), в

---

[1] См.: *Амиров К.Ф., Сидоров Б.В., Харисов К.Н.* Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие. Казань: Изд-во Казанского госуниверситета, 2003. С. 48.

своей совокупности нацеленных на разрешение задач в сфере судопроизводства по уголовным делам[1]. Таким образом, полностью сводить организационные гарантии к императивным нормам уголовного закона не представляется возможным.

Г.А. Жилин указывает на тесную связь задач гражданского и арбитражного судопроизводства и организационных гарантий независимости судей[2]. В гражданском и арбитражном процессе к организационным гарантиям независимости судей принято относить обеспеченный нормами процессуального права механизм отправления правосудия, который направлен на обеспечение независимости суда. В самом широком смысле указанное понятие коррелирует арбитражной процессуальной форме[3]. Полагаем, что уголовно-правовые гарантии организации правосудия необходимо относить не к гарантиям принципа независимости суда и судьи, а к гарантиям отличного по содержанию принципа неприкосновенности судьи.

Последний представляет собой принцип международного правосудия, содержанием которого является недопущение привлечения судьи к уголовной ответственности в порядке, который бы позволил оказать на него давление как на лицо, непосредственно отправляющее правосудие. Принцип неприкосновенности судей рассматривается в международном праве как составляющая уголовного законодательства. В обоснование данного тезиса можно сослаться на положения Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, которая была принята в соответствии с резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года, и положения Европейской хартии о статусе судей, принятой в Страсбурге 8-10 июля 1998 года. В соответствии со статусом указанных документов, принципы, положенные в их основу, подлежали закреплению в

---

[1] См.: *Кротова Л.А.* Процессуальные гарантии достижения задач уголовного судопроизводства: Дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 1982, С. 104.

[2] См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / *А.А. Власов* и др. / Под ред. *Г.А. Жилина*. М.: ООО «ТК Велби», 2004. С. 16.

[3] См.: *Давыдова Е.Ю.* Указ. соч. С. 12.

национальном законодательстве стран, ратифицировавших данные документы.

Применительно к рассматриваемой ситуации, нормативные положения международных документов подлежали закреплению в уголовно-процессуальном законодательстве, что было осуществлено посредством включения во вновь принятый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации главы пятьдесят второй «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». Нормами данного раздела УПК РФ устанавливались особый порядок возбуждения уголовного дела, привлечения судей в качестве обвиняемых, проведения в отношении них оперативно-розыскных мероприятий и специальная подсудность. В арбитражном процессуальном праве принцип независимости судей относится к конституционным, наряду с такими основными началами, как принцип законности и принцип осуществления правосудия только судом[1].

Таким образом, принцип неприкосновенности является важнейшей юридической гарантией принципа независимости суда, однако считать его тождественным всем организационным гарантиями было бы слишком широким, на наш взгляд, обобщением. Европейский суд по правам человека подчеркнул, что сам по себе принцип независимости суда носит инструментальный, обеспечивающий характер по отношению к праву человека на справедливое судебное разбирательство беспристрастным и независимым судом.

В арбитражном процессе, как указывалось выше, принцип независимости служит гарантией реализации задач правосудия. Организационные гарантии независимости суда, таким образом, недопустимо отождествлять ни с процессуальной формой в целом, ни с задачами правосудия. Их определение, на наш взгляд, требует большей конкретности. Единство статуса судей в Российской Федерации позволяет утверждать, что организационные гарантии для судей судов общей

[1] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права: Курс лекций в 2- тт. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 98.

юрисдикции и арбитражных судов имеют общую правовую природу. Указанные гарантии содержатся как в ФКЗ «О статусе судьи», так и в арбитражном процессуальном законодательстве.

В.В. Ярков полагает, что к указанным гарантиям можно отнести предусмотренную законом процедуру осуществления правосудия; гарантированное специально установленными мерами ответственности запрещение какого-либо неправового вмешательства в деятельность уполномоченных органов по осуществлению правосудия; предусмотренный законом порядок приостановления и прекращения полномочий судьи; право судьи на добровольную отставку; судейскую неприкосновенность; систему органов судейского сообщества; несменяемость судей (данное положение связано с отсутствием каких-либо ограничений сроков полномочий судей) и другие юридические гарантии[1].

Организационная независимость судебной власти немыслима без совбодного от законолательной и исполнительной властей суда, его совершенной беспристрастности и самостоятельности. Органы законодательной власти не должны принимать нормативно-правовые акты, которыми нивелируется действие решения суда, не должно быть вторжения в направления деятельности судебной власти[2].

Полагаем, что в свете изложенного право судьи рассматривать и разрешать дела на основе закона и в соответствии со своим внутренним убеждением также может найти свое место в системе организационных гарантий независимости суда. Указанное право позволяет применять закон в соответствии с его смыслом и может быть ограничено только принципом правовой определенности.

В то же время, ряд ученых относят принцип независимости судей к гарантиям законности в гражданском и арбитражном процессе. Так,

---

[1] См.: Гражданский процесс: учебник / Под ред. В.В. Яркова. М.: Бек, 1999. С. 21.

[2] См.: *Салимзянова Р.Р.* Возникновение и развитие института неприкосновенности судей в дореволюционной России // Сборник трудов молодых ученых и преподавателей КЮИ МВД России. Казань, 2006. С. 130.

необходимыми условиями реализации принципа законности А.Т. Боннер считает независимость судей, широкие процессуальные права лиц, участвующих в деле, судебный контроль и надзор, а также институт пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам[1].

Таким образом, к организационным гарантиям независимости судей в арбитражном процессе следует относить арбитражную процессуальную форму, принцип неприкосновенности суда, само построение системы арбитражных судов и самостоятельное ее место в системе разделения властей. Тесная взаимосвязь между принципом независимости арбитражного суда, целями и задачами правосудия создает условия для повышения уровня гарантий данного принципа, поэтому, полагаем, что к процессуальным гарантиям независимости суда можно отнести как судопроизводственные, так и судоустройственные принципы арбитражного процессуального права

В свою очередь, принцип независимости арбитражного суда органично связан с самим правом на судебную защиту и правом на обращение в суд.

По мнению ряда исследователей, в содержание данного принципа составляют два компонента: во-первых, так называемый институциональный, т.е. относящийся к группам норм, регулирующим сходные отношения, такие как независимость, беспристрастность, компетентность суда, срок его полномочий, и, во вторых, собственно процессуальный, устанавливающий основные начала процедуры судопроизводства по делу. К последнему компоненту относятся положения о справедливости судебного разбирательства и публичности слушания дела, равенстве участников спора, разумном времени рассмотрения дела, доступности эффективных средств защиты[2]. В настоящий период все большее признание завоевывает теория, в соответствии с положениями

---

[1] См.: *Боннер А.Т.* Принцип законности в советском гражданском процессуальном праве. М.: ВЮЗИ, 1989. С. 15.

[2] См.: *Гротрайан Э.* Право на справедливое судебное разбирательство // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М., 1997. С. 93-122; *Баранов И.В.* Доступ к правосудию в гражданском судопроизводстве на основе прецедентов Европейского Суда по правам человека // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 3. С. 27.

которой право справедливого судебного разбирательства не ограничивается исключительно вышеуказанными компонентами, но также содержит органический и специальный элементы[1].

Органическим элементом, по мнению М.Л. Энтина является правовой механизм, обеспечивающий эффективный доступ к правосудию и исполнение судебных актов. Институциональный элемент – показатели, которым должна соответствовать судебная власть. Способы обеспечения участия сторон и их представителей на всех стадиях судопроизводства, а также реализации принципов состязательности и равенства сторон составляют суть процессуального элемента. К специальным компонентом справедливого судебного разбирательства следует отнести дополнительные гарантии осуществления правосудия[2].

Нельзя не обратить внимание на совокупность элементов права на справедливое судебное разбирательство, предлагаемую С.Ф. Афанасьевым. Указанный автор не поддерживает включение в органический элемент таких разных по юридической природе прав, как, например, право на доступ к правосудию и исполнение судебных решений[3]. Далее автор делает оговорку, что институциональные компонет права на справедливое судебное разбирательство скорее соотносится с судоустройством, нежели с судопроизводством[4].

Более обоснованным, на наш взгляд, представляется подход, в рамках которого идет речь о гарантиях прав на справедливое судебное разбирательство, а не решается вопрос о компонентах данного права. Термином «компонент» обозначаются такие объекты, как составная часть, функциональный элемент либо фрагмент предмета, а также явления окружающего мира. Категория «гарантия» толкуется как средство,

---

[1] См.: *Афанасьев С.Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве: монография / Под ред. М.А. Викут. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 21-25; *Энтин М.* Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского Союза // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 3. С. 86.

[2] См.: *Энтин М.* Указ. соч. С. 86-87.

[3] См.: *Афанасьев С.Ф.* Указ. соч. С. 23.

[4] Там же. С. 26.

содействующее процессу реализации, воплощения чего-либо[1]. Очевидно, что предъявляемые к суду требования независимости, беспристрастности, компетентности, а также другие принципы и правила, имеющие сходные цели правового регулирования, не только являются содержательными элементами конституционного права на справедливое судебное разбирательство, но и гарантируют его реализацию в социальной действительности.

К числу законодательно установленных гарантий реализации права на справедливое судебное разбирательство относятся: 1) право обращения за судебной защитой или доступность правосудия; 2) право равных процессуальных возможностей, предоставленных сторонам; 3) право публичного судебного разбирательства; 4) право на осуществление правосудия по делу в разумные сроки; 5) право на независимое и беспристрастное разбирательство дела судом, созданным в соответствии с нормами закона; 6) право на предоставление времени и возможности, достаточных для собирания доказательств и обоснования позиции по делу.

Вышеуказанные положения являются совокупностью прав и корреспондируемых им обязанностей, которые содержатся в различных международно-правовых актах. Данная совокупность не является исчерпывающей. В содержание национальных законодательных актов нередко включаются и иные нормы, гарантирующие справедливое судебное разбирательство. Данные нормы относятся к числу дополнительных гарантий.

Кроме того, следует разграничивать такие правовые конструкции, как право на справедливое судебное разбирательство и право на справедливое правосудие. Например, в резолютивной части решения по делу Моннелл и Моррис против Великобритании Европейский Суд по правам человека дал развернутую характеристику пределов действия принципа справедливости, указав, что соблюдение данного принципа не должно ограничиваться

[1] См.: Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2009. С. 53, 189.

этапом слушанием дела с участием сторон[1]. В специальной литературе приведена следующая классификация прав, гарантирующих справедливое правосудие. В основу данной классификации положены критерии зависимости содержания и объема начал справедливости от стадии осуществления правосудия по рассматриваемому делу:

а) права, реализация которых связана с подготовкой дела к слушанию и другими действиями, осуществление которых предусмотрено законодательством на стадии досудебного производства;

б) права, осуществление которых возможно лишь в рамках слушания дела в суде;

в) права, реализация которых возможна лишь по окончании рассмотрения дела по существу и вынесении соответствующего постановления суда первой инстанции (т.е. права, реализуемые на стадии послесудебного производства).

Следует заметить, что некоторые нормы, регламентирующие меру возможного поведения субъекта, могут реализовываться в пределах нескольких стадий, и что отступление от требований данных норм на одном этапе с большой вероятностью окажет деструктивное воздействие на реализацию прав субъектов во время последующий стадии судебного разбирательства и оказать серьезное влияние на справедливость судебной процедуры в целом.

В содержание международно-правовых актов включены лишь права субъектов (например, по спорам о праве гражданском). Однако корреспондируемые этим правам обязанности государств и его уполномоченных органов международно-правовые акты не содержат. Это вовсе не означает, что на международном уровне отсутствуют требования обязывающего характера, адресуемые государствам и их уполномоченным органам. Специфика международно-правовых инструментов регулирования

---

[1] Judgment of ECHR of 2 March 1987 Monnell and Morris v. The United Kingdom. Paras. 55-77 // Series A. № 115.

национальных правовых систем заключается в том, что в отношении целого ряда прав, закрепленных в статьях 5 и 6 ЕКПЧ, соответствующие этим правам обязанности государств содержаться в судебных решениях ЕСПЧ. Что касается Европейской Конвенции по правам человека, то данный документ ограничивается лишь следующей ссылкой: «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции». Нормы похожего содержания, распространяющиеся на общую обязанность государств по обеспечению прав человека, включены в содержание и ст. 2 Пакта, а также ст. 1 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.

Исследование закономерностей развития права неразрывно связано с применением общенаучного структурно-логического метода, позволяющего выделить общие и отличительные черты разных правовых явлений. Названный метод положен нами в основу систематизации обязанностей государств-участников Европейской конвенции. Анализируемые обязанности предусматривают совокупность мер, которые должно реализовать государство-участник, гарантируя практическую реализацию права на справедливое судебное разбирательство.

Согласно законодательству, в том числе и нормам международно-правовых актов, в основу каждой относительно обособленной группы правоприменительных действий органа правосудия положен отдельный комплекс мер юридического характера, гарантирующих справедливое судебное разбирательство:

Подготовительная стадия

1) Праву судебной защиты и доступа к правосудию противопоставляются соответствующие обязанности государства: а) обеспечить отсутствие препятствий на пути доступа правоспособных субъектов к суду; б) наделить субъектов возможностью практического и результативного доступа к использованию органов правосудия для защиты

своих прав и охраняемых законом интересов. ЕСПЧ в деле Голдер против Великобритании[1] установил положение, согласно которому фактическое ограничение доступа к обращению в орган правосудия является таким же нарушением Конвенции, как и юридическое. Иными словами, доступность судебной инстанции должна быть реальной. Их этого положения вытекает обязанность государств-участников ЕКПЧ не только формально закрепить данное право на законодательном уровне, но и обеспечить устранение всех ограничений, фактических или юридических, на пути осуществления данного права.

2) Право доступности адвокатской помощи подразумевает обязанность государства-участника ЕСПЧ принять соответствующие меры по обеспечению фактического доступа защитника к обвиняемому и возможность их общения с соблюдением условий конфиденциальности.[2] Если же вести речь о праве на получение квалифицированных адвокатских услуг по гражданским делам, то следует признать, что ЕКПЧ не отличается четко выраженной политикой в отношении гарантий прав на безвозмездную юридическую помощь по гражданским делам. Однако политика ЕСПЧ по данному вопросу исходит из того, что квалифицированная юридическая помощь предоставляется обязательно в том случае, если это необходимо в интересах справедливого правосудия. Указанная политика ЕСПЧ отражена в деле Эйри против Ирландии. Вывод о том, повлечет ли отказ в предоставлении на безвозмездной основе услуг представителя по спорам о праве гражданском к отступлению от директив ЕКПЧ определяется совокупностью большого количества фактов и условий развития рассматриваемых правоотношений. Однако, в целом, характер данного вывода будет определяться генеральной линией правоприменительной практики ЕСПЧ, суть которой заключается в обязывании государств-членов

---

[1] Решение ЕСПЧ от 21 февраля 1975г. по делу Голдер против Соединенного Королевства П. 35-37 // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения в 2-х томах. Т. I. М.: Издательство ЕСПЧ, 2000. С. 44-45.

[2] Judgment of ECHR of 28 November 1991 S. v. Switzerland // Электронный ресурс: http://hudoc.echr.coe.int/Hudoc2doc/HEJUD/sift/294.txt (Дата обращения 22.01.2012 г.).

Совета Европы предусматривать в национальном законодательстве предоставление квалифицированной правовой поддержки по спорам о праве гражданском.

Приведенные нормы свидетельствуют, что предоставление квалифицированных юридических услуг на безвозмездной основе по гражданским делам не входит в число стандартных процедур, которые должно гарантировать государство-участник ЕСПЧ. Вместе с тем, закономерности развития международного европейского права в части, касающейся обязанностей государств-участников по предоставлению квалифицированной правовой поддержки населению, дают основания предположить, что данное направление правовой политики будет всемерно развиваться.

Стадия судебного рассмотрения и разрешения дела

1) Наделение субъектов материальных и процессуальных гражданских правоотношений правом на рассмотрение спора данных субъектов судебным органом, созданным и действующем согласно законодательным установлениям, предполагает соответствующую обязанность государств-участников ЕКПЧ – обладать удовлетворяющей международно-правовым нормам судебной системой, в рамках которой судебные органы наделены гарантированной независимостью от органов законодательной и исполнительной ветвей власти, а также от незаконного воздействия сторон и третьих лиц, а полномочия судей распространяются на срок, достаточный для всестороннего рассмотрения и разрешения дела; законодательно установить такой порядок рассмотрения и разрешения дел, в основе которого находились бы гарантии законности, практически функционирующие в каждом конкретном деле; наделить судей реальными полномочиями по вынесению постановлений об окончательном разрешении оспоренного правоотношения.

Наряду с этим, в резолютивной части решения по делу Посохов против России содержится указание ЕСПЧ, что тезис «созданным на

основании закона» распространяется не только на вопрос о том, что само создание и функционирование суда осуществляется на основании закона, но и на отношения, связанные с обеспечением легитимности судейского состава»[1]. Из данного положения следует вывод, что государства, ратифицировавшие Конвенцию, возлагают на себя обязательство по обеспечению легитимности состава судей по всем без исключения рассматриваемым делам.

2) Право проведение рассмотрения и разрешения дела независимым органом правосудия. Указанное право осуществляется на основе таких обязанностей, закрепленных за государством, как: реальное обеспечение практической независимости судебных органов (к примеру, посредством законодательного закрепления и неукоснительного соблюдения принципа разделения властей) от законодательной и, главным образом, от исполнительной ветви власти; обеспечение гарантий независимости суда по всем делам, принятым к производству, от каких бы то ни было граждан и должностных лиц, в том числе и от незаконных притязаний сторон рассматриваемого дела (гарантировать субъектную независимость).

3) Праву на рассмотрение и разрешение дела беспристрастным судом, соответствует обязанность государства установить законодательно закрепленное правило о том, что суд должен удовлетворять требованиям беспристрастности. Однако данной обязанностью мера должных действий государства не исчерпывается. Государство также должно обеспечить фактическую беспристрастность судебных органов (например, с помощью законодательно определенных ограничений, препятствующих участию в деле лиц, которые ранее являлись участниками судебного производства по этому же делу). Также государство обязано предпринять все возможные меры в целях обеспечения так называемой субъективной беспристрастности членов суда (в первую очередь – на основании нормативного установления

[1] Решение ЕСПЧ от 4 марта 2003 г. по делу Посохов против России. П. 37 // Российская газета. 2003. 8 июля. № 131.

гарантий неприкосновенности как представителей судейского корпуса, так и членов их семей; установления неблагоприятных дисциплинарных и уголовно-правовых последствий за приговоры, решения, не соответствующие материалам дела, в том числе и за заведомо неправосудные постановления; закрепления нормативно-правовых условий отстранения судьи от рассмотрения конкретного дела). Разграничение понятий объективной и субъективной беспристрастности приведено в ряде решений ЕСПЧ, в том числе и в постановлении по делу Пьерсак против Бельгии[1].

4) Право субъекта юридической процедуры требовать проведения судебных слушаний наряду со всеми лицами, которых закон связывает с данной процедурой. Данное право является производным элементом от принципа равенства всех перед судом. Указанный принцип закреплен в п. 1 ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах, а также в ст. 10 Всеобщей Декларации и в п. 1 ст. 6 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человек. Право субъекта юридической процедуры требовать проведения судебных слушаний наряду со всеми лицами детерминирует обязанность государств-участников ЕКПЧ воздерживаться от создания судебных органов, которые бы отстаивали привилегии избранных лиц, либо исходили в своих решениях из дискриминирующих положений. Практически данная обязанность представляет собой запрет на проведение судебных разбирательств, основанных на позициях расовых, половых, языковых, религиозных, политических, национальных, социальных и других подобных ограничений. Иными словами, на государства-участники ЕКПЧ возложена обязанность по ограждению судебной процедуры от проявлений дискриминации.

[1] Judgment of ECHR of 1 October l982 Piersak v. Belgium. Para. 30 // Series A. № 53.

5) Право на публичное судебное разбирательство означает, что государства должны обеспечить проведение судебных разбирательств очно, без каких-либо предварительных заявок, представленных сторонами[1].

6) Право судебного разбирательства в разумные сроки соответствует обязанность государств, ратифицировавших ЕКПЧ, создать все условия для отправления правосудия без необоснованных затрат времени, а также прилагать все усилия к устранению волокиты в рамках судебного производства по делу тому. Постановления Европейского Суда по правам человека свидетельствуют, что государство должно привлекаться к ответственности за промедления, допущенные в ходе судебного производства по делу. Причем положение о ЕКПЧ о недопустимости волокиты в судебных делах не может быть дезавуировано ссылкой государства в лице его представителей на несовершенство системы судебных органов на этапе производства по делу, а также в иных областях.[2]

7) Право на обладание равными процессуальными возможностями понимается как обязанность государства создать соответствующие гарантии, которые бы обеспечивали стороне разумную возможность представить дело в условиях, не ставящих ее в менее благоприятное положение по сравнению с противоположной стороной.

Россия пытается соответствовать международным стандартам справедливого состязательного процесса, в подтверждение этого можно обратить внимание на некоторые примеры из арбитражной судебной практики.

В арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области было подано заявление Межрайонной инспекции Министерства Российской Федерации по налогам и сборам по Ленинградской области, в котором содержалось требование о взыскании налоговых санкций с закрытого акционерного общества «Технопром-К».

---

[1] Judgment of ECHR of 8 December 1983 Axen v. Germany. Para 25 // Series A. № 52.
[2] Judgment of ECHR of 25 June 1987 Milasi v. Italy. Para 17-20 // Series A. № 119.

Суд оставил требования инспекции без удовлетворения.

Суд апелляционной инстанции, в который обратились представители инспекции, оставил апелляционную жалобу без движения на основании нарушения подателем жалобы положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

В соответствии с п. 3 (пп. 3) и п. 4 ст. 260 АПК РФ на обращающихся с апелляционной жалобой лиц возлагается обязанность отправления другим лицам, участвующим в деле, копий как самой апелляционной жалобы, так и прилагаемых к данной жалобе документов, если сведений о наличии у них данных документов не имеется. Копии жалобы и прилагаемых документов должны быть либо отправлены почтовым сообщением в виде заказного письма с уведомлением о вручении, либо вручены непосредственно лицам, участвующим в деле (их представителям) под расписку в получении. Доказательства совершения вышеуказанных действий в полном объеме должны прилагаться к апелляционной жалобе.

Инспекция к апелляционной жалобе, поступившей в арбитражный суд, приложила почтовую квитанцию о направлении заказного письма по адресу нахождения ЗАО «Технопром-К». Однако в отчетном документе отделения связи отсутствовали сведения о том, что данная корреспонденция была отправлена в виде заказного письма с уведомлением о вручении.

В связи с тем, что копия почтового уведомления не была представлена в установленный судом апелляционной инстанции срок, жалоба судом была возвращена на основании п. 5 ч. 1 ст. 264 АПК РФ.

На определение апелляционного суда, состоявшееся по вышеприведенным основаниям, была подана жалоба в кассационную инстанцию.

Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа, на основании рассмотренных материалов дела, а также доводов, включенных в содержание жалобы инспекции, отменил определение апелляционной инстанции по результатам проверки правильности применения судом норм

процессуального права. В постановлении кассационной инстанции содержалось обоснование вышеуказанной позиции. Согласно обоснованию, факт направления корреспонденции в форме заказного письма с уведомлением подтверждался копией почтового уведомления и письмом Кировского районного управления почтового отделения связи, имеющимися в деле, а также подлинником уведомления о получении, которое было представлено инспекцией на заседании апелляционного суда.

Следует отметить, что при вынесении определения апелляционной инстанции о возвращении жалобы инспекцией не были представлены доказательства того, что указанное письмо было отправлено с уведомлением о вручении, т.к. в квитанции не имелись отметки почтового отделения связи о пересылке письма с уведомлением по адресу расположения ЗАО «Технопром-К». Причем данное уведомление на тот момент все еще не было доставлено в инспекцию.

По мнению кассационной инстанции, судом апелляционной инстанции был нарушен принцип состязательного при предоставлении подлинных документов. Также было нарушены и право на доступность правосудия и право на справедливое судебное разбирательство[1].

Особое понимание права на справедливое состязательное судопроизводство характерно для ЕСПЧ, для которого не имеет значения вид процесса, а принцип состязательности в процессе должен обеспечивать равенство сторон, при этом важной роли суда в процессе ЕСПЧ не отмечает. В отечественной юридической науке и практике под состязательностью понимается не только равноправие сторон в процессе[2].

Вышеизложенные положения позволяют сделать вывод о традиционном нормативистском подходе европейского законодателя к

---

[1] Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 апреля 2004 г. № А56-27021/03 // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

[2] См. напр.: *Машовец А.О.* Принцип состязательности и его реализация в предварительном следствии: Автореф. ...дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 14; *Смирнов В.П.* Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство право. 1998. № 3. С. 58-63.

определению принципа состязательности. По свидетельству Раймона Леже, французского компаративиста, в рамках такого подхода норма формулируется самым общим образом, наподобие принципа[1]. Правоприменительная практика лишь опирается на общую норму, придавая ей расширительное толкование в случае необходимости. Поэтому норма ЕСПЧ о праве на справедливое состязательное производство, хотя и сводит принцип состязательности к обеспечению равенства сторон, но, тем не менее, при необходимости может быть распространена на регулирование вопроса о роли суда, равно как и на другие институты состязательного производства.

8) В число прав, гарантирующих справедливое судебное разбирательство, включено право на получение мотивированного судебного решения. Данное положение закреплено лишь в п. 2 ст. 9 Декларации ООН, устанавливающем права и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества в области соблюдения и защиты общепризнанных прав человека и основных свобод.

В практике ЕСПЧ праву на получение мотивированного судебного решения уделено особое внимание. Например, в постановлении ЕСПЧ по делу Хаджианастассиу против Греции было отмечено, что: 1) национальные судебные органы обязаны предельно ясно приводить мотивы выносимых решений. Соблюдение данного требования обосновывается тем, что обвиняемый должен иметь практическую возможность реализовывать право на апелляцию; 2) так как Х. мог опираться только на то, что услышал во время разбирательства дела в апелляционном суде, и не имел возможности подать подробную кассационную жалобу, то он не смог воспользоваться своим правом на справедливое судебное разбирательство дела, что нарушало п.3б ст. 6 в ее связи с п. 1 ст. 6 Конвенции[2]. Также в деле Н.

---

[1] См.: *Леже Р.* Великие правовые системы современности. Пер. с фр. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 79.

[2] Judgment of ECHR 16 December 1992 Hadjianastassiou v. Greece. Paras. 31, 33 // Series A. № 252; Judgment of ECHR 30 November 1987 H. v. Belgium. Para. 53 // Series A. № 127.

Против Бельгии ЕСПЧ указал, что отказ от включения в содержание судебного решении мотивировочной части следует рассматривать как достаточное основание для вывода о несправедливости судебного разбирательства.

Таким образом, право на получение мотивированного судебного решения обеспечивается соответствующей обязанностью государства создавать нормативно-правовые условия, гарантирующие постановление судами только мотивированных решений.

§ 3. Распространение принципа независимости судей на арбитражных заседателей

Эксперимент по привлечению арбитражных заседателей в процесс рассмотрения дел в экономическом судопроизводстве был тесно связан с необходимостью интеграции в европейское и мировое сообщество. Вступление нашей страны в Совет Европы, ратификация Федеральным Собранием Российской Федерации 30 марта 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[1] и распространение на всю территорию РФ юрисдикционных полномочий Европейского суда по правам человека вызвало ряд концептуальных изменений в гражданском и арбитражном процессе. Кроме того, введение указанного института именно в арбитражном, а не гражданском процессе было изначально обусловлено высокой общественной значимостью арбитражных дел, экономического производства для российского государства.

В литературе принято отмечать, что, привлечение непрофессиональных представителей общественности в качестве судей - арбитражных заседателей – к осуществлению государственного правосудия способствует повышению эффективности защиты прав и законных интересов предпринимателей, демократизации судебного процесса[2].

В определенный момент возникают ситуации, когда по общему правилу дело рассматривается единолично, но фактически требует коллегиального рассмотрения в силу особой сложности. Процессуальный закон не содержит формулировки, позволяющей рассматривать дела коллегиально коллегией из трех профессиональных судей ввиду их особой сложности по ходатайству лиц, участвующих в деле, однако на практике это иногда требуется. Действующий закон позволяет применять данный институт только после мотивированного заявления судьи, рассматривающего

---

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) (с изменениями от 13.05.2004 г.) // СЗ РФ. 2001. №2. Ст. 163.

[2] См.: *Злобина Е.А.* Комментарий к Федеральному закону от 30 мая 2001 г. №70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» (постатейный) // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

дело, но не по воле сторон. Последние могут лишь избрать альтернативную коллегиальную форму – рассмотрение дела с участием заседателей. Очевидно, что расширение полномочий сторон до ходатайства о коллегиальном рассмотрении в составе 3-х профессиональных судей позволит оказывать давление на судью и может негативно отразиться на уровне гарантий принципа независимости судейского корпуса. Поэтому привлечение заседателей надлежащей подготовки и профиля необходимо считать адекватной мерой повышения эффективности и качества правосудия.

Необходимо подчеркнуть, что привлечение арбитражных заседателей к разрешению экономических споров предоставляет органам арбитражного судопроизводства в максимальной степени использовать положительные стороны коллегиального порядка без рассмотрения и разрешения дел, не доводя состав суда до неоправданной численности за счет включения дополнительных профессиональных судей. Кроме того, включение арбитражных заседателей в состав судов служит задачам компенсации специальных знаний в финансово-хозяйственной и иных сферах деятельности, которыми большей частью не располагают профессиональные судьи арбитражных судов. Благодаря перечисленным качествам, институт арбитражных заседателей содействует повышению качественного уровня судопроизводства по экономическим спорам, повышению степени общественного доверия к арбитражным судам и усилению их авторитета.

В отличие от судов общей юрисдикции, компетенцию которых составляет рассмотрение уголовных дел с участием обычных граждан, привлекаемых, на основании случайной выборки, к отправлению правосудия в качестве присяжных заседателей, арбитражные заседатели относятся к категории специалистов в сфере бизнеса, журналистики, экономики, т.к. отбираются и назначаются исключительно на основе профессиональных критериев.

Указанные критерии отбора, в свою очередь, определяют особенности статуса арбитражных заседателей в процессе рассмотрения дел. В литературе

был сформулирован ряд причин, по которым институт заседателей необходимо использовать. **Во-первых**, данный институт соответствует реализации задачи транспарентности правосудия. Благодаря институту арбитражных заседателей судебная власть приобретает более прозрачный характер – свойство, которому должны соответствовать органы всех без исключения ветвей государственной власти. При этом значительно снижается кастовость судебной власти. **Во-вторых**, судебные постановления, выносимые при участии арбитражных заседателей, отличаются более устойчивым содержанием. Принятые профессиональными судьями, которые действовали наряду со специалистами в финансово-хозяйственной и иных областях, данные акты в значительно меньшей степени подвержены обвинениям в предвзятости суда. **В-третьих**, специализация арбитражных заседателей в области отношений, которые составляют предмет спора, позволяет изготавливать судебные решения на более высоком профессиональном уровне[1].

В правовых системах развитых зарубежных стран имеют место институты, аналогичные российским арбитражным заседателям. Заседателей, подобных отечественным, называют «техническими судьями». К исполнению обязанностей «технических судей», в соответствии с законодательно установленными условиями, привлекаются лица, которые в силу своей профессиональной квалификации обладают специальными познаниями в тех сферах общественных отношений, в группу которых входят отношения, составляющие предмет спора (бухгалтерия, кризисное управление, банкротство, налогообложение и т.д.).

Функционирование арбитражных заседателей в качестве института российского арбитражного судопроизводства следует рассматривать как положительный факт. В ряде публикаций неоднократно указывалось, что кадровый состав системы арбитражного судопроизводства в определенной

---

[1] См.: *Злобина Е.А.* Комментарий к Федеральному закону от 30 мая 2001 г. №70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» (постатейный) // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

части формируется за счет лиц, которые ранее участвовали в отправлении правосудия в статусе арбитражных заседателей. Авторы отмечают целесообразность данного подхода к формированию кадрового состава арбитражных судов.[1] К примеру, О. Бодрягина отмечает, что арбитражные заседатели своим появлением обязаны периоду становления российского хозяйственного правосудия. В то время данный институт пополнил механизм арбитражного правосудия вследствие насущной на тот момент необходимости способствовать правильному и своевременному разрешению дела на основе специальных познаний. Но, как отмечает О. Бодрягина, функционирование любого института неизбежно связано с тем, что практическое применение его элементов выявляет как положительные, так и негативные стороны применения норм, регламентирующих организацию и деятельность данного института. В обоснование приведенного тезиса О. Бодрягина моделирует ситуацию, которая может возникнуть при неявке заседателя – в этом случае рассмотрение дела практически блокируется[2].

Как правильно замечает В.В. Ярков, осуществление правосудия с участием арбитражных заседателей оправданно тем, что в этом случае значительно увеличивается глубина специализации судебного разбирательства по делам, отнесенных к подведомственности арбитражных судов. Благодаря институту арбитражных заседателей суд получает возможность более детального восприятия особенностей многих сфер правовой и социальной действительности, посредством включения в число лиц, осуществляющих правосудие по арбитражным делам, специалистов, к примеру, в области рынка ценных бумаг либо технологий расчетов и т.д. По этой причине арбитражные суды Российской Федерации наделяются такими положительными качествами, которые составляют неотъемлемую сторону арбитражей (третейских судов), и которые нацелены на обеспечение

---

[1] См.: *Хужокова И.М.* Комментарий к Федеральному конституционному закону от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (постатейный) // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

[2] См.: *Бодрягина О.* Арбитражные заседатели: ветер перемен (Интервью с А.А. Смола) // ЭЖ-Юрист. 2010. № 31. С. 1, 6-7.

специализации арбитров на основе включения в состав участников, осуществляющих данную деятельность, не только профессиональных юристов, но также и специалистов в самых различных отраслях[1]. Необходимо подчеркнуть, что привлечение арбитражных заседателей к участию в разрешении дел по экономическим спорам дает возможность арбитражным судам использовать все преимущества коллективного судебного органа, не расширяя состав суда за счет привлечения дополнительных профессиональных судей. Главное предназначение института арбитражных заседателей заключается в том, чтобы восполнить недостаток специальных познаний профессиональных судей в различных отраслях хозяйственной и иной деятельности. Указанные качества арбитражных заседателей способствуют повышению эффективности правосудия, под которой нами понимается соответствие целей и задач правосудия практическим результатам деятельности арбитражных судов.

Арбитражные заседатели относятся к числу специалистов в сфере бизнеса. Вся процедура их отбора и назначения построена на принципах отбора по профессиональным признакам. Указанные признаки определяют особенности статуса арбитражных заседателей при осуществлении правосудия по экономическим спорам и иным делам, отнесенным к компетенции арбитражных судов.

Указанными основаниями обусловлен, в частности, поиск новых форм участия общественности в отправлении правосудия, и форм привлечения лиц со специальными знаниями в арбитражный процесс. Первым шагом на пути преобразований явилось принятие Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[2], вслед за принятием которого был проведен эксперимент по привлечению заседателей в ряд арбитражных судов субъекта в целях повышения

---

[1] См.: Арбитражный процесс: учебник / Под редакцией В. В. Яркова. М.: Инфотропик Медиа, 2010. С. 88.

[2] Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (с изменениями от 25.декабря 2012 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

эффективности судопроизводства. В эксперименте приняли участие четырнадцать арбитражных судов. Как показала практика проведенного эксперимента, привлечение арбитражных заседателей, т.е. непрофессиональных судей, к участию в рассмотрении и разрешении дел способствует более эффективной защите прав предпринимателей и других участников арбитражного судопроизводства, демократизации деятельности арбитражных судов, обеспечению транспарентности процесса. В силу указанных причин институт арбитражных заседателей был закреплен на законодательном уровне. 30.05.2001 г. был принят Федеральный закон № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации»[1]. В последние годы данный документ претерпел значительные изменения, что позволяет говорить об определенной динамике, направленной, в том числе и на развитие институтов независимости непрофессиональных судей – арбитражных заседателей. Институт участия непрофессиональных судей в отправлении судопроизводства государственными судами в России существует в формах арбитражных заседателей арбитражных судов, и присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве. Необходимо отметить две характерные особенности:

1) суд, действующих в составе профессиональных судей и арбитражных заседателей, относится к числу (по образу суда с участием присяжных заседателей) не обязательных, а альтернативных или факультативных форм рассмотрения и разрешения дел, обращение к которой поставлено в непосредственную зависимость от воли той или иной стороны;

2) заявленное ходатайство о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей может отклоняться судом. В случае вынесения постановления об удовлетворении данного ходатайства, стороны по-отдельности выбирают ту или иную кандидатуру арбитражного заседателя числа лиц, включенных в особый список. При непредставлении заявления

[1] Федеральный закон от 30.05.2001 № 70-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» (с изм. от 02 июля 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2288.

стороны о выбранной кандидатуре более 10 дней, суд самостоятельно определяет кандидатуру арбитражного заседателя. Как считает М.Г. Митина, главное отличие арбитражных заседателей от присяжных заключается в том, что последние являются представителями общества в целом, тогда как арбитражные заседатели представляют собой профессиональных субъектов и потому оказывают содействие осуществлению правосудия посредством оценки фактической стороны дела на основании своих специальных знаний.[1] Цель передачи судебной власти в руки арбитражных заседателей, как указывал А.Т. Боннер, состоит в том, чтобы, опираясь на профессиональный опыт и специальные знания, обеспечить содействие профессиональным судьям, рассматривающим экономический спор[2]. По словам Н.Г. Ильинской, главное отличие присяжных заседателей от арбитражных заседателей заключается в области специализации последних в таких областях, как, например, экономика, финансы, банковский сектор, рекламное дело, расчетно-кредитные, валютные, таможенные отношения. Кроме того, деятельность арбитражных заседателей направлена на то, чтобы на основе своих профессиональных знаний обеспечить полное и всестороннее исследование фактической стороны дела, рассматриваемого арбитражным судом[3].

В отечественном гражданском процессе форма отправления правосудия с участием заседателей не использовалась ни разу. Это связано с высокой стоимостью процесса с участием заседателей, а также с тем, что возложение расходов на такой процесс на проигравшую сторону может в значительной степени отразиться на благосостоянии граждан. Очевидно, вводя институт арбитражных заседателей законодатель не руководствовался подобными мотивами, а исходил из совершенно других задач –

---

[1] См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. *В.В. Яркова*… С. 37-40.

[2] См.*: Боннер А.Т., Блажеев В.В.* и др. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. *М.С. Шакарян*. М.: Юристъ, 2008. С. 44.

[3] См.: *Ильинская Н.Г.* Развитие конституционных форм участия граждан в осуществлении правосудия // Современное право. 2006. № 7. С. 88-92.

необходимости привлечения лиц, которые разбираются в хозяйственных вопросах на высоком профессиональном уровне.

Вопрос о статусе арбитражного заседателя разрешается материальным правом вполне однозначно – на время осуществления своих полномочий, заседатель приравнивается к профессиональному судье, как следствие, получает гарантии аналогичного состава и объема. Основными требованиями, предъявляемыми к кандидатам в арбитражные заседатели арбитражных судов субъектов Российской Федерации являются – достижение двадцатипятилетнего возраста, но не более 70 лет; безупречная репутация; наличие высшего профессионального образования и минимально установленного пятилетнего стажа работы в областях экономики, управления, финансов, правовой или предпринимательской деятельности; наличие гражданства Российской Федерации; наличие соответствующих полномочий, приобретенных в порядке, который предусмотрен Законом об арбитражных заседателях. Указанные полномочия являются правовым основанием для осуществления правосудия арбитражными заседателями при рассмотрении в арбитражных судах субъектов Российской Федерации по первой инстанции подведомственных экономических споров и других дел, возникающих из гражданских и иных правоотношений (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 2 Закона «Об арбитражных заседателях»)[1].

В письме ВАС РФ от 6 июля 2001 г.[2] раскрываются общие условия, в соответствии с которыми арбитражные заседатели принимают участие в отправлении правосудия. Помимо прочего в данном письме приводится указание, что арбитражные заседатели принимают участие в отправлении правосудия при разрешении по первой инстанции арбитражными судами субъектов Российской Федерации дел, возникающих из гражданских правоотношений, подведомственных арбитражным судам.

---

[1] См.: *Рыжаков А.П.* Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Дело и сервис, 2010. С. 44-45.

[2] Письмо ВАС РФ от 06. 07.2001 г. № С7-7/УЗ-673 «Об организации в арбитражных судах изучения Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

Согласно Постановлению Пленума ВАС РФ от 10.11.2011 № 70 «О некоторых вопросах, связанных с участием арбитражных заседателей в осуществлении правосудия»[1], арбитражные заседатели, в соответствии с нормами, предусмотренными частями 1 и 2 ст. 19 АПК РФ, участвуют отправлении правосудия в арбитражных судах первой инстанции на основании положений АПК РФ и иных федеральных законодательных актов. Фактическим основанием участия является ходатайство стороны о пополнении судейской коллегии арбитражными заседателями ввиду особой сложности дела и (или) необходимости обращения к источнику специальных знаний в экономической, финансовой и управленческой областях. Содержательная часть ходатайства о рассмотрении дела с участием арбитражных заседателей должна включать обоснованное мнение стороны об особо сложном характере дела и (или) о необходимости использования специальных познаний.

ВАС РФ указал, что в процессе применения вышеуказанных норм арбитражным судам необходимо учитывать, что данное ходатайство должно рассматриваться по нормам ст. 159 АПК РФ и что суд может принять постановление об отказе в удовлетворении ходатайства по причине отсутствия в деле особой сложности либо при отсутствии необходимости обращения к специальным познаниям в сфере экономики, финансов, управления. Ходатайство может быть отклонено и из-за неимения среди арбитражных заседателей конкретного арбитражного суда, специалистов в той области, в которой требуются специальные знания.

На основании результатов рассмотрения ходатайства об участии в деле арбитражных заседателей арбитражным судом принимается определение, не подлежащее обжалованию.

Следует отметить, что независимость арбитражного заседателя как субъекта, наделенного юрисдикционными полномочиями, обеспечивают и

---

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 10. 11.2011 г. № 70 «О некоторых вопросах, связанных с участием арбитражных заседателей в осуществлении правосудия» // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

некоторые требования и ограничения, не позволяющие лицам с сомнительной репутацией стать заседателями. Эти ограничения апеллируют к такому составному элементу независимости как беспристрастность. Они позволяют заседателю не быть изначально настроенным на определенное мышление, присущее представителям определенных профессий, или не столкнуться с искажениями восприятия, присущими лицам, злоупотребляющим психоактивными веществами[1]. Данная норма материального права фактически позволяет говорить о наличии материально-правовых гарантий независимости.

В то же самое время, исключение отдельных категорий дел из сферы возможного рассмотрения с участием арбитражных заседателей представляет собой, по нашему мнению, указание на близость данного института к институту лиц со специальными знаниями. ВАС РФ в своем письме от 6 июля 2001 г.[2], раскрывает основные требования, предъявляемые к участию арбитражных заседателей в отправлении правосудия, устанавливает положение, согласно которому арбитражные заседатели принимают участие в отправлении правосудия при рассмотрении и разрешении арбитражными судами первой инстанции субъектов РФ дел, отнесенных к их подведомственности и возникающих на основании споров о праве гражданском.

Процедура выбора арбитражных заседателей происходит на началах беспристрастности и объективности, что позволяет обеспечивать незаинтересованность конкретного заседателя в исходе арбитражного процесса, и свидетельствует о его независимости в процессе отправления правосудия. Процедура выбора арбитражных заседателей позволяет избежать различных способов давления на них, либо выбора наиболее выгодных заседателей по личным качествам.

---

[1] См.: *Рыжаков А.П.* Указ. соч. С. 47.

[2] Письмо ВАС РФ от 06.07.2001 г. № С7-7/УЗ-673 «Об организации в арбитражных судах изучения Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

Институт заседателей, по нашему мнению, является еще одним способом подчеркнуть связь частного, гражданского права и арбитражного процесса. Основным предметом деятельности арбитражного суда, определяющим его организационно-правовую структуру, содержание задач и правовые особенности функционирования, является защита имущественных прав участников экономического оборота и тесно связанных с ними экономических неимущественных прав. Строительство демократического и проникнутого идеей общественного благополучия государства немыслимо без сильной, самостоятельной, независимой судебной власти в сфере хозяйственной деятельности. Практическая реализация принципов самостоятельности судебной власти как ветви власти в системе государства и независимости судей является общепризнанным критерием правового государства и демократического политико-правового режима, а участие заседателей только способствует повышению качества судебных решений, выносимых арбитражными судами[1].

Статья 6 АПК РФ предписывает заседателям соблюдать те же правила, что соблюдают арбитражные судьи. Поэтому все процессуальные гарантии независимости также распространяются и на заседателей. Однако указанное нельзя с уверенностью утверждать относительно гарантий, которые относятся к материально-правовому статусу судьи, в частности экономических, правовых и политических гарантий. Хотя арбитражные заседатели и получают денежную компенсацию за свой труд, ее размер не сопоставим с компенсацией, предлагаемой судьям. По аналогии с законодательством о статусе судей, платность труда заседателей часто называют статусным принципом. Так, Р.В. Чикулаев относит платность труда в одну категорию с такими принципами, как выборность арбитражных заседателей и принцип возрастного ценза[2]. Полагаем, такой подход отражает

---

[1] См.: *Татьянина Л.Г.* Указ. соч. С. 17; *Воскобитова Л.А.* Указ. соч. С. 71.

[2] См.: *Чикулаев Р.В.* Опыт участия арбитражных заседателей в рассмотрении дел, связанных с ценными бумагами // Электронный ресурс: http://www.juristlib.ru/book_8363.html (Дата обращения 22.01.2013 г.).

несколько эклектичный характер законодательства о статусе присяжных заседателей. С одной стороны, их деятельность платная, с другой – она не регулируется нормами трудового права, да и услугой в понимании гражданского права тоже не является. Публично-правовое значение данного рода деятельности позволяет отождествлять его с понятием «служение обществу». Однако в отечественном законодательстве указанное понятие лежит вне правового поля, и любая деятельность во благо защиты публичных интересов и не являющаяся государственной или муниципальной службой защищается существенно более низким уровнем гарантий независимости.

Очевидно, для установления правовой природы независимости арбитражного заседателя, необходимо поставить и разрешить вопрос о природе его заинтересованности в участии в процессе.

К числу базовых статусных принципов относятся нормы, которые позволяют говорить о социальной защите и личной неприкосновенности заседателя. Очевидно, что нахождение в качестве арбитражного заседателя в действующем арбитражном суде является престижным родом деятельности.

Однако более важным фактором является экономический. В частности, закон предписывает работодателю заседателя сохранять за ним средний заработок, рабочее место, социальные гарантии и трудовой стаж. А вот независимость и неприкосновенность в действующем законодательстве носят, во многом, усеченный характер. Так, действовавшая до 2009 года редакция Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов Российской Федерации» приравнивала арбитражных заседателей к профессиональным судьям в части, устанавливающей гарантии неприкосновенности судей и членов их семей. Представляется, данная конструкция в значительной степени соответствовала высокому статусу арбитражного заседателя в процессе.

Полагаем, что закрепление за арбитражными заседателями всех полномочий профессиональных судей в полной мере соответствует установлению гарантий их независимости, а также неприкосновенности.

Вместе с тем, наделение гражданина – арбитражного заседателя, который не является профессиональным судьей, всеми без каких бы то ни было изъятий судейскими полномочиями и правами могло повлечь, например, наделение гражданина правом на хранение и ношение табельного оружия, что, в свою очередь, не является оправданным расширением прав граждан. Окончательная урегулированность данного вопроса была достигнута в ныне действующей редакции (от 29 июня 2009 г.) Федерального закона «Об арбитражных заседателях арбитражных судов Российской Федерации». Согласно нормам указанного закона, на арбитражного заседателя должны распространяться не все гарантии в полном объеме, которыми обладают профессиональные судьи, а лишь некоторая часть этих гарантий. К числу наиболее дискуссионных вопросов урегулирования правового статуса арбитражных заседателей на сегодняшний день относится положение, согласно которому законодательством должны предусматриваться исключения из числа указанных гарантий в случае привлечения арбитражных заседателей к ответственности, уголовной либо административной.

Дело в том, что действующая редакция закона устанавливает положение, согласно которому арбитражный заседатель привлекается к ответственности в таком же порядке, как и остальные граждане.

Однако, по нашему мнению, что в современных реалиях российской жизни особый порядок привлечения к ответственности как раз и является одной из основных гарантий неприкосновенности арбитражного заседателя. Указанный порядок распространяется даже в отношении должностных лиц, не имеющих непосредственной связи с отправлением правосудия, к примеру, на лиц, входящих в состав избирательных комиссий. Представляется, принцип неприкосновенности может применяться к арбитражным заседателям в полной мере и законодательство должно воспринять этот подход. Природа заинтересованности заседателя не может являться сугубо материальной. Большое общественное значение данного рода деятельности

позволяет говорить о публично-правовом значении этого вида служения обществу. Соответственно, и уровень гарантий должен быть на уровне судейских. Иначе на заседателей довольно просто оказать давление, используя коррупционные схемы и угрожая привлечением к уголовной ответственности. С другой стороны, порядок отбора кандидатур Торгово-промышленными палатами необходимо формализовать, чтобы избежать «проникновения» в ряды заседателей лиц, намерено уклоняющихся от уголовной ответственности. Полагаем, необходимо обязать Палаты строго контролировать, не проходят ли указанные лица по какому-либо уголовному делу, и отслеживать род их деятельности.

Таким образом, деятельность арбитражных заседателей по отправлению правосудия, ее суть, основные черты и принципы, позволяют сделать вывод о недопустимости сужения уровня гарантий независимости арбитражного заседателя, и необходимости поддержания их на уровне, адекватном должностному положению лица, осуществляющего правосудие.

§ 4. Принцип независимости в свете реализации целей и задач эффективного арбитражного правосудия

Категория «эффективность» вот уже много лет находится в центре внимания процессуалистов[1]. Сущность данной категории в аспекте деятельности органов правосудия неоднократно подвергалась всестороннему анализу, в результате чего наука гражданского и арбитражного процесса обогатилась целым рядом определений понятия «эффективность», главным образом, применительно к деятельности органов правосудия. Мнения процессуалистов по данному вопросу будут рассмотрены нами ниже.

Всестороннему анализу категория эффективность подвергалась и представителями теоретико-правовой науки, мнения которых также будут учтены в рамках настоящего исследования.

Однако, на наш взгляд, развернутый анализ данной категории немыслим без обращения к семантическому методу исследования. Семантический анализ термина «эффективность» показывает, что данная лингвистическая единица присутствовала в латинском языке и в переводе на русский означала «действие» или «результативность».

В русском языке семантика слова «эффективность» не изменилась и также, как в латыни, это слово обозначало «результативность», «получение эффекта»[2].

Если анализировать понятие эффективности с точки зрения социально-гуманитарных научных дисциплин, то следует отметить, что данная теоретическая конструкция наиболее прочно вошла в понятийный арсенал таких научных отраслей как социология управления, социология права, менеджмент и экономические дисциплины. В данных отраслях научного знания одно из главных мест принадлежит подходу, согласно которому производится оценка степени эффективности конкретных систем,

---

[1] См., например: *Ткачев Н.И.* Эффективность гражданских процессуальных норм и качество правосудия // Проблемы совершенствования правосудия по гражданским делам: Сб. научных трудов. Ярославль: Изд-во Ярославского госуниверситета, 1991. С. 42.

[2] См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978. С. 837.

представляющих собой единое множество взаимодействующих элементов.

Развитие науки свидетельствует, что теоретическая категория «эффективность» была разработана и получила научное признание в процессе проведения исследований закономерностей развития социального хозяйства. Такая категория, как экономическая эффективность, по высказыванию Т.В. Яркиной, может быть определена как совокупное системное отражение итоговых результатов использования всех имеющихся ресурсов производства в течение определенного промежутка времени. Совокупным показателем экономической эффективности социального производства является производительность труда. В экономической теории эффективность рассматривается в качестве основного критерия обоснованности какой либо деятельности. Пропорциональным выражением эффективности в данном случае является соотношение производственных результатов и затрат[1]. Экономическая наука на первый план выдвигает задачу выявления и обоснования показателей эффективности. Проблема четкого определения степени экономической эффективности имеет давнюю историю. Тем не менее, представления об эффективность в предшествующие периоды социального развития и на сегодняшний день в значительной степени совпадают и связываются с такими понятиями, как экономичность, а также достижение наибольших результатов в производстве при наименьших сопутствующих затратах.

В науке выделяют производственный и социальный аспекты экономической эффективности. Для выявления сущности категории «эффективность» следует проанализировать различные виды экономической эффективности различных строн социальных отношений.

Теория управления изучает понятие целевой эффективности. Категория эффективность, будучи связанной с целеполаганием, призвана продемонстрировать уровень соответствия динамики хозяйственной подсистемы ее результативности, т.е. целевому назначению, под которым

---

[1] См.: *Яркина Т.В.* Основы экономики предприятия. М.: ИНФРА-М, 2006. С. 147.

понимается максимизация и благосостояния как общества в целом, так и каждого его индивида.

Относительно технологической, иными словами, ресурсной эффективности необходимо отметить, что данная категория используется для установления степени интенсивности вовлеченности в производство ресурсов хозяйственной подсистемы. При этом измерение данных показателей не ставится в зависимость от цены производимой продукции либо привлеченных производственных факторов.

Кроме того, показатель экономической эффективности строится с учетом платежеспособного спроса, который предъявляется конкретным рынком во взаимосвязи с общественной полезностью результатов деятельности (продуктов) той или иной хозяйственной подсистемы, и увязывает с данным спросом ценообразование рынка.

Термин «институциональная эффективность» применяется для обозначения таких переходных экономических условий, в которых ведущая роль отводится экономическим и политическим институтам. Указанные условия отражают цели и задачи того или иного институционального агентства, интегрированного в структуру предприятия государственного экономического сектора. Категория «институциональной эффективности» значительно увеличивает диапазон оценки совокупной эффективности социального производства. Указанный диапазон охватывает период окончательного оформления базовых институциональных формирований в производственном, отраслевом и территориальном аспектах исследуемых экономических подсистем.

Социально-экономическая эффективность каждого предприятия трактуется как доходная (иными словами, имеющая положительное воздействие на благосостояние общества) деятельность, которая характеризуется инновационными критериями, направлена на поддержание оптимальных условий производства и труда, а также направлен на

обеспечение стабильности институциональной среды[1]. Таким образом, эффективность с точки зрения экономической теории предстает как мера эквивалентности вложенных усилий и иных затрат материальным результатам деятельности, выраженным в капитализированной форме.

Расширение сферы употребление категории эффективности поставило задачу переосмысления ее содержания. Шаги в этом направлении предпринимались в рамках социальной философии. По мнению М.Н. Андрющенко, практическое применение категории «эффективность» подтверждает, что данная категория выступает мерой возможного, но не всякой мерой, а лишь такой, целью которой является выражение конечного результата устремлений человека, степени реализации его замыслов. Иными словами, эффективность представляет собой меру потенциального в аспекте ее приближения к максимально целесообразному, необходимому (потребному) человеку конечному результату. Резюмируя вышеприведенные положения можно утверждать, что понятие эффективности используется для отражения степени достижения цели в ее оптимальном проявлении[2]. Таким образом, философский подход к пониманию эффективности заключается в топологическом понимании данной категории, когда термин «эффективность» используется как мера тех различий, которые существовали до и после рациональной социальной деятельности, обусловленной мотивацией поставленной цели.

Существенный вклад в развитие представлений об эффективности внесли фундаментальные и прикладные науки социологического направления. Исходя из анализа широкого спектра условий, мотивирующих социальное поведение и взаимодействие, авторы социологических исследований разработали единый подход к пониманию проблемы эффективности. Суть данного подхода заключается в том, что, с позиции

---

[1] См.: *Смирных С.Н.* Социально-экономическая эффективность деятельности предприятий государственного сектора экономики: Автореф. …дисс. канд. экон. наук. Екатеринбург, 2007. С. 11.

[2] См.: *Андрющенко М.Н.* Понятие эффективности и его философский смысл // Учен. зап. каф. обществ, наук вузов г. Ленинграда. Вып. 12. Л.: ЛГУ, 1971. С. 45-46.

социологической теории, любой социальный процесс можно номинировать как эффективный, если для выполнения каждого этапа данного процесса возможна однозначно детерминированная процедура, имеющая общее название «алгоритм». Таким образом, согласно социологическим взглядам, любая форма социального поведения является эффективной, если к ней может быть применена последовательная функция или мера поведения, в качестве которой нередко выступает норма права. В этом случае задача исследователя заключается лишь в определении меры эффективности.

В частности, А.С. Пашков и Л.С. Явич исходят из того[1], что основным показателем эффективности правовой нормы выступает величина «сдвига» в практическом регулировании общественных отношений, произведенная данной нормой, соотнесенная с затратами усилий или ресурсов, которые были необходимы для данного «сдвига» («ценой»). Иными словами, сторонники данного подхода определяют эффективность в качестве своеобразной точки приложения «коэффициента усилий».

Содержание еще одной позиции по данному вопросу, представителями которой являются В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко и др.,[2] состоит в том, что в качестве критерия эффективности правовой нормы рассматривается практический результат ее применения, который заключается в реализации социальных целей, на достижение которых и была направлена данная норма.

Социометрический закон, определяющий логику исследования данных авторов, отмечает, что эффективность применения правовой нормы прямо пропорционально зависит от двух факторов: во-первых, насколько правоприменение совпадает с жизненными интересами субъектов правоотношений; а во вторых – насколько пропорциональны

---

[1] См.: Эффективность действия правовых норм / Под ред. *А.С. Пашкова, Л.С. Явича, Э.А. Фомина*. Л.: ЛГУ, 1977. С. 143.

[2] См.: Эффективность правовых норм / Авт. колл.: *В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин*. М.: Юрид. лит., 1980. С. 280.

запланированные и незапланированные побочные эффекты достигнутому социальному результату.

В пределах данной социологической доктрины развивает теорию эффективности И.Я. Дюрягин[1]. Указанный автор, в целом, исходит из того, что эффективность правовой нормы есть показатель степени реализации жизненного интереса индивида, а точнее группы двух и более индивидов как основной социальной ячейки общества. В основе данных рассуждений лежит известное положение о том, что состояние в социальных отношениях является одной из главных потребностей человека, т.к. без эмоциональных связей с другими людьми не может выжить ни один человек.

Позиция И.Я. Дюрягина основана на философской доктрине общественного интереса. В предельно абстрактной интерпретации категория «общественный интерес» определяется как «потребности», «нужды». Указанный подход к определению общественного интереса подвергался критике представителей теории права, т.к. категории «потребности» и «нужды», по мнению правоведов, имеют аморфный характер, следовательно, их содержание не может быть структурировано[2].

Полагаем, что данное мнение ошибочно, т.к. общественный интерес имеет вполне конкретную форму по причине того, что выражается во вне посредством целенаправленной деятельности людей. Характер данной деятельности зависит от осознания объективно существующих общественных интересов. Рационально осознанные общественные интересы основаны на прочной системе критериев, позволяющих однозначно определить побудительные мотивы социальной деятельности по реализации указанных интересов.

Кроме того, предметность общественного интереса, как формы проявления социальных потребностей, обусловлена объективными закономерностями экономического и политического характера.

---

[1] См.: *Дюрягин И.Я.* Право и управление. М.: Юрид. лит., 1981. С. 168.
[2] См.: Проблемы теории государства и права / Под ред. *С.С. Алексеева*. М.: Норма, 1988. С. 13.

В целом, социологическая наука определяет эффективность как основанное на согласованной системе критериев соотношение между идеальными целями субъекта и практическим результатом социальной деятельности, направленной на достижение этих целей. При этом под соотношением понимается степень удовлетворенности социального субъекта результатами своих устремлений.

Следует констатировать, что в теории права многие концепции развивались, в значительной мере опираясь на разработки социологов права. Большое количество теоретико-правовых исследований анализируют влияние правовых норм на регулируемые общественные отношения. Так, например, В.Б. Никитин, В.В. Орехов и Л.И. Спиридонов отмечают, что в для перехода от теоретизирования к конкретным прикладным исследованиям практической эффективности правовой нормы, требуется начальное построение, с одной стороны, теории эффективности самого права в целом, а с другой – разработка методики практической проверки основных научных гипотез[1]. С этой стороны следует обратить внимание на такую важную проблему, как определение критериев эффективности того или иного правового явления.

Исходя из вышеописанного эффективность права следует понимать как его способность достигать поставленной цели. Без обращения к вопросам целеполагания норм права невозможно определить уровень их эффективности. Ведь только цель, которая должна быть достигнута при правопрменении, является способом оценки эффективности данной нормы.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что уровень эффективности правовой нормы является не только результатом ее практической реализации, но и показателем соотношения указанного результата и конечной цели, на достижение которой и была направлена указанная правовая норма. К такому же выводу можно прийти не только при

---

[1] См.: *Никитин В.Б., Орехов В.В., Спиридонов Л.И.* О возможном подходе к исследованию эффективности правовой нормы // Проблемы социологии права. Вып. 1. Вильнюс: Минтис, 1970. С. 90.

исследовании эффективности правовой нормы, но и эффективности действия того или иного источника права.

Следует согласиться с В.И. Никитинским, который подчеркивал необходимость соответствия выбранных правовых средств самой поставленной цели при рассмотрении совокупности правовых средств, используемых для достижения той и или иной социальной цели, Решение проблемы соответсвия средств и целей является важнейшей предпосылкой оценки эффективности той или иной нормы. Несоответствие средств и целей правовой нормы является одной из причин существенного снижения уровня эффективности правового регулирования. Только совокупность социальной потребности, средств ее достижения и направлений действия нормы образует, собственно, и содержание поставленной цели[1]. Результатом рассматриваемого явления станет выявление конкретных критериев эффективности правовых норм с учетов выражения соответствующего результата нормативного действия и имеющейся социальной целью. Так, И.С. Самощенко, В.И. Никитинский и А.Б. Венгеров понимают эффективность правовых норм как показатель соотношения фактически достигнутого, действительного результата их действия и заявленной социальной целью, для достижения которой и были приняты данные нормы[2].

Схожей точки зрения придерживаются и современные ученые-правоведы. Например, Ю.А. Навалихиной отмечается эффективность гарантий, котрые обеспечивают социальную защиту судей, что является свойством, благодаря которому реализуются цели, на достижение которых и была направлена социальная защита судей. В качестве главных показателей, которые позволяют оценить эффективность отмеченных гарантий, следует выделить практическую реализацию судьями вышеуказанных гарантий; способность удовлетворять соответствующие потребности судей; мнение

---

[1] См.: *Никитинский В.И.* Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. С. 12-13.

[2] См.: *Самощенко И.С., Никитинский В.И., Венгеров А.Б.* К методике изучения эффективности правовых норм // Сов. государство и право. 1971. № 3. С. 70-71.

судей о роли и месте указанных гарантий при исполнении служебных обязанностей[1].

Другие теретики-правоведы, исследуя вопросы эффективности как права и отдельных правовых норм, особое внимание обращают на главнейшем свойстве права – оказании регулирующего воздействия на совокупность общественных отношений[2]. Некоторые авторы придерживаются иной точки зрения. Так, например, М.Д. Шаргородский оспаривает позицию, в соответствии с которой эффективность - это соотношение запланированного результата и цели. Он отмечал, что термины «эффект» и «эффективный» не являются тождественными. Эффект является действительным результатом или следствием какого-либо события, явления. Однако эффективным можно считать то, дает эффект, необходимый результат, то есть имеет способность практической реализации отмеченного результата[3]. Поддерживает М.Д. Шаргородского Д.М. Чечот, который понимал эффективность правового регулирования как действенность, результативность, способность влиять на общественные отношения в запланированном, социально полезном направлении[4].

Д.М. Чечот не указывал на ограниченность эффективности правового регулирования отраслевой предметной определенностью или стадийной детерминированностью. Скорее всего автор сделал это намеренно, распространяя выявленную закономерность не на отдельные элементы правового решулирования, а на механизм правового регулирования в целом. Из этого можно сделать вывод о том, что эффективность правового регулирования распространяется на все стадии правоприменения – стадия формирования и действия юридических норм; стадию возникновения прав и обязанностей (стадию правоотношения); и, наконец, на стадию реализации

---

[1] См.: *Навалихина Ю.А.* Эффективность гарантий социальной защиты судей в Российской Федерации: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Москва. 2007. С. 8.

[2] См.: *Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д.* Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Науч. ред. В.П. Малков. Казань: Изд-во Казанского госуниверситета, 1977. С. 21-22.

[3] См.: *Шаргородский М.Д.* Наказание, его цели и эффективность. Л.: ЛГУ, 1973. С. 58.

[4] См.: *Пашков А.С., Чечот Д.М.* Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Сов. государство и право. 1965. № 8. С. 3.

прав и обязанностей. В пределах всех перечисленных стадий эффективность, в понимании, предложенном Д.М. Чечотом, определяется как соответствие формы и содержания правоотношения побудительным мотивам и целям его осуществления.

При этом следует разграничивать цели, установленные государством, и нужды общества, которые могут довольно сильно отличаться друг от друга. В демократическом правовом государстве в условиях формирования и развития гражданского общества, по нашему мнению, ученые должны исходить из потребностей общества.

Концепции эффективности как результата в дальнейшем была развита в трудах Д.Н. Мешкова, который понимал эффективность воздействия права на общественные отношения как оценочную категорию, которая должна использоваться для определения степени функциональности и результативности воздействия права в состоянии динамизма. Указанный автор рассматривает эффективность и качество воздействия права как категории, которые не являются тождественными. Эффективность воздействия права Д.Н. Мешков вполне обоснованно относит к числу фундаментальных правовых понятий и категорий, которая обладает конкретным содержанием и занимает важное место среди научных инструментов правоведения. Правовая эффективность (или результативность) должна являться ядром содержания права, быть его функциональной сущностью, продемонстрировать неразрывную связь с ценностями субъекта[1].

Таким образом, эффективность следует рассматривать в качестве совокупности результатов правоприменительной деятельности, которая включает в себа как ориентированные, так и неориентированные итоги указанной деятельности. Однако вызывает некторые сомнения точка зрения Д.Н. Мешкова, в соответствии с которой эффективность является степенью функциональной результативности. Результат в сущности является функцией

---

[1] См.: *Мешков Д.Н.* Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 12.

деятельности[1]. Кроме того, при определении эффективности правоприменительной деятельности, Д.Н. Мешков учитывает только динамику правоприменительного процесса, не принмая во внимание условия его развития. Однако результат является не только функциональным назначением деятельности, но и функциональным назначением условий процесса, а именно: правоприменительной деятельности.

Особо следует выделить теоретичсекие формулировки тех ученых, которые предлагают эффективность права определять как характеристику, схожую с оптимальностью и обоснованностью правовых норм[2]. Сторонником данной концепции является А.А. Зелепукин, отмечающий такой важнейший фактор, который оказывает воздействие на степень эффективности правового регулирования, как форма нормативного акта. Исследование основных аспектов проблемы эффективности правового регулирования не представляется возможным без определения критериев эфективности законов и подзаконных актов. В соотвтствии с общеизвестной классификацией социальных отношений некоторые из них должны регулироваться исключительно законодательными консрукциями. Например, такому обязательному законодательному регулированию подлежат основные права, свободы и обязанности граждан, принципы организации и функционирования государственной власти; гарантии реализации этих прав и свобод; статус общественных объединений, политических партий.

Обязательно должны найти отражение в законодательстве фундаментальные принципы экономического и социального развития государства, отношения в сфере финансово-экономической политики, а также организации и функционирования судебной власти; принципы юридической ответственности; уголовно-процессуальные отношения и обеспечение исполнения уголовных наказаний. В законодательстве

---

[1] См.: Философская энциклопедия. В 5 тт. Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 4. С. 483.

[2] См.: *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С. 32-33.

обязательно должны отразиться и другие общественные отношения, имеющее важнейшее государственно-правовое значение[1].

В целом поддерживая А.А. Зелепукина в том, что эффективность правоприменения напрямую зависит от формы права, не следует в полной мере соглашаться с тем, что эффективность правоприменения должна определяться при помощи оптимальности. Как было сказано ранее, эффективность правоприменительного процесса является индикатором деятельности, результатом которой, наряду с ориентированными, могут быть и неориентированные, дополнительные другие противоречивые результаты. Однако категорией, отражающей самый лучший результат деятельности, протекающей в конкретных условиях и с использованием конретных средств, является оптимальность[2]. Представляется, что самый лучший результат может стать неориентированным результатом. Таким образом, уровень достижения ориентированного результата отражает оптимальность, что является гораздо более узким понятием, чем эффективность, которая предусматривает все итоги правоприменительной деятельности, в том числе и дополнительные.

При рассмотрении и сопоставлении точек зрения различных ученых-правоведов, нельзя забывать, что эффективность изучается ими не как содержательное свойство правовой нормы, а как определенный критерий, который позволяет оценить уровень правового воздействия, внешнего проявление нормы, реализовать формально определенное нормативное правило в общественной дейсвительности.

Относительно соотнесения эффективности нормативного правового регулирования той или иной отрасли права с целесообразностью его отдельных норм, следует отметить, что указанный подход вполне оправдан при использовании его в отраслях материального права. Процессуальные

---

[1] См.: *Зелепукин А.А.* К вопросу об эффективности российского законодательства // Правоведение. 1996. № 2. С. 3-15.

[2] См.: Философская энциклопедия. В 5 тт. Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 4. С. 143.

нормы как различные элементы единого целого, не должны и не могут быть точно оценены с позиции их целесообразности. Как известно, проделать сравнительный комплексный анализ результативности правоприменительного влияния практически невозможно без использования метода системного анализа.

Таким образом, в теории права эффективность имеет вспомогательное значение, указанная категория рассматривается как соответствие целям правового регулирования практического результата деятельности, полученного в итоге нормативного действия на общественные отношения, либо как содержательное свойство регулятивности, либо как показатель объективных условий с существования нормы права.

Следует поддержать А. Г. Седышева, который убежден, что условия эффективности системы правовых норм, котрые обеспечивают надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина, являются как совокупностью явлений и форм социального поведения, содержание которых определяется антропоцентристскими приницпами, в рамках которых человек является высшей ценностью, так и обстоятельствами, совокупность и характер взаимодействия которых определяют уровень, способы и методы воздействия на человека, а также социальные институты, при помощи которых можно реализовать указанные высшие ценности[1].

Теоретико-правовая конструкция «эффективность» не нова для науки гражданского процессуального права, которая рассматривает данную конструкцию в аспекте общей доктрины правосудия. Однако до современного этапа развития науки гражданского процесса указанная проблема не являлась предметом исследования большого количества ученых-процессуалистов. Поэтому представляет особый интерес проведение исследования становления и развития эффективности как категории в современной науке гражданского процесса.

---

[1] См.: *Седышев А.Г.* Проблемы понимания механизма юридической защиты прав и свобод человека: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 9.

Следует обратить внимание на то, что в научных работах, касающихся некоторых процессуальных институтов, анализируются отдельные аспекты эффективности. Например, получила широкое распространение точка зрения о необходимости дифференцированного подхода к определению социальной эффективности конкретных отраслевых норм гражданского процессуального права[1].

Указанная точка зрения верна только в случае признания того, что любая норма оказывает влияние на эффективность процессуального права в целом[2]. Данная точка зрения системно анализирует понятие эффективности, при этом связывая логически с целями и задачами гражданского судопроизводства через призму решения проблемы определения критериев эффективности отдельных гражданско-процессуальных норм при помощи использования инструментов математической статистики[3].

Одной из первых в науке советского гражданского процесса обратила внимание на необходимость исследования прикладных аспектов эффективности права, в том числе и эффективности гражданского процессуального права Н.А. Чечина. Она опиралась на исследование эффективности гражданского процессуального права как самостоятельной отрасли права, изучение отдельных институтов отрасли, а также эффективность отдельных нормативных актов и судебной практики. Все это, по ее мнению, должно было стать одним из основных направлений развития науки гражданского процессуального права. Н.А. Чечина представляла эффективность судопроизводства как функциональную взаимосвязь фактического результата воздействия на конкретное поведение людей и социальной целью (конституционной задачей), на практическую реализацию которых направлены органы правосудия[4]. Таким образом, для оценки

---

[1] См.: Осипов Ю.К. Курс советского гражданского процессуального права. В двух томах. М.: Наука, 1981. Т. 1. С. 106-108.

[2] См.: Там же. С. 108.

[3] См.: Там же. С. 110-113.

[4] См.: *Чечина Н.А.* Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л.: ЛГУ, 1987. С. 31.

функционирования институтов правосудия вполне оправданно проведение научного анализа эффективности.

Для советского права были характерны методы и инструменты, оказывающие внешнее правовое воздействие на общественные отношения – все более или менее важные для экономического развития государства, особое значение имел единый пятилетний плана[1]. Данное обстоятельство не могло не отразиться на оценке категории эффективности, связанной прежде всего, с установлением государством определенных целей правосудия в процессе их закрепления в материальном и процессуальном законе. Указанный подход нашел отражение в исследования правовоедов последующих лет. Провозглашенные законом цели, а не объективные потребности общества являются отправной точкой при проведении учеными-правоведами анализа эффективности правосудия.

На отечественной науке не мог не отразиться структурный кризис в России девяностых годов XX в., которые оказал негативное влияние на все сферы жизни общества. Проблемам эффективности правосудия в течение почти двух десятков лет почти не посвящали научные исследования специалисты в области гражданского и гражданского процессуального права. Одним из первых монографических исследований, в котором повергалась анализу эффективность правосудия по гражданским делам, было монографическое исследование А.В. Цихоцкого[2]. Следует отметить особую ценность указанной монографии для науки гражданского процессуального права. В данном моногафическом исследовании А.В. Цихоцкий предложил обоснованное по многим позициям авторское определение эффективности правосудия по гражданским делам, проанализировал проблему определения критериев эффективности правосудия, определил совокупность средств, которые способствовали бы повышению эффективности гражданского

---

[1] См.: *Ядринцева О.В.* Индивидуально-договорное правоприменение: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 3.

[2] См.: *Цихоцкий А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997. С. 32.

судопроизводства. В центре научных интересов А.В. Цихоцкого был достаточно широкий круг научных проблем, в том числе и проблема методологии гражданского судопроизводства. Для науки гражданского процесса в целом и для нашего небольшого исследования концептуальное значение имеет то, что были разграничены средства повышения эффективности правосудия и сама категория эффективности правосудия.

А.В. Цихоцкий определял эффективность правосудия гораздо более шире, чем Н.А. Чечина. Категория эффективности правосудия по спорам о праве гражданском, с его точки зрения, является характеристикой самой судебной деятельности по рассмотрению и разрешению гражданских дел. Количество постановленных законных, обоснованных и справедливых решений и отражение достижения социально значимых целей посредством осуществления правосудия по гражданским делам является основой данной характеристики[1].

Автор не совсем обоснованно и без приведения достаточных доводов сводит правосудие к социально значимой деятельности только суда, однако при этом никак не анализирует процессуальную деятельность лиц, участвующих в деле. Следует отметить, что действующем гражданском процессуальном законодательстве нашли отражение некоторые вопросы правового регулирования процессуальной деятельности, которые не связаны исключительно с деятельностью по отправлению правосудия по гражданским делам. Совершенствование институтов гражданского общества, повышение уровня правовой культуры населения, действие системы квалифицированной юридической помощи подстегнули возникновение и развитие таких важных форм защиты прав и законных интересов, как альтернативные способы разрешения споров, примирительные процедуры, медиация. Заинтересованные лица самостоятельно используют указанные формы защиты прав, а суд в свою очередь уполномочен лишь официально объявить результат этих действий. Применительно к традиционным

[1] Там же. С. 152.

процессуальным институтам следует отметить, что оценка эффективности, применяемая исключительно на основе анализа деятельности органов правосудия является одним из способов, приводящих к существенному снижению научного потенциала. Ведь факторы самостоятельности сторон в области доказывания, а также институты диспозитивности и состязательности остаются неисследованными и не подвергшимися анализу ученых-правоведов.

Однако безусловной положительной чертой анализируемого выше определения является подход, основанный именно на достижении социально значимых целей правосудия.

В данном вопросе следует подержать М.А. Викут, которая отмечает, что определение, данное А.В. Цихоцким имеет абстрактный характер, поэтому возможно возникновение трудностей в процессе фактической реализации данного определения. М.А. Викут вполне обоснованно определяла эффективность правосудия как показатель, отражающий его оптимальность. В связи с этим основные критерии эффективности находятся в содержательной стороне правосудия. Таким образом, точка зрения М.А. Викут заключалась в том, что эффективность должна определяться как результат соотношения действий суда или отдельного судьи по разрешению дела и достижения целей гражданского судопроизводства, предусмотренных законом[1].

Особо следует отметить, что научный подход, предложенный М.А. Викут, является прикладным гражданско-процессуальным аспектом развития научной доктрины 60-х гг. XX в., одним из сторонников которого был теоретик права Адам Подгорески. Представляется, что польский автор наиболее полно раскрыл определение проблемы эффективности правоприменительной деятельности, подчеркнув, что «если речь идет об

---

[1] См.: *Викут М.А.* Обеспечение судами прав лиц, участвующих в гражданском деле, как одно из условий эффективности правосудия // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 61.

эффективности действия правовых норм, то имеется в виду лишь только адекватность между намеченными результатами норм и результатами, достигнутыми этими нормами»[1]. Однако в дополнение к вышеуказанному А. Подгорески особо выделил, что запланированные законодателем результаты правоприменительной деятельности и реально достигнутые результаты действия норм права могут совсем не совпадать.

Из вышеописанного следует сделать вывод о том, научный подход, которого придерживался А. Подгорески, позволяет нам мыслить о том, что точку зрения М.А. Викут относительно необходимости поиска критериев эффективности «в содержательной стороне правосудия» надо рассматривать с позиций адекватности действий суда либо судьи, соответствия их целям правосудия, определенным законом.

В пределах исследуемой проблемы представляет особый интерес также мнение М.А. Викут относительно масштабности оценивания эффективности правосудия по гражданским делам. Концепция, предложенная М.А. Викут, оновывается на взаимоотношениях органа правосудия и субъекта, который пользуется возможностями органа правосудия в качестве средства достижения ожидаемой цели, предусмотренной законом.

Основываясь на данной концепции, М.А. Викут предложила считать базовой, отправной точкой логических рассуждений основную цель правосудия – осуществление судом правозащитной функции, то есть защиты нарушенных или оспариваемых прав и свобод и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц.

Эффективность правосудия в приведенной совокупности мер могла быть определена только как показатель соответствия правозащитной функции, осуществляемой судом, ожидаемым целям участников правового конфликта, что представляет собой содержание судебного гражданского дела[2].

---

[1] См.: *Podgorecki A.* Socjologia prava. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1962. S. 167.
[2] См.: *Викут М.А.* Обеспечение судами… С. 62.

Таким образом, точка зрения М.А. Викут по данному вопросу заключалась в том, что основной масштаб эффективности состоит в соотношении целей правосудия и целей субъектов, т.е. в степени удовлетворенности субъектов результатами осуществления юрисдикционной функции в виде защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц.

Признавая справедливость выводов, предложенных М.А. Викут, следует все же отметить, что предложенная система измерения масштаба эффективности носит односторонний характер, т.к. в качестве основного критерия эффективности избраны субъективные представления участников правового конфликта, составляющего содержание судебного гражданского дела, т.е. частноправовая заинтересованность в результатах спора.

Однако и гражданское, и арбитражное правосудие, наряду с частноправовыми, призвано обеспечивать решение и публично-правовых задач. Публично-правовые задачи сформулированы в соответствующих нормах отраслевых кодифицированных актов. Так, согласно ст. 2 ГПК РФ одной из задач гражданского судопроизводства является содействие укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду. Аналогичное положение присутствует и в пп. 4 и 5 ст. 2 АПК РФ - укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; формирование уважительного отношения к закону и суду.

Оценка эффективности правосудия, которая не учитывает публично-правовые задачи гражданского и арбитражного судопроизводства, не должна признаваться достоверным индикатором качества деятельности по разрешению гражданских, хозяйственных и иных споров, отнесенных к компетенции данных судов.

В связи с вышеизложенным представляется, что не только уровень удовлетворенности субъектов результатами осуществления правозащитной

функции в виде защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц, но и степень достижения органом правосудия, предусмотренных законом публично-правовых задач, в том числе задач укрепления законности и правопорядка, должны быть критериями эффективности правосудия по гражданским делам и делам, отнесенным к компетенции арбитражных судов.

Заслуживает внимания точка зрения И.А. Приходько, в соответствии с которой эффективность правоприменительной деятельности органа правосудия связывается с «загрузкой суда», т.е. внутренней организацией деятельности по рассмотрению и разрешению дел по спорам о праве гражданском и иных дел[1]. В итоге, одной из причин неэффективной работы органа правосудия является очень большая загруженность судей. Однако указанная точка зрения имеет право на существование лишь после проведения тщательного анализа используемых автором понятий. В указанном случае речь идет не об эффективности правоприменительной деятельности органа правосудия, а о нарушениях законодательных норм, регламентирующих его организацию и деятельность. Судебная власть всегда должна стремиться к наиболее оптимальной и удобной для граждан организации деятельности органов правосудия. Соответственно, нарушение указанных норм, даже при определении количества дел, которые должны быть рассмотрены, будет являться нарушением принципа законности. В итоге, И.А. Приходько связывает эффективность правосудия с уровнем достижения задач судопроизводства, что, в свою очередь, представляет собой очень узкую трактовку для исследования проблем эффективности.

Следует подвергнуть анализу точку зрения Ю.А. Поповой, которая указывает, что эффективность суда при осуществлении правосудия может быть определена, прежде всего, по тому, насколько судебная власть подчиняется строго регламентированной процессуальной форме при

---

[1] См.: *Приходько И.А.* Доступность правосудия в гражданском и арбитражном процессе. Основные проблемы // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Юрист, 2001.

реализации своей основной функции – отправлении правосудия[1]. Иными словами, Ю.А. Попова раскрывает содержание эффективности через призму соблюдения принципа законности, Таким образом, Ю.А. Попова, как и И.А. Приходько, сводят эффективность правосудия к пониманию ее как некой функции, отражающей взаимосвязь между правоприменительной деятельностью судебного органа и достижением задач судопроизводства при разрешении конкретного гражданского дела.

Позиция Т.Е. Абовой заключается в том, что эффективность есть показатель, отражающий, во-первых, степень удовлетворенности участников конфликта, ставшего предметом судебного разбирательства, а во вторых, достижение задач гражданского судопроизводства. Помимо прочего, показателем эффективности правосудия является, по мнению Т.Е. Абовой, добровольное исполнение решения суда сторонами[2]. Таким образом, позиция Т.Е. Абовой представляет собой интегрированное отражение основных взглядов авторов на проблему эффективности правосудия по гражданским делам. В связи с тем, что основные положения данной позиции наиболее рельефно отражены в работах М.А. Викут и М.С. Шакарян, развернутый анализ данных положений нами представлен в тех разделах исследования, которые посвящены рассмотрению мнений последних двух авторов. Отметим только, что связь между эффективностью правосудия и добровольным исполнением решения далеко не так очевидна, как предлагает считать Т.Е. Абова. В конце концов, добровольное исполнение решения может свидетельствовать и об обратном – если, к примеру, решение не в полной мере удовлетворяет интересы истца и при этом оказывается слишком необременительным для ответчика.

---

[1] См.: *Попова Ю.А.* Гражданская процессуальная форма – гарантия эффективности правосудия по гражданским делам // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Юристъ, 2001.

[2] См.: *Абова Т.Е.* Обеспечение юридическим и физическим лицам права на судебную защиту // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.Юрист, 2001.

Наша позиция по вопросу эффективности правосудия созвучна с мнением М.С. Шакарян. При этом не по всем аспектам рассматриваемой проблематики мы можем согласиться с указанным автором.

По мнению М.С. Шакарян, эффективность правосудия может быть определена как «достижение цели судебной защиты, задач правосудия»[1]. Семантический анализ содержания предложенной конструкции позволяет истолковать словосочетание «достижение цели» не как длящееся действие, а как обозначение совершенного действия. Из этого следует вывод, что в своих заключениях М.С. Шакарян опиралась на отождествление категорий «эффективность» и «результативность». Таким образом, М.С. Шакарян в своих рассуждениях об эффективности правосудия солидарна с мнением М.А. Викут и, во всяком случае, не выходит за рамки вышеприведенной концепции А. Подгорески, согласно которой эффективность есть степень совпадения запланированного и реального результата правоприменительной деятельности. Основное расхождение позиций М.А. Викут и М.С. Шакарян заключается в ракурсе предложенного решения проблемы эффективности правосудия. М.С. Шакарян предлагает оценивать эффективность не только с учетом частноправовой заинтересованности субъектов в результатах разрешения спора, данная позиция была обозначена М.А. Викут, но и на основании других факторов. Одним из этих факторов является степень разрешения органом правосудия, на основании постановления которого был разрешен спор, установленных законом публично-правовых задач. В качестве другого фактора, от которого зависит степень эффективности правосудия, М.С. Шакарян называет учет не только этапа вынесении, но и этапа исполнения решения по делу.

Развернутый анализ позиции М.С. Шакарян приводит к выводу, что цель правосудия может быть в полной мере достигнута лишь в том случае, если решение не только устранило сомнения в существовании

---

[1] *Шакарян М.С.* Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Юристъ, 2001.

правоотношения, которое стало предметом спора, но и нашло реальное воплощение в практическом создании нового общественного отношения, которое построено по правилам, установленным законом, правильно организовано. Таким образом следует солгласиться с М.С. Шакаряном в том, что эффективность правосудия зависит не только от действий судебного органа, но и законных действий судебного пристава-исполнителя[1].

Очевидно, что позиции М.А. Викут и М.С. Шакаряна схожи, указанные авторы понимали эффективность правосудия как уровень практической реализации задач гражданского судопроизводства, которые определены законом. Таким образом, М.А. Викут и М.С. Шакарян ограничивались тем, что эффективность является показателем уровня достижения запланированного результата. Как известно, еще в 60-е гг. XX в. Н.С. Самощенко и В.И. Никитинский, которые занимались исследованием проблем эффективности правоприменительной деятельности, критиковали указанный подход. Эффективность, по их мнению, «нельзя сводить лишь к достижению или недостижению с помощью правовых средств планируемого результата»[2]. В процессе исследования данной проблематики Н.С. Самощенко и В.И. Никитинский указывают на то, что эффективность не можеть оцениваться только по сведениям о достижении тех целей, которые имел в виду законодатель. Эффективность может быть определена, при этом в значительной степени, по наличию или отсутствию побочного, дополнительного итога правоприменения.

Что касается анализируемой проблематики вышеописанный подход Н.С. Самощенко и В.И. Никитинского позволяет сделать вывод, что эффективность правосудия по гражданским делам и делам, отнесенным к компетенции арбитражных судов, не может быть ограничена только пределами отношений, касающихся вынесения судебного решения по делу и

---

[1] См.: *Шакарян М.С.* Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Юристъ, 2001.

[2] *Самощенко И.С., Никитинский В.И.* Изучение эффективности действующего законодательства. // Советское государство и право. М.: ИГПАН СССР, 1969. № 8. С. 10.

его исполнения. На наш взгляд, основным критерием эффективности правосудия является соответствие норм материального и процессуального законодательства, применяемого судом и органом исполнительного производства по рассматриваемому делу, праву в широком смысле, как общеобязательной форме равенства, свободы и справедливости[1]. Только применение справедливого законодательства, которое в полной мере соответствует праву, адекватно критериям равенства и свободы, позволит исключить неожиданные негативные результаты правоприменения в гражданской процессуальной деятельности органов правосудия, а также в деятельности органов исполнительного производства.

Таким образом, нельзя не отметить, что комплексный, основанный на справедливом и общеобязательном законодательстве, индикатор, который отражает степень адекватности правоприменительной деятельности суда, исполнительного органа, соответствует целям участников правового конфликта, составляет содержание гражданского судебного дела, а также задачи гражданского и арбитражного судопроизводства и есть эффективность правосудия по гражданским делам.

Следует обратиться к Р.О. Халфиной, которая совершенно справедливо указывает, что в экономике, технике и других отраслях науки уже существует достаточное количество знаний по решению проблемы оптимального регулирования. Самой эффективной формой для целей права является создание модели оптимального поведения в той или иной конкретной типичной ситуации. При этом следует иметь в виду, что модель должна помочь определить правовое положение участников. дистрибутивность их прав и обязанностей, последствия осуществления права, исполнения и неисполнения обязанностей. Различные способы распределения прав и обязанностей и последствия их нарушения должны стимулировать поведение, которое в полной мере обеспечит достижение

---

[1] Подробнее о соотношении понятий «право» и «закон» см.: *Нерсесянц В.С.* Философия права: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 39.

поставленных целей. Отражение указанной модели в праве призвано воздействовать на соответствующую деятельность органов государственной власти, должностных лиц этих органов и лиц, преследующих частные интересы[1].

При рассмотрении проблемы соотношения понятия эффективности правосудия в целом и понятия эффективности правосудия по отдельному делу следует отметить, что данная проблема уже исследовалась в процессуальной науке. В уголовно-процессуальной науке оценка эффективности отдельно взятого приговора подверглась резкой критике[2].

В теории процессуального права можно выделить два подхода к определению эффективности правосудия. В рамках первого подхода оценивается правосудие как форма государственной деятельности, способ обеспечения и защиты прав и законных интересов граждан. В теории гражданского процесса советского периода и гражданского процессуального права предлагалось оценивать эффективность отдельно взятого судебного акта[3]. Указанный подход критиковался Н.А. Чечиной, так как правоприменительные акты являются юридическими фактами, с которыми государство связывает процесс реализации прав гражданина, то они создают правовую форму обеспечения прав, способствуют практической реализации абстрактной социальной возможности[4].

По нашему мнению, модели судопроизводства, изложенной в гражданском процессуальном законе, соответствует эффективность судопроизводства. Однако следует отметить, что для целей и задач судопроизводства, изложенных в нормах процессуального права, вполне соответствует легальная модель рассмотрения и разрешения гражданских дел в целом.

---

[1] См.: *Халфина Р.О.* Право, как средство социального управления. М.: Юрист, 1988. С. 72-74.

[2] См.: *Морщакова Т.Г. Петрухин И.Л.* Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) М.: Наука, 1987. С. 23.

[3] См.: *Глазырин В.В., Никитинский В.И.* Эффективность правоприменительных актов // Советское государство и право. 1984. № 2. С. 13.

[4] См.: *Чечина Н.А.* Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права... С. 31.

Эффективность отдельного процессуального института, отдельных норм гражданского процессуального и арбитражного процессуального права, а также эффективность судопроизводства по соответствующему гражданскому делу можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле.

Однако не следует забывать, что эффективность судопроизводства в широком смысле должна охватывать определение понятия эффективности в узком значении.

Определенные черты характеризуют эффективность судопроизводства в широкой трактовке. Во-первых, следует отметить нормативно-правовое определение целей и задач гражданского судопроизводства. Во-вторых, понятие эффективности нельзя отрывать от соответствующего механизма реализации указанных прав, это в свою очередь не исключает анализа эффективности отдельных гражданско-процессуальных норм.

Следует согласиться с Ф.А. Фаткуллиным, который придерживается позиции, что достаточно сложно оценить эффективность правовой нормы в статике, не учитывая реальный механизм ее действия, это в свою очередь образует разрыв между правовой нормой и регулируемыми ею общественными отношениями[1].

Следует отметить, что категорию эффективности нельзя определять как совершенство, указанное понятие не совсем подходит для научного определения права и его воздействия на жизнь общества.

Проанализировав различные научные подходы к определению понятия эффективности, можно сделать вывод о том, что представляется довольно трудоемким действием определение критериев эффективности того или иного правового явления, не изучив проблемы определения сути самого явления. Для гуманитарных наук эффективность имеет значение как прикладная категория, направленная на оценку результатов деятельности

---

[1] См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976. С. 16.

человека или явления с точки зрения их адекватности определенной цели. Эффективность права в целом и эффективность отдельных структурных элементов права: норм, отраслей, институтов уже исследовалась в юридической науке. Ученые-правоведы выделили основные черты, которые могут стать хорошим подспорьем в разработке общего понятия эффективности в процессуальном праве. Особо следует обратить внимание на определение факторов эффективности процессуальной деятельности суда и лиц, участвующих в деле. Следует назвать общие черты, которые предлагались учеными-юристами. Среди них наличие соответствующего задачам права в обществе механизма правового регулирования, социальный результат воздействия права или его структурных элементов на систему общественных отношений, и, конечно, нельзя не отметить форму воздействия права.

Как системообразующая деятельность для отрасли гражданского процессуального и арбитражного процессуального права в науке цивилистического процесса исследовалась эффективность правосудия. Нет единого мнения по поводу определения понятия эффективности правосудия. С одной стороны, в широком смысле, это соответствие судебных решений социальным целям правосудия, с другой стороны в узком смысле – соответствие любого судебного акта целям защиты прав человека при отправлении правосудия. Также получил широкое распространение подход, в рамках которого эффективность судопроизводства должна относиться исключительно к закрепленным в законодательстве целям и задачам правосудия. Указанная точка зрения не совсем соответствует актуальному процессуальному статусу лиц, участвующих в деле, формированию институтов альтернативного разрешения споров, а также развитию состязательности в гражданском и арбитражном процессе. Кроме того, гражданский и арбитражный процесс играет в современном обществе более важную роль, чем цели судопроизводства, закрепленные на законодательном уровне. Именно поэтому необходимо проводить анализ эффективности

деятельности не только суда, но и лиц, участвующих в деле. Исследование проблемы определения факторов эффективности в деятельности суда и лиц, участвующих в деле будут иметь в этой связи существенное как теоретическое, так и прикладное значение в современных общественных условиях.

Исходя из вышеописанного, предлагается определять эффективность гражданского и арбитражного процессуального права как адекватность итогов регулирующего воздействия норм гражданского процессуального и арбитражного процессуального права гарантированному Конституцией принципу защиты прав и свобод человека и гражданина.

Следует отметить, что к сущностным чертам понятия эффективности гражданского и арбитражного процессуального права следует отнести: итоги регулятивного воздействия права на общественные отношения и адекватность таких итогов ценностным характеристикам российского права в целом.

Конечно, категория эффективности не может не обладать оценочным характером. Однако существует острая необходимость разработки единой системы факторов определения эффективности гражданского и арбитражного процесса.

Следует подчеркнуть, что соответствие эффективности гражданского и арбитражного процессуального права провозглашенным в действующем законодательстве целям гражданского и арбитражного судопроизводства существенно сужает исследуемое понятие и противоречит фундаментальным принципам гражданского общества и правового государства в условиях современности. Указанное определение отражает как тесные отношения взаимозависимости эффективности и результативности, а также системы права в целом и гражданского процессуального и арбитражного процессуального права, и многих основополагающих ценностей. В соответствии с Конституцией РФ высшей ценностью является человек, его права и свободы. Поэтому определение эффективности процессуального

права в целом, арбитражного процессуального и гражданского процессуального, в частности, выделение факторов, способствующих повышению эффективности деятельности суда и лиц, участвующих в деле, возможно только, исходя из гарантий реализации защиты прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, принцип независимости суда, неподотчетности его другим органам государственной власти и местного самоуправления является важной гарантией эффективного арбитражного судопроизводства в РФ.

§ 5. Справедливость как гарантия независимости арбитражного суда

Справедливость рассматривается во многих науках как сложная социально-политическая категория, обладает комплексным, многоаспектным содержанием, а также применяется во многих сферах жизни общества. Что касается эффективного правосудия, то термин «справедливость» нередко употребляется в юридической литературе и законодательстве. Так, например, Г.В. Мальцев, говоря о роли и месте справедливости в деятельности суда, особо подчеркивал, что сама деятельность по осуществлению правосудия заключается в справедливом разрешении дела на основании «разума законов», однако нельзя оставлять без внимания своевременное исполнение справедливого судебного решения в точном соответствии с изложенными в нем условиями[1].

Для правовой науки характерен такой аспект справедливости как общеобязательный характер правовых предписаний и верховенство нормативно установленных норм, регламентирующих общественные отношения. Как известно Конституция РФ является одним из источников арбитражного процессуального права и имеет особой значение для указанной отрасли права.

Правильное, качественное, своевременное рассмотрение дела является одной из задач современного арбитражного судопроизводства. Следует поддержать Е.В. Васьковского, который высказывался о стремлении законодателя к тому, чтобы справедливость играла важную роль во всех правовых отношениях. Именно поэтому законодатель стремится учредить нормы, которые будут регулировать общественные отношения именно на основе справедливости в том значении, в каком справедливость понимается самим законодателем. Е.В. Васьковский совершенно справедливо придерживается мнения о том, что органы правосудия выражают волю законодателя. Именно по этим причинам суды обязаны обеспечивать справедливость в процессе применении нормы закона к оспоренному

[1] См.: *Мальцев Г.В.* Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1977. С. 35.

правовому отношению. Е.В. Васьковский указывал на второстепенный характер оптимальности вершения правосудия, так называемого «удобства производства», на первый план выдвигая справедливость содержания судебных постановлений[1].

Интересны высказывания М.И. Клеандрова относительно принципа законности. Он отмечал, что одной из форм проявления указанного принципа является правовое предписание, адресованное арбитражным судам, о необходимости применения норм материального права и совершения процессуальных действий в точном соответствии с содержанием норм процессуального права. М.И. Клеандров ставид законность и обоснованность вынесенного судом решения в прямую зависимость от уровня соблюдения судом всех без исключения процессуально-правовых норм на любой стадии производства по делу. Одним из важнейших качеств совершенного судебного решения является его правильность[2].

Другой аспект справедливости в сфере права, который также является непосредственным проявлением правосознания, заключается в обязательности следования всем нормативно-правовым предписаниям и в необходимости поощрения поведения, квалифицируемого в качестве правомерного. Данный аспект позволяет определить такую категорию, как режим законности, под которым понимается стабильное по времени и однородное в пределах территориального действия соблюдение законодательных предписаний как гражданами, организациями, уполномоченными государственными органами и должностными лицами, так и самим законодателем.

В целом необходимо отметить, что упорядоченность является свойством любой юридической деятельности[3]. Ориентиром для достижения

---

[1] См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. 2-е изд. М., 1917 (извлечение). Цит. по: Гражданский процесс: Хрестоматия: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. *М.К. Треушникова*. М.: Городец, 1996. С. 102.

[2] См.: *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 109.

[3] См.: *Карташов В.Н.* Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: Автореф. …дисс. докт. юрид. наук. М., 1990. С. 11.

конкретных правовых целей должен быть оптимальный порядок юридически значимых действий, который выражает эффективность правовой регламентации юридической деятельности, предоставляя гарантии ее правомерности и результативности. Теоретико-юридическая конструкция «правильное рассмотрение дела» понимается как всестороннее и объективное рассмотрение гражданского дела, проведенное с учетом позиций лиц, участвующих в деле. При рассмотрении дела необходимо исходить из принципа равенства сторон[1]. Реализация принципа законности невозможна без правильности судебного разбирательства в целом и, правильности судебного решения, в частности, о чем отмечали представители процессуальной науки.

Так, например, М.Г. Авдюков совершенно справедливо отмечал, что принцип законности относится к основополагающим началам, направленных непосредственно на конкретизацию задач судопроизводства, включая и задачу правильного разрешения спора о праве гражданском[2]. Фактически, правильность в гражданском процессе понимается как соблюдение Гражданского процессуального кодекса. Однако нельзя не обратить внимание на широкое понимание правильности. Так, трактовка правильности А.А. Богомоловым заключается в том, что выполнение задачи правильного рассмотрения и разрешения дела будет возможно только, если суд законно установленным способом исследует все обстоятельства дела и использует соответствующий нормативно-правовой акт. Решение будет считаться вынесенным правильно, даже если были формальные допущены нарушения закона, однако оно реализует достижение итоговых целей судопроизводства[3].

В специальных исследованиях по данному вопросу приводятся различные толкования термина «законность». В его понятие вкладывается, во-первых, точное и неукоснительное соблюдение и исполнение законодательных предписаний государственными органами и

---

[1] См.: *Богомолов А.А.* Указ. соч. С. 26.
[2] См.: *Авдюков М.Г.* Принцип законности в гражданском судопроизводстве М.: МГУ, 1970 .С. 4.
[3] См.: *Богомолов А.А.* Указ. соч. С. 30.

общественными организациями, гражданами и должностными лицами[1]; во вторых, как разновидность правового режима, предусматривающего неукоснительную реализацию в поведении субъектов норм законодательства, выражающих совокупную волю общества[2]; в третьих, как определенный правовой принцип, требование которого заключается в формировании необходимого, заранее спланированного отношения всех представителей общества к праву в целом, а также во всеобщем и обязательном исполнении нормативных предписаний и признании верховенства прав и свобод граждан; в четвертых, как законодательных правил, направленных на регулирование правильного применения норм материального и процессуального права.

Объединяющим элементом данных категорий выступает правило соблюдения законности, сущность которого состоит в точном следовании всех субъектов правоотношений буквальному содержанию и смыслу правовых норм. Тем не менее, приведенное толкование законности, как мы полагаем, может быть дополнено.

В литературе вполне обоснованно отмечается, что наиболее слабым звеном определения законности исключительно через призму соблюдения законодательно установленных норм является отсутствие связи с оценкой правового содержания самого законодательства. Адресуемая субъектам обязанность неукоснительного соблюдения законодательных предписаний, рассматриваемая без учета объективных условий, в которых происходит осуществление субъективных прав и обязанностей, не в состоянии раскрыть в полной мере существо понятия законности, низводя категорию законности до уровня формального долга. Ограничение содержания категории законности исключительно рамками требования по соблюдению статей существующего законодательства, означает подменять его понятием

---

[1] См.: *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 408; *Пиголкин А.С.* Право. Законность. Гражданин. М.: Юрид. лит., 1976. С. 88; *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. С. 11.

[2] См.: *Самощенко И.С.* Охрана режима законности в Советском государстве. М.: Госюриздат, 1960. С. 43; *Рабинович П.М.* Упрочнение законности – закономерность социализма. Львов: Известия, 1975. С. 121-122.

[2] См.: *Викут М.А., Зайцев И.М. Указ*. соч. С. 39.

«субъективного права», поэтому, о чем справедливо утверждал И.М. Зайцев, законность приобретает характер излишней категории в системе юридических средств регулирования правосудия[1].

Сужение задач гражданского судопроизводства до пределов юридической правильности процесса является недопустимым и по мнению Э.С. Мурадьян. Основной задачей органа правосудия является стремление к исчерпывающему пониманию лицами, участвующими в деле, рациональности и целесообразности совершаемых ими действий процессуального характера. В связи с этим, немаловажной задачей судебной деятельности по рассмотрению и разрешению дел является достижение такого степени отчетливости и конкретности судопроизводства, при которой стороны вполне адекватно осознают характер предстоящего решения[2].

По замечанию Н.А. Чечиной и А.И. Экимова относительно использования термина «правильное», само обращение к данному термину свидетельствует о том, что законодатель, наряду с юридическими, подразумевает и нравственные характеристики в тех нормативных конструкциях, элементом построения которых выступает категория «правильное».

Рассмотренная ситуация являет собой пример того, как категория «справедливость» интегрируется в нормативную ткань гражданских процессуальных актов не под своим обозначением, «наполняя» правовую норму своей сущностью через сходную терминологию, а в отдельных случаях получая выражение в виде специальных формул[3].

По мнению указанных авторов, начала справедливости присутствуют в законодательно установленных нормах не в явном, но в завуалированном виде, т.к. данное категория справедливости интегрирована в содержание категории «законность». В полной мере с приведенной позицией о скрытом

---

[1] См.: Викут М.А., Зайцев И.М. Указ. соч. С. 39.

[2] См.: *Мурадъян Э.С.* Взаимосвязь правосудия и законности // Советская юстиция. 1985. № 17. С. 14.

[3] См.: *Чечина Н.А., Экимов А.И.* Категория справедливости в советском гражданском процессуальном праве, материальное прав и процессуальные средства его защиты // Межвузовский тематич. сборник. Калинин, 1981. С. 17-18.

присутствии требований справедливости в нормах гражданского процесса выражал свое согласие И.М. Зайцев. По мнению данного автора, требования, которым должно соответствовать правосудие, носят различные наименования. Кроме того, само содержание данных требований также в большей или меньшей степени дифференцировано. При этом далеко не все из них можно отнести к составным элементам категории «справедливость». И.М. Зайцев относил справедливость к ряду этических категорий, из которых складывается, по его мнению, нравственный фундамент правосудия. Указанный автор подчеркивал, что с этой позиции функциональное значение данной социально-этической категории состоит в том, что она определяет основные направления и достигнутые результаты деятельности по отправлению правосудия[1].

На основании вышеизложенных положений категория законности в рамках гражданского процессуального права определяется как руководящее положение гражданского процессуального законодательства, предписывающее неукоснительное и в полном объеме соблюдение правовых предписаний субъектами гражданского судопроизводства, совершающими процессуальные действия и выполняющими возложенные на данных субъектов процессуальные обязанности. Результатом таких действий субъектов служит достижение целей справедливости в обществе.

Последовательная реализация норм права в практической деятельности отражает режим законности в обществе. Следует согласиться с С.С. Алексеевым в том, что законность охватывает все формы реализации права – соблюдение, применение и использование[2].

Таким образом, такой критерий эффективности процессуальной деятельности, как оптимальное рассмотрение и разрешение дела, имеет довольно много сущностных недочетов. Во-первых, оптимальность означает соблюдение процессуального порядка и материально-правового режима

---

[1] См.: Викут М.А., Зайцев И.М. Указ. соч. С. 40.
[2] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права… С. 173.

законности. При этом в понятии «оптимальность» не находит своего сущностного выражения такой элемент процессуальной деятельности как судейское усмотрение, которое обычно рассматривается под углом зрения принципа законности, и никогда не анализируется как самостоятельное явление. Однако судейское усмотрение при определении эффективности процессуальной деятельности с учетом характера спорных правоотношений нельзя рассматривать в отрыве от аналогии права и аналогии закона.

Следует обратиться к мнению А. Власова, который отмечает, что эффективность при отправлении правосудия по гражданским делам должна содержать четыре составных элемента: 1) обоснованная наукой организация деятельности органа правосудия; 2) процессуальный механизм, направленный на обеспечение реализации задач судебной власти; 3) высококвалифицированные судейские работники, допускающие в своей деятельности наименьшее количество судебных ошибок; 4) ответственность и высокие морально-нравственные качества состава суда. Отсутствие хотя бы одного элемента может привести к снижению эффективности судебной власти в целом[1]

Представляется совершенно необходимым проводить различия между эффективностью процессуальной деятельности суда и лиц, участвующих в деле и эффективностью организации деятельности суда[2]. Особо следует отметить такие факторы, например, действительная служебная нагрузка судей в отличие от оптимальной; время, необходимое для рассмотрения одного конкретного дела по сравнению с объективно необходимым для этого временем; подбор и расстановка судебных кадров; техническая оснащенность рабочего места судьи. Указанные факторы представляются очень важными для совершенствования процесса отправления правосудия по гражданским делам, однако при этом они имеют еще большее значение в

---

[1] См.: *Власов А.А.* Как повысить эффективность гражданского судопроизводства // Российская юстиция. 2003. № 9.

[2] См.: *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Т. 1. Свердловск: СЮИ, 1972. С. 113; *Ефремов А.Ф.* Принципы и гарантии законности. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 1999. С. 5, 10.

качестве гарантии принципа независимости судей и их особого статуса в современном демократическом обществе.

Согласившись с мнением Т.Н. Нешатаевой, которая совершенно справедливо отмечает, что судья при рассмотрении конкретного дела, должен руководствоваться не только требованиями правовых норм, но и морально-нравственными правилами – милосердием, справедливостью, добросовестностью[1]. Судебное решение должно исходить из двух правовых факторов - законности и обоснованности. При этом следует учитывать и такой нравственный критерий, как справедливость. Справедливое судебное решение должно отвечать определенным критериям: юридически и синтаксически правильное содержание решения; культура поведения судьи, ведущего процесс; морально-нравственная безупречность судебного решения, отражающего наиболее целесообразное применение права и наиболее полную реализацию его общественной сущности[2].

Нельзя обойти вниманием и противоположный подход, предполагающий, что справедливость не играет никакой роли в определении эффективности процессуальной деятельности, потому что справедливость является морально-этической категорией и не может быть определена на законодательном уровне.

Проведение исследования справедливости не может не быть связано с правосудием и процессуальными институтами, например, решением суда. Представляется необходимым, что начинать анализ справедливости как сути правосудия и фактора эффективности процессуальной деятельности следует с общенаучного исследования отмеченного понятия.

С древнейших времен сущность и содержание справедливости изучались представителями философии, социологии, политологии и права. В

---

[1] См.: *Нешатаева Т.Н.* К вопросу об источниках права - судебном прецеденте и доктрине // Вестник ВАС РФ. 2000. № 5. С. 106.

[2] См.: *Тельнов А.В.* Справедливость как необходимое требование к судебному решению // Мировой судья. 2005. № 7. С. 23.

обществе понятие справедливости используется как критерий своеобразной оценки деятельности человека и общественности.

Однако справедливость - явление динамическое явление, которое в новом периоде истории характеризуется новыми чертами, изменяющими его оценку и содержание. Для современной философии справедливость является мерой, критерием, главным предназначением которых является соотношение, сравнение различных общественных событий[1]. В различные периоды развития философского мировоззрения справедливость приковывала внимание ее представителей из-за ее идеальной природы, нравственно-этических основ и нормативной сущности.

Первое осознание справедливости в первобытнообщинном обществе было обусловлено способностью моральных норм регулировать поведение первобытных людей, что позволяет сделать вывод о соотношении справедливости и норм, направленных на регулирование поведения индивидов.

В те времена справедливостью считалось обычное соблюдение общепринятого порядка поведения. В этой связи следует отметить, что, например, для того времени «справедливость» означала лишь «жизненный уклад». В обществе такая трактовка справедливости обладала негативным значением, так как за нарушение общепринятой нормы поведения должно было последовать определенное наказание. Широко известный принцип «око за око, зуб за зуб» хорошо подходит для демонстрации такой трактовки справедливости, которое в научной среде называют компенсационной справедливостью. Она нашла свое отражение в институтах родовой и кровной мести. Поощрение людей материальными и общественными

---

[1] См.: *Архангельский Л. М.* Категории марксистской этики. Соцэкгиз, 1963. С. 66; *Гумницкий Г. К.* К вопросу об основных этических категориях // Философские науки. 1963. № 1. С. 57; *Иванов В. Г.* О системе категорий марксистской этики // Философские науки. 1965. № 1. С. 92; *Бербешкина З.А.* Проблема справедливости в марксистско-ленинской этике. М.: Высш. шк., 1974. С. 65; *Мальцев Г.В.* Справедливость и равноправие как принципы социалистического законодательства // Вопросы философии права. Тезисы докладов. М., 1973. С. 45; Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 650; *Степанян В.В.* Социальная справедливость и социалистическое право. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987. С. 10 и др.

ценностями зарождается в процессе отделения, распада первобытнообщинного строя и является более сложным, позитивным аспектом справедливости. В указанном аспекте справедливость означает равенство всех индивидов в пользовании ими социальными правами.

С возникновением частной собственности и материального неравенства справедливость включает различия в материальном положении людей. Так, древнегреческий мыслитель Демокрит писал: «Наиболее содействует делу справедливости и добродетели тот, кто отдает наибольшие почести самым достойным»[1].

Схожее понимание справедливости выражается в получившем широкое распространение античном афоризме: «Справедливость есть постоянная и неизменная воля воздавать каждому по заслугам»[2].

Аристотель полагал, что справедливость есть всеобщее благо. При этом он не отрицал взаимозависимость справедливости и равенства: «По общему представлению справедливость есть некое равенство... равные должны иметь равное»[3]. «Однако справедливость, - продолжал древний философ, - может быть и неравной: равенство для равных, а неравенство для неравных»[4]. Марк Тулий Цицерон возносил справедливость выше всех добродетелей: «Одна эта доблесть – властительница и царица всех доблестей!»[5].

Иммануил Кант в основу своих рассуждений о природе справедливости помещал библейскую идею любви к ближнему. Также и взгляды Прудона на справедливость утверждались на христианском постулате любви[6]. В философии Нового времени понимание справедливости связывалось, прежде всего, с учениями философов-энциклопедистов. Согласно положениям теории об общественном договоре, которая разрабатывалась данными

---

[1] См.: Философская энциклопедия. В 5 тт. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 119.

[2] См.: Латинская юридическая фразеология. М.: : Юридическая литература, 1979. С. 71.

[3] См.: Аристотель. Политика. // Сочинения в 4-х томах. М.: Мысль, 1983. Т. 3. VII. 1. С. 114.

[4] См.: Там же. Кн. 3. V. 8. С. 107.

[5] См.: Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1975. С. 131.

[6] См.: Прудон. Что такое собственность или исследование о принципе права и власти. М.: Книгоиздательство «Светлая Звезда», 1919. С. 23.

философами, государство как политико-правовой институт противопоставляется обществу. Поэтому справедливость, как социальная категория, не могла сформироваться до распада общинного строя и создания права, т.к. справедливость должна опираться на законодательные предписания[1].

В юридических науках нашло отражение и развитие философское понимание справедливости. Мнения исследователей по данной проблематике являются протворечивыми, что очень нелегко обнаружить согласованные пункты данных мнений. Одни исследователи занимают твердую позицию по поводу того, что на сегодняшний день в Российской Федерации не существует ни правосудия, ни судебной справедливости[2].

Другие, напротив, весьма категоричны в своем мнении о том, что отечественное уголовное и уголовно-процессуальное право, как никогда ранее, соответствует идеалам справедливости[3].

Представители юридической науки, так или иначе разрабатывающие проблему справедливости, единодушны во мнениях относительно неоднородности ее содержания. По мнению О.В. Мартышина, справедливость – многоаспектное понятие. Ее содержание охватывает социальные, экономические, идеологические и т.п. явления. Однако все эти явления, как отмечает О.В. Мартышин, в цивилизованном государстве должны опосредоваться политикой[4]. Известное изречение, что люди равны в меру их свободы и свободны в меру их равенства и, проецируется на соотношение справедливости и права. Проводя разграничение между правом и законом, можно выявить закономерность, согласно которой справедливость является неотъемлемой частью права. Отсюда следует, что право по своей

---

[1] См.: Философская энциклопедия... С. 120.

[2] См.: *Истархов В.* Удар русских Богов. СПб.: Редактор, 2001. С. 378-379.

[3] Другие, наоборот, категорично заявляют, что российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, как никогда прежде, ориентировано на справедливость.

[4] См.: *Мартышин О.В.* Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. С. 4.

природе справедливо, и что справедливость, в свою очередь, не может опираться на иные принципы, кроме правовых[1].

Относительно содержательной части понятия справедливости О.И. Рабцевич было высказано мнение, что содержание справедливости относится к числу абстрактных явлений и, поэтому, с необходимостью должно проявляться в конкретных воплощениях. Последний тезис, во-многом, объясняет, почему категория справедливости может выступать в различных формах.

Во-первых, «справедливость» может проявляться в виде определенной идеальной ценности, социального представления о том, каким должно быть совершенное мироустройство.

Во-вторых, «справедливость» зачастую отождествляется с объективным содержанием окружающего мира, т.е. с истиной.

В-третьих, данная категория понятие может обозначать совокупность идеальных (иными словами, совершенных, мыслимых, желаемых) закономерностей социального взаимодействия (какие процессы взаимодействия должны иметь место в социальной среде).

В данном аспекте может иметь место категория социальной справедливости[2]. Функциональная связь категорий «справедливость» и «правосудие» отмечена в лингвистических практиках. В «Словаре живого великорусского языка» В.И.Даля содержится следующее определение понятия «справедливый» - «правильный, сделанный по закону, по правде, по совести, по правоте», а понятия «правосудие» - как «правый суд, справедливый приговор, решение по закону, по совести, по правде». В Словаре русского языка С.И. Ожегова слово «справедливый» определяется как: 1) действующий беспристрастно, в соответствии с истиной; 2) осуществляемый на законных и честных основаниях; 3) истинный,

---

[1] См.: *Седышев А.Г.* Проблемы понимания механизма юридической защиты прав и свобод человека: Автореф. …дисс. канд. юрид.наук. Ставрополь, 2003. С. 6.

[2] См.: *Рабцевич О.И.* О содержании права на справедливое судебное разбирательство // Мировой судья. 2004. № 2. С. 23.

правильный[1]. Однако пословицы и поговорки говорят о дисбалансе судебной практики и социальных представлений о нравственности и истине. Например, такие известные выражения, как «Суд на неправде стоит», «Закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло» и других.

Таким образом, уже с древнейших времен со всей очевидностью проявилась необходимость соотносить судебную деятельность с нормами права, нравственности и морали. Главной регулятивной идеей в контексте совершенствования деятельности суда становится идея справедливости.

Анализ критерия справедливости сопряжен с исследованием правильности гражданского и арбитражного судопроизводства.

Справедливость – это многоаспектное понятие, имеющее как нравственный, так и правовой аспекты. Не вызывает сомнения, что указанные аспекты справедливости переплетаются, имеют тесную связь между собой, но при этом каждые из них обладает своими собственными характеристиками[2].

В соответствии с философскими и правовыми исследованиями справедливость является оценочной категорией. При этом содержание справедливости определяется как моральное сознание, отражающее степень влияния, а также характер требований в интересах личности или социальной общности; критерии, которым должно соответствовать поведение личности; адекватность экономических, политических и правовых явлений, а также действий людей и их самооценки объективным условиям окружающего мира[3].

Социальная справедливость выступает морально-нравственной характеристикой для определения поведения взаимодействующих субъектов. Соотношение последствий поступков, то есть получение субъектом тех или

---

[1] См.: *Ожегов С.И.* Указ. соч. С. 674.

[2] См.: *Боннер А.Т.* Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992. С. 32.

[3] См.: *Бербешкина З.А.* Справедливость... С. 113.

иных результатов является главным предназначением справедливости[1]. Следует поддержать Г.В. Мальцева в его рассуждении о том, что справедливость можно рассматривать как общепринятый, этически обоснованный и оптимальный критерий, предназначенный для установления меры деяния субъекта во благо (или нет) как общества в целом, так и конкретных индивидуумов с ответными формами реагированя последних[2]. Также следует отметить, что основным предназначением справедливости является сопоставление действия субъекта с оценкой указанного действия, то есть определение соразмерности деяния и благодарности, труда и вознаграждения, заслуг и их уважения, прав и обязанностей, правонарушения и наказания за его совершение[3].

Справедливость является одной из законодательно закрепленных характеристик процесса отправления правосудия по гражданским делам в странах системы общего права. Термин «справедливость» употребляется в двух различных значениях, которые очень путаются в лексике, что не является допустимым при определении характеристик правосудия. Следует особо обратить внимание на «процессуальную» справедливость, которая означает итог или решение, принятое посредством правильно функционирующего механизма отправления правосудия судом.

Только в результате неукоснительного соблюдения правовых норм может быть достигнута справедливость судебного решения. Следует обратиться к С.С. Алексееву, который характеризует справедливость как правовой принцип. Однако указанное значение справедливости свойственно только для нормативно-правового способа регулирования общественных отношений. В этом случае справедливость ограничена пределами соразмерности, которыми наделены практически все элементы правовой действительности[4].

---

[1] См.: *Экимов А.И.* Справедливость и социалистическое право. Л.: ЛГУ, 1980. С. 49.
[2] См.: *Мальцев Г.В.* Указ. соч. С. 54.
[3] См.: *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 68.
[4] См.: *Алексеев С.С.* Указ. соч. С. 130.

Именно этим обусловлена главнейшая законодательная цель правосудия по гражданским делам в судебных системах стран общего права, достижение которой и является основной его характеристикой.

В юридической доктрине стран англосаксонской системы права получило широкое распространение применение наряду со статутным и обычного права к какому-либо конкретному казусу с целью достижения справедливости. Представляется, с целью в конечном результате достижения справедливости в реализации законодательно установленных задач российского арбитражного процессуального права указанная юридическая доктрина имеет право на существование.

Таким образом, соблюдение правил процессуальной справедливости приводит к установлению в обществе режима законности. Так, например, Дж. Ролз определял справедливость как «первую добродетель среди общественных институтов» и считал справедливость в обществе истиной в философском смысле[1]. Справедливость должна быть основным критерием оценивания поведения в обществе. Она задает направление деятельности и факторы адекватности любого поведения в обществе и способствует последовательной запланированной реализации поставленных перед обществом задач.

Социальная справедливость как моральный принцип предназначена для определения порядка деятельности управомоченных субъектов в процессе распределения материальных и духовных благ, мер правовой или морально-нравственной ответственности за совершение различных проступков.

Исследование морально-нравственного содержания категории «социальная справедливость», представляется весьма важным с точки зрения определения критериев конкретного поведения субъектов, включая действия по реализации норм права. Из этого положения следует, что правильная квалификация поведения субъектов, в том числе по применению норм права,

---

[1] См.: *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского госуниверситета, 1995.

должна осуществляться, исходя из общих требований принципа справедливости. Квалификация, осуществленная в соответствии с вышеуказанными положениями, в свою очередь, является объективным отражением содержательной компоненты юридической справедливости.

Таким образом, квалификация любого этапа правоприменительной деятельности, изначально осуществляемая на основе справедливости как морально-нравственного постулата, а впоследствии – на основе справедливости как правового предписания, является прочной основой для принятия правоприменительного акта, в полной мере соответствующего требованиям справедливости.

Правовой характер социальной справедливости придает нормативных характер общественных отношений, в недрах которых зарождается данная категория. Кроме того, правовое содержание справедливости обеспечивается ее соответствием нормам морали, интегрированным в правовые предписания.

Категория «социальная справедливость» не является тождественной по смысловому содержанию с категорией «юридическая справедливость». В связи с этим указанные инструменты измерения масштаба и соотносимости действий субъектов социальных отношений не могут равнозначно использоваться при квалификации одного и того же деяния. Поэтому существует необходимость определения понятия юридической справедливости, равно как и ее составных элементов в соответствующих нормах российского права.

Показательно, что иностранное законодательство также не лишено недостатков, являющихся следствием пробелов в области правового регулирования критериев справедливости. По свидетельству исследователей данной проблематики, характерной чертой зарубежного законодательства можно назвать отсутствие четких правовых основ либо конституционных

положений, регламентирующих деятельность суда по справедливому рассмотрению и разрешению дел[1].

Таким образом, широкая трактовка справедливости представляет собой больше моральную ценность, чем содержащуюся в законе. Идея справедливости, как правило, понимается с точки зрения равенства всех социальных субъектов относительно участия в распределения и потреблении материальных благ, а также относительно тех или иных поведенческих аспектов социального взаимодействия. От применения принципа справедливости при разбирательстве гражданских дел, характерного для англосаксонских стран, Россия отказалась еще во время проведения судебной реформы 1864 года. Подтверждение моно найти, обратившись к Е.А. Нефедьев, который описывал практику рассмотрения гражданских дел, существовавшую до принятия Устава Гражданского Судопроизводства 1864 года: «...Суды смотрели на тяжбу и на каждый иск, как на спорный юридический вопрос... Вследствие этого суд не ограничивался рассмотрением того, правильны или неправильны притязания той или иной стороны, а старался исследовать, насколько вообще принадлежит право той или другой стороне и не имеет ли она права требовать еще чего-либо»[2].

Также С.А. Муромцев указывал, что в своих крайних проявлениях право и справедливость мыслятся противоположные понятия[3]. По мнению данного автора, существует устойчивая тенденция трансформации права в свой идеальный образ, в качестве которого выступает справедливость. В том случае, если идеальный образ получает реальное воплощение, справедливости и права утрачивает какое бы то ни было значение. Интеграция двух противоположных категорий дает в результате собственно право, на наделенное чертами справедливости[4].

---

[1] См.: Теория права и государства / Под ред. *Т.Н. Манова*. М.: БЕК, 1995. С. 175-176.

[2] См.: *Е.А. Нефедьев.* Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 3-е. М.: Типография Императорского Московского университета, 1909. С. 35.

[3] См.: *Муромцев С.А.* Право и справедливость: сб. правоведения и общественных знаний. СПб.: Северный Вестник, 1893. С. 8.

[4] См.: *Муромцев С.А.* Указ соч. С. 9.

Справедливость и право являются неразрывно связанными категориями. Данная связь является следствием особой роли справедливости и права регулировании социальной деятельности. Этим и объясняется пристальное внимание науки и практики к исследованию соотношения права и справедливости. Безусловно, несправедливое право существовать может. Если вновь принимаемая (или действующая) норма права не соответствует требованиям справедливости, то она является сущностью какого угодно порядка, но не правовой нормой. Статьи закона, содержащие такую норму, в итоге всегда упраздняются в силу того, что они не отвечают интересам всего общества, иными словами, являются «мертворожденными». Помимо этого не имеющими практической ценности с точки зрения всего общества признаются нормы, которые отвечают реалиям, существующим в обществе, государстве. Известно, что истории российского права знакомы не только отдельно взятые нормы, противоречащие государственным или общественным устоям, но и целые законодательные акты. Подобные нормы или законы не отвечают идеалу справедливости, по причине чего эффективность этих норм стремится к нулю. Если исходить из того, что справедливость интегрируется в содержание права в целом, то следует признать, что право, во-первых, является выражением справедливости, а во-вторых, основной функцией права является достижение в объективных общественных условиях.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что справедливость в правовом значении, является особым качеством, свойственным всем отраслям права, выступающим как общеправовой и отраслевой принцип права[1].

В науке уголовного процессуального права сложился иной подход к определению и роли справедливости в уголовном судопроизводстве. Процесс отправления правосудия в соответствии с уголовно-процессуальным

---

[1] См.: *Адриановская И.И.* Проявление категории справедливости в праве // Электронный ресурс: http://journal.sakhgu.ru/work.php?id=54 (Дата обращения 22.01.2012 г.).

законодательством не может справедливым и несправедливым, в указанном случае справедливость должна быть включена в предмет доказывания в виде конкретной правовой формулы. Однако сделать таковое представляется довольно затруднительным, так как у каждой стороны присутствует свое представление о справедливости[1].

В Гражданском процессуальном кодексе никогда не содержалась какая-либо информация о справедливости, поэтому она и не выделялась представителями науки как принцип. Именно поэтому некоторые авторы писали, что справедливость в гражданском процессе скрыта за иными правовыми категориями[2]. Так, например, Н.И. Ткачев утверждал, что справедливость не является самостоятельным процессуальным явлением, но включается в законность и обоснованность и характеризует акт правосудия в целом»[3]. При этом справедливость как одна из морально-этических категорий должна быть основой для соответствующей закону судебной деятельности. Справедливость должна определять направления деятельности суда и достижение стоящих перед правосудием целей.

Во-первых, справедливое правосудие является важнейшим демократическим принципом, признаваемым мировым сообществом. В частности, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод устанавливает, что каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Также аналогичное право закреплено в Статье 10 Всеобщей декларации прав человека, Статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Следует отметить, что в научной литературе уделяется много внимания сложностям реализации ст. 6 Конвенции, они в основном связаны с

---

[1] См.: *Борзов В.М.* О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2005. № 2. С. 9.

[2] См.: *Чечина Н.А., ЭкимовА.И.* Категория справедливости в советском гражданском процессуальном праве. Материальное право и процессуальные средства его защиты // Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1981. С. 17-18.

[3] См.: *Ткачев Н.И.* Законность и обоснованность судебных постановлений по гражданским делам. Саратов: СГУ, 1987. С. 17.

перегруженностью судов и усложненной процедурой. Сегодняшнее судебное разбирательство длится довольно долго, дорого стоит и является сложным для обычных людей, что затрудняет реализацию ими права на доступ к правосудию[1].

Следует отметить справедливость утверждения Ю.И. Стецовского о том, что беспристрастность, независимость и справедливость являются не только признаками судебной власти, но и реализацией права на правосудие»[2].

Справедливое правосудие является фундаментом любого современного демократического общества, оно является важнейшей общечеловеческой ценностью, находит свое отражение в естественном праве. Однако концепция естественных прав человека никогда не играла в России важной по сравнению со странами Запада[3]. Реформирование судебной системы началось до того, как Россия присоединилась к Европейской конвенции. Следует положительно оценить результаты проведенной реформы: формирование независимой судебной власти, появление новейшего процессуального законодательства, гарантирующего реализацию право любого лица на судебную защиту.

Принцип справедливости, хотя и не закреплен в законе, иногда находит свое выражение иногда в мотивировочной части судебного решения. Так, Двенадцатый арбитражный апелляционный суд замечает: «Суд апелляционной инстанции полагает, что взыскание судебных расходов в сумме, не покрывающей затраты, вызванные необоснованными действиями налоговой инспекции, не соответствует принципу справедливости, препятствует обеспечению доступности правосудия и нарушает право на квалифицированную юридическую помощь. Апелляционная инстанция

---

[1] См.: *Смоленский М.Б.* Адвокатура в Российской Федерации. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 291.

[2] См.: *Стецовский Ю.И.* Судебная власть. М.: Дело, 2000. С. 116.

[3] См.: *Поменов А.В.* Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 10.

пришла к выводу о том, что заявленная в части оплаты услуг представителя сумма судебных издержек соответствует условиям договора и относится к расходам, понесенным обществом по рассмотрению дела арбитражным судом первой инстанции, а взысканная судом первой инстанции сумма расходов по оплате услуг представителя отвечает принципам соразмерности и разумности»[1].

Принципы равенства и справедливости нашли свое отражение во многих правовых позициях Конституционного Суда РФ, указанные принципы должны разграничиваться в процессе осуществления субъективных материальных прав[2]. Конституционный Суд РФ отмечает зависимость справедливости судебного разбирательства от эффективности реализации права на судебную защиту. «Данное право предполагает наличие конкретных правовых гарантий, позволяющих реализовать его в полном объеме и обеспечивать эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего общеправовым требованиям справедливости и равенства»[3].

Некоторые авторы связывают справедливость судебного разбирательства с надлежащим уведомлением лиц, участвующих в деле, с оформлением получения ими судебных документов или отказа от их получения, с определением полномочий и обязанностей лиц, получивших судебное извещение за адресата[4].

---

[1] См.: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2008 г. № А57-20220/07-45 // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

[2] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2009 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 2, 3 и 4 статьи 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и пунктов 2 и 4 части 2 статьи 13 Закона Псковской области «О государственной гражданской службе Псковской области» в связи с запросом Псковского областного Собрания депутатов» // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

[3] См.: Постановления КС РФ от 14 июля 2005 года № 9-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П и от 25 марта 2008 г. № 6-П // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

[4] См.: *Кочергин В.В., Жолокдзь Ж.В.* Справедливое правосудие с точки зрения международного процессуального права и новый Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9. С. 56.

Следует обратить внимание на разграничение понятий «юридическая справедливость» и «правовая справедливость»[1]. В юридической науке понятие юридической справедливости не столь разработано, как понятие правовой справедливости. Отечественные ученые-правоведы юридическую и правовую справедливость как часть социальной справедливости, что не соответствует реальной действительности[2].

Проблема справедливости некоторыми авторами понимается иначе. Так, З.А. Бербешкина в качестве самостоятельной оценочной категории выделяет нравственную и социально-правовую стороны справедливости[3].

Современная судебная практика идет по пути усложнения, противоречивость действующего материального законодательства ставят во главу угла проблему диверсификации судебной системы. Представляется, что справедливость судебных решений достижима только в условиях специализированных судов и судей. Одним из способов обеспечения справедливости выносимых судом решений должно стать владение профессиональными навыками на высоком уровне. Многие категории дел, несмотря на общий действующий порядок их процессуального рассмотрения, имеют свою специфику. Дальнейшее развитие специализации обусловлено необходимостью профессионального рассмотрения дела.

Важнейшим условием повышения эффективности судебной системы и обеспечения соответсвующего особенностям рассмотрения таких дел судебного администрирования, по мнению экспертов Всемирного банка, является создание специализированных судов для рассмотрения коммерческих споров[4]. При этом западные эксперты положительно охарактеризовали наличие эффективно действующей системы арбитражных судов и мировых судей.

---

[1] См.: *Сергейко П.Н.* Законность, обоснованность и справедливость судебных актов. Краснодар: КГУ, 1974.; *Боннер А.Т.* Законность и справедливость...

[2] См.: *Кудрявцев В.Н.* Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986.; *Баранов В.М.* Истинность норм советского права. Саратов: СГУ, 1989.

[3] *Бербешкина З.А.* Проблема справедливости в марксистско-ленинской этике. М.: Высшая школа, 1974. С. 7; *Бербешкина З.А.* Справедливость… С. 19.

[4] Doing business in 2004: Understanding Regulation. World Bank. 2004. P. 51-53.

В некоторых судебных системах зарубежных государств действует большое количество разнообразных специализированных судов. Так, во Франции действуют такие специализированные суды первой инстации, как трудовые, административные, коммерческие, социальные. Кроме того, отдельные судьи рассматривают семейные дела, дела несовершеннолетних, принимают решения по обеспечительным мерам, земельной аренде.

В Италии действуют такие специализированные суды первой инстанции, как региональные административные суды, региональные аудиторские комиссии и комиссии по региональным налогам.

В Германии действуют и суды общей юрисдикции, и специализированные трудовые суды, налоговые суды, социальные и административные суды.

Следует отметить особую специфику судов судебной системы Нидерландов, в которой суды первой инстанции не являются специализированными, при этом в палате общих судов действует специализация судей.

Вопрос о необходимости построения самостоятельной системы административных судов остается дискуссионным для юридической науки по сей день. Это очень сложная проблема, которая должна быть подвергнута более глубокому анализу с позиций принципа разделения властей. Конечно, нельзя не отметить наше согласие с большинством ученых-юристов по поводу необходимости диверсификации судебной системы, ведь это повысит справедливость процессуальной деятельности по осуществлению правосудия. В настоящее время в действующей в нашей стране судебной системе судов общей юрисдикции, мировых и арбитражных судов де-факто существует специализация судей в рамках отдельных судебных составов по различным категориям дел. Однако не получил разработки механизм распределения дел между судьями, несмотря на то, что он заслуживает внимания ученых и практиков как процессуальный институт. За распределение дел, как правило, отвечает председатель суда. Как известно,

судебная система в России испытывает колоссальные нагрузки, при таких условиях распределение дел между судьями может носить формальный характер, это, в свою очередь, естественно может привести к снижению стимулирования судей к вынесению справедливых судебных решений. Однако в настоящее время не представляется возможной реализация широкой специализации судов в рамках действующей судебной системы. Мировые судьи, например, обладают самой широкой предметной компетенцией судьи. Они рассматривают значительный массив семейных и трудовых споров, передача указанных дел к подсудности районных судов снизит эффективность судебной системы, сделает ее менее доступной, ведь мировые судьи наиболее приближены к населению.

Наличие института арбитражных заседателей является важнейшей гарантией вынесения справедливого решения арбитражными судами, которые занимаются рассмотрением дел, требующих профессиональных знаний в области экономики, финансов, банковской и инвестиционной деятельности. Поэтому специализация судей и судебных составов в системе арбитражных судов должна проводиться по видам производств, а не по предметной компетенции, что в значительной мере подходит для условий и особенностей рассмотрения экономических споров.

Конечно, нельзя не отметить необходимость надлежащего материально-технического и кадрового обеспечения судебной системы, в отсутствие которых не представляется возможным решить вопросы специализации судов и судебных составов. Данные ресурсы требуют значительных финансовых средств, поэтому необходимо регламентировать в процессуальном законодательстве требования к профессиональной оценке судей и процесса отбора судьи для рассмотрения конкретной категории дел.

Что касается специализации мировых судей, то она не будет соответствовать общей концепции мировой юстиции в РФ. К судам общей юрисдикции первой инстанции необходимо применить предметный критерий

при определении специализации судей и порядка отбора судей в судебные составы для рассмотрения конкретных специфических категорий дел.

При сравнении таких критериев эффективности процессуальной деятельности, как справедливость и правильность, заметим, что понятие правильности является более узким и означает адекватность процессуальной деятельности нормам процессуального законодательства. Поэтому критерий справедливости представляется для указанного случая более подходящим.

Особо следует выделить элементы справедливости, выступающие критериями эффективности деятельности суда и лиц, участвующих в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Трактовка справедливости для гражданского и арбитражного процессуального права, заключающаяся в соответствии норме материального и процессуального закона, будет показывать уровень эффективности процессуальной деятельности в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

При этом нельзя оставлять без внимания фактор судейского усмотрения. Представляется совершенно верной точка зрения относительно того, что судьи должны руководствоваться нормами морали, однако указанные нормы не должны противоречить нормам права.

Изложенные выше результаты позволяют сделать вывод, что независимость суда является важнейшим условием вынесения законного и справедливого решения.

Заключение

В заключении необходимо сделать следующие выводы. Проблема понятия независимости суда традиционно является в отечественной и зарубежной правовой науке предметом дискуссий. России, вставшей на путь построения подлинной рыночной экономики и правового демократического государства, требуется осмысление не только законодательного и правоприменительного опыта с учетом позитивных национальных традиций собственной правовой культуры и потребностей российского общества, но и выработка гарантий независимости суда и лиц, участвующих в деле в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел. Поиск эффективных форм и способов защиты прав участников экономического оборота наполняет новым смыслом традиционные институты процессуального права – учение о принципах судопроизводства и роли суда в процессе. В сфере экономической деятельности права и законные интересы физических и юридических лиц защищаются посредством реализации права на обращение в арбитражный суд. В настоящее время, судопроизводство в арбитражном суде отвечает самому высокому уровню международных стандартов, однако вопрос о гарантиях реализации некоторых принципов остается открытым. Независимость суда является основой правильного и своевременного правосудия, и, одновременно фактором, гарантирующим своевременную защиту прав участников экономического оборота.

В процессе экономических преобразований, которые имели место быть в последние десятилетия, сформировались различные формы объединения капиталов с целью хозяйственной деятельности. Специфика предпринимательской деятельности предполагает наличие эффективного, и что важно, не заинтересованного субъекта, способного разрешить конфликты в правовом поле. Материальное право сегодня предполагает не только судебную, но и иные формы защиты права, в том числе и обращение к альтернативным формам разрешения юридических конфликтов. В этой связи вопрос о роли и значении судебной системы в рамках способов защиты прав

предпринимателей является очень актуальным. Независимость суда тесно связана с вопросом об эффективности правосудия.

Так в теории права широко исследуется вопрос о независимости суда как гарантии «классических» форм реализации разделения властей. Поэтому вопросы гарантий независимости судей отдельных сегментов судебной системы ставятся в научной литературе довольно часто. Однако комплексной теории независимости судей арбитражного суда до настоящего времени создано не было.

Стоит отметить, что указанные проблемы выразились в процессе реформирования арбитражного процессуального законодательства. Так, в действующий арбитражный процессуальный кодекс были введены новые нормы о гласности судопроизводства, влияющие на процесс реализации независимости суда. На данные изменения возлагались большие надежды, однако механизмы защиты прав судей в конфликтных ситуациях, и способы преодоления общественного давления в процессе рассмотрения дел до настоящего момента выработаны не были.

В любой национально-правовой системе благоприятный экономический климат обусловлен, прежде всего, гарантированностью прав участников хозяйственных отношений. Традиционно наиболее актуальной является проблема защиты бизнеса от должностных злоупотреблений. В современных условиях многие российские компании вынуждены отказываться от привлечения средств, в том числе иностранных инвестиций, по причине финансовой неспособности удовлетворить требования кредиторов, либо по причине существенного таможенного и налогового бремени. Соответственно, инвестиционная привлекательность РФ складывается, в том числе, и их уровня юридических гарантий, которые предоставляет государство в случае нарушения прав. Проведя данное исследование мы приходим к выводу, что уровень независимости суда играет важную гарантирующую роль в данном аспекте деятельности государства. Беспристрастность суда в процессе вынесения решения можно считать

внутренним аспектом независимости, психологически обусловленным отношением суда к выносимому решению.

Объективность – элемент независимости суда, нацеленный на непредвзятую оценку доказательств. Совокупность беспристрастности и объективности суда образуют процессуальные аспекты независимости.

Недопустимо отождествление независимости суда как материально-правовой и процессуальной категории с понятием статуса судьи.

Отождествление статуса судьи исключительно с гарантиями его независимости является недопустимо широким обобщением, которое игнорирует права и обязанности судьи как представителя государственной власти и его особые процессуальные права, которые, одновременно являются также его обязанностями.

Нормы о судейском статусе относятся к материальному праву и влияют на цивилистический процесс лишь косвенно, определяя направление развития процессуальных норм, которые и являются реальными факторами обеспечения правовой независимости судей в ходе принятия решений. Поэтому считать единство судейского статуса предпосылкой к объединению отраслей процессуального права представляется слишком широким обобщением.

Конституционная трактовка принципа независимости шире процессуальной и предполагает установление места судебной власти в системе разделения властей и определение основного направления развития процесса, она также включает в себя нормы материального права о статусе судей, чего нельзя сказать о процессуальном принципе независимости.

Искусственное создание «единообразной практики» в обход требований закона является недопустимым, поэтому в содержательном аспекте принципа независимости судей необходимо рассматривать не принцип правовой определенности, а принцип законности и беспристрастности судей.

Процессуальный принцип независимости судей арбитражного суда представляет собой основополагающие начала судопроизводства в арбитражном суде, закрепляющие беспристрастность судьи по отношению к иным субъектам процесса, а также объективность в процессе оценки доказательств. Процессуальный принцип независимости является структурным элементом независимости суда в контексте материального конституционного права.

Принцип независимости должен в полной мере распространяться на арбитражных заседателей, что обусловливает необходимость наделения их полным набором гарантий независимости, включая право на иммунитет от уголовной и административной ответственности на время занятости в качестве заседателя в конкретном процессе.

Принцип законности арбитражного процесса необходимо считать главной гарантией реализации независимости. Кроме того к системе гарантий относятся не только общепризнанные экономические, правовые, политические и организационные гарантии, но и связанные с реализацией права на транспарентное правосудие гарантии осуществления правосудия в условиях максимально широкого доступа общественности к процессу рассмотрения дел.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

Действующие нормативно-правовые акты

1. Европейская конвенция от 4 ноября 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
2. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря. Собр. законодательства РФ 14.04.2014, № 15, ст. 1691.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. от 02 ноября 2013 г. № 294-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 02 ноября 2013 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. от 02 ноября 2013 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (с изм. от 06 декабря 2011 № 4-ФКЗ) // Российская газета. 1995 г. № 93. Российская газета. 2011 год. 9 декабря.
7. Федеральный закон от 30.05.2001 № 70-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2288. Российская газета. 2013. 10 июля.

8. Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ (ред. от 21.11.2011) «О третейских судах в Российской Федерации» (с изменениями от 21.11.2011 № 327-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.
9. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. от 25 декабря 2012 г.) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
10. Концепция Федеральной целевой программы развитие судебной системы России на 2007-2011 годы Утв. Распоряжением Правительства РФ от 4 августа 2006 года № 1082-р // СЗ РФ. 2006. № 33. Ст. 3652.

Нормативно-правовые акты, утратившие силу

11. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 5 марта 1992 г. № 2447-1 (с изм. от 7 июля 1993 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 836.
12. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 05 мая 1995 г. № 70-ФЗ (с изм. от 24 июля 2002 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 19. Ст. 1709.
13. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
14. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 23 июля 1923 г. // СУ. 1923. № 46-47. Ст. 478.

Правоприменительная практика

15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2005 года № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального

арбитражного суда Московского округа // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центронефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // Российская газета. 2005. 24 ноября. № 264.
17. Постановление Конституционного Суда РФ 25 марта 2008 № 6-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарищество застройщиков», открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» и открытого акционерного общества «ТНК-ВР Холдинг» // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2009 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 2, 3 и 4 статьи 22 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и пунктов 2 и 4 части 2 статьи 13 Закона Псковской области «О государственной гражданской службе Псковской области» в связи с запросом Псковского областного Собрания депутатов» // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.
19. .О состоянии работы федеральных судов и мировых судей Саратовской области по соблюдению процессуальных сроков рассмотрения гражданских дел в 2006 году // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

20. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 июня 2008 г. № А57-20220/07-45 // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.
21. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 13.05.2003 г. по делу № А74-3097/02-К1-Ф02-1354/03-С2 // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.
22. Постановление Федерального Арбитражного суда Поволжского округа кассационной инстанции по проверке законности и обоснованности решений (определений, постановлений) арбитражных судов, вступивших в законную силу от 29 марта 2007 года. Дело № А57-28554/055-11 // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

Монографии, комментарии, учебники и учебные пособия

23. *Аболонин Г.О.* Групповые иски. М.: Норма, 2001. – 256 с.
24. *Абрамов С.Н.* Гражданский процесс. М.: Юрид. изд. МЮ СССР, 1946. – 232 с.
25. *Авдеенко Н.И.* Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданского процессуального права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. – 72 с.
26. *Авдюков М.Г.* Принцип законности в гражданском судопроизводстве. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. - 202 с.
27. *Аверин А.В.* Судебная достоверность (постановка проблемы). Владимир: Транзит-Икс, 2004.
28. *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. 2-е изд., М.: НОРМА.
29. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. - 187 с.
30. *Алексеев С.С.* Право: азбука, теория, философия : Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999 . – 710 с.

31. *Алексеев С.С.* Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. - 360 с.
32. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Т. 1. Свердловск: Изд-во СЮИ, 1972. - 396 с.
33. *Амиров К.Ф., Сидоров Б.В., Харисов К.Н.* Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 144 с.
34. Арбитраж в СССР: учебник / Отв. ред. К.С. Юдельсон. М.: Юрид. лит., 1984. – 240 с.
35. Арбитражный процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Зерцало, 1995. - 448 с.
36. Арбитражный процесс. Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. М.: ООО «Городец-издат», 2003. - 720 с.
37. Арбитражный процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец-издат, 2007.
38. Арбитражный процесс: Учебник / Под ред. В.В. Яркова. М., 2005.
39. Арбитражный процесс: учебник / Под редакцией В. В. Яркова. М.: Инфотропик Медиа, 2010. - 320 с.
40. *Аскин Я.Ф.* Проблема времени. М.: «Мысль», 1966.
41. *Афанасьев С.Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве: монография / Под ред.: Викут М.А. М.: Юрлитинформ, 2009. - 296 с.
42. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. - 416 с.
43. *Баландин В.Н., Павлушина А.А.* Принципы юридического процесса. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2001. – 297 с.
44. *Барак А.* Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. – 376 с.
45. *Баринов Н.А., Баринова М.Н.* Процессуальные нормы в российских и международно-правовых актах. Саратов: Издательство «Стило», 2000. - 108 с.

46. *Бербешкина З.А.* Проблема справедливости в марксистско-ленинской этике. М.: Высш. шк., 1974. - 160 с.
47. *Бержель Ж-Л.* Общая теория права / Под общей редакцией В.И. Даниленко / Пер. с французского. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. - 576 с.
48. *Бернам У., Решетникова И.В., Ярков В.В.* Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург: Изд-во гуманитарного ун-та, 1996. – 196 с.
49. *Бербешкина З.А.* Проблема справедливости в марксистско-ленинской этике. М.: Высшая школа, 1974. - 160 с.
50. *Бербешкина З.А.* Справедливость как социально-философская категория. М.: Мысль, 1983. – 204 с.
51. *Боннер А.Т.* Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992. - 320 с.
52. *Боннер А.Т.* Принцип законности в советском гражданском процессе. М., 1989. – 250 с.
53. *Боннер А.Т.* Установление обстоятельств гражданских дел. М.: Городец, 2000. - 328 с.
54. *Боннер А.Т.* Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права: учебное пособие / Отв. ред. М.С. Шакарян. М.: ВЮЗИ, 1987. – 78 с.
55. *Боннер А.Т.* Принцип законности в советском гражданском процессуальном праве. М.: ВЮЗИ, 1989. – 80 с.
56. *Боннер А.Т.* Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992. – 320 с.
57. *Боннер А.Т., Блажеев В.В.* и др. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. М.С. Шакарян. М.: Юристъ, 2008.- 654 с.
58. *Бугаевский А.А.* Гражданский процесс в его движении с приложением технических дел. Л.: Военная типография, 1924. – 109 с.

59. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1976. – 214 с.
60. *Вершинин А.П.* Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М.: Городец-издат, 2000. – 248 с.
61. *Викут М.А., Зайцев И.М.* Гражданский процесс: Курс лекций. Саратов: СГАП, 1998. – 336 с.
62. *Воронов А.Ф.* Гражданский процесс. Эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007. -147 с.
63. *Воронов А.Ф.* Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский Дом «Городец», 2009. - 494 с.
64. *Воскобитова Л.А.* Сущностные характеристики судебной власти. Ставрополь: Сервисшкола, 2003. -160 с.
65. *Глезерман Г.Е.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. М.: Политиздат, 1973. – 256 с.
66. *Гойхбарг А.Г.* Хозяйственное право РСФСР. Т1, М., 1923.
67. Гражданский процесс / Под общ. ред. Н.М. Коршунова. М.: ЭКСМО, 2005. – 384 с.
68. Гражданский процесс: учебник / Под ред. С.Н. Абрамова. М.: Юриздат, 1948. – 483 с.
69. Гражданский процесс / Под ред. В.А. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М.: Проспект, 1999.
70. Гражданский процесс. Учебник / Под ред. К.С. Юдельсона. М.: Юриздат, 1972. – 430 с.
71. Гражданский процесс: учебник / Под ред. В.В. Яркова. М.: Бек, 1999. - 624 с.
72. Гражданское процессуальное право России: учебник / Отв. ред. М.С. Шакарян. М.: Былина, 1999. - 504 с.
73. Гражданский процесс: Курс лекций, читанных Ю.С. Гамбаровым. 1894-95 ак. г. (цит. по: Хрестоматия по гражданскому процессу / Под общ. ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 1996. – 226 с.).

74. Гражданский процесс зарубежных стран: учебное пособие / Под ред. А.Г. Давтян. М.: Изд-во Проспект, 2009. – 480 с.
75. Гражданское судопроизводство: учебное пособие / Под ред. В.М. Семенова. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. - 323 с.
76. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. – 104 с.
77. *Григорьева Т.А.* Арбитражная юрисдикция в современной России. Саратов: Изд-во СГУ, 2002. – 220 с.
78. *Гукасян Р.Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1970. – 190 с.
79. *Гуреев П.П.* Судебное разбирательство гражданских дел. М.: Госюриздат, 1958. – 100 с.
80. *Гурвич М.А.* Лекции по советскому гражданскому процессу. М.: ВЮЗИ, 1950. – 199 с.
81. *Гурвич М.А.* Решение советского суда в исковом производстве. М., 1956.
82. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. И. С. Перетерский; Ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1984. - 456 с.
83. *Добровольский А.А.* Исковая форма защита права. М.: МГУ, 1965. – 214 с.
84. *Добровольская Т. Н.* Принципы советского уголовного процесса: Вопросы теории и практики. М.: Юрид. лит., 1971. – 198 с.
85. *Дробязко С.Г., Козлов В.С.* Общая теория права: учебное пособие для вузов. Минск: Амалфея, 2005. - 464 с.
86. *Дюрягин И.Я.* Право и управление. М.: Юрид. лит., 1981. - 168 с.
87. *Елисейкин П.Ф.* Предмет и принципы советского гражданского процессуального права : учебное пособие. Ярославль: Изд. Ярославского ун-та, 1974. -109 с.
88. *Жеруолис И.А.* Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс: Минтис, 1969. – 191 с.

89. *Жилин Г.А.* Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М.: Городец, 2000. – 316 с.
90. *Загайнова С.К.* Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М.: НОРМА, 2002. - 176 с.
91. *Зайцев И.М.* Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов: СГУ, 1985. – 264 с.
92. *Калужский М.Л.* Методологические основы анализа системных противоречий общественного развития. Омск: ОмГАУ, 2000.
93. *Клеандров М.И.* Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2006. - 367 с.
94. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ (постатейный). Под ред. Яковлева В.Ф., Юкова М.К. М.: Городец, 2003. – 848 с.
95. Комментарий к Конституции РФ / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М.: Эксмо, 2010. – 706 с.
96. Концепции развития российского законодательства. М.: ИЗиСП, 1998. – 340 с.
97. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. – 182 с.
98. *Кудрявцев В.Н.* Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986. – 448 с.
99. *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правоведении. Минск: БГУ, 1969. – 204 с.
100. *Лебедев В.М.* Судебная власть в современной России. Проблемы становления и развития. СПб.: Лань, 2001. - 384 с.
101. *Леже Р.* Великие правовые системы современности. Пер. с фр. М.: Волтерс Клувер, 2011.
102. *Лукьянова Л.Г.* Теория процессуального права. М.: Норма, 2003. – 240 с.
103. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве (Теоретико-информационный аспект). М.: Изд-во СГУ, 2004. – 184 с.

104. *Мальцев Г.В.* Социальная справедливость и право. - М.: Мысль, 1977. - 255 с.

105. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2003. - 512 с.

106. *Мельников А.А.* Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М.: Наука, 1969. – 247 с.

107. *Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л.* Оценка качества судебного разбирательства по уголовным делам. М.: Наука, 1987. - 238 с.

108. *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1879. – 250 с.

109. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997.

110. *Никитинский В.И.* Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. - 247 с.

111. Общая теория государства и права, Академический курс / Под ред. М.Н. Марченко. М.: «Зерцало», 1998. Т. 2. - 656 с.

112. *Огибалин Ю.А.* Материально-правовые и процессуальные гарантии обеспечения демократии и свободы личности. Тверь: ТверГУ, 1991. - 150 с.

113. *Орлова Л.М.* Права сторон в гражданском процессе. / Науч. ред. проф. В.С. Тадевосян. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1973. – 192 с.

114. *Осипов Ю.К.* Курс советского гражданского процессуального права. Т. 2. М.: Наука, 1981. – 510 с.

115. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том 2. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. – 318 с.

116. *Петрухин И.Л.* Правосудие: время реформ. М.: Наука, 1991. – 207 с.

117. *Пиголкин А.С.* Право. Законность. Гражданин. М.: Юрид. лит., 1976. - 88 с.

118. *Плешанов А.Г.* Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2002. – 284 с.

119. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. – 353 с.
120. *Попова Ю.А.* Судопроизводство по делам, возникающим из публично-правовых отношений (теоретические проблемы). Краснодар: КГАУ, 2002. – 192 с.
121. Постатейный комментарий к АПК РФ /под ред. Крашенинникова П.В. Комментарий к главе 4 АПК РФ. М.: Статут, 2007. – 1135 с.
122. *Приписнов В.И.* Механизм действия законов и субъективный фактор. Душанбе: Ирфон, 1971. – 395 с.
123. *Приходько И.А.* Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: СПбГУ, 2005. – 672 с.
124. *Приходько И.А., Пацация М.Ш.* Арбитражный процесс в современной России: Актуальные проблемы. М.: Лиджист, 2002. – 539 с.
125. Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Норма, 2005. - 496 с.
126. *Рабинович П.М.* Упрочнение законности – закономерность социализма. Львов: Известия, 1975. - 260 с.
127. *Рассахатская Н.А.* Гражданское процессуальное право: Курс лекций: учебное пособие для вузов. 3-е изд. М.: Экзамен, 2009. - 320 с.
128. *Растеряев Н.* Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная: Догматическое исследование. СПб.: Тип. т-ва "Обществ. польза", 1900. – 386 с.
129. Римское частное право / Под ред Новицкого И.Б, Перетерского И.С. М.: Юриспруденция, 1999. – 448 с.
130. *Решетникова И.В.* Доказательственное право Англии и США. 2-е изд. Екатеринбург: УрГЮА, 1999. – 240 с.
131. *Решетникова И.В., Ярков В.В.* Гражданское право и гражданский процесс в современной России. - М., Екатеринбург: Норма, 1999. - 312 с.

132. *Ржевский В.А., Чепурнова Н.М.* Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М.: Юристъ, 1997. – 216 с.
133. *Рожкова М.А.* Мировое соглашение в арбитражном суде: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2004. – 348 с.
134. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. - 535 с.
135. *Рыжаков А.П.* Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Издательство «Дело и сервис», 2011. - 448 с.
136. *Рязановский В.А.* Единство процесса: учебное пособие. М.: ОАО Издательский дом «Городец», 1996. – 74 с.
137. *Савельева Т.А.* Судебная власть в гражданском обороте: Учеб. пособ. Саратов: Саратовская гос. академия права, 1997. – 71 с.
138. *Самощенко И.С.* Охрана режима законности в Советском государстве. М.: Госюриздат, 1960. - 200 с.
139. *Семенов В.М.* Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1982. - 250 с.
140. *Сергейко П.Н.* Законность, обоснованность и справедливость судебных актов. Краснодар: КГУ,1974 - 191 с.
141. *Смирнов О.В.* Основные принципы советского трудового права. М.: Юрид. лит., 1977. – 216 с.
142. *Смоленский М.Б.* Адвокатура в Российской Федерации. СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2003. – 256 с.
143. Советский гражданский процесс: учебник / Под ред. А.А. Добровольского и А.Ф. Клейнмана. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 440 с.
144. Советский гражданский процесс. Учебник / Под ред. М.А. Гурвича. М.: Высшая школа, 1975. - 399 с.

145. Советский гражданский процесс: учебник / Под ред. К.С. Юдельсона. М.: Госюриздат, 1956. - 439 с.
146. *Степанян В.В.* Социальная справедливость и социалистическое право. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987. - 111 с.
147. *Стецовский Ю.И.* Судебная власть: учебное пособие. М.: Дело, 2000. – 400 с.
148. *Строгович М.С.* Демократические основы советского социалистического правосудия. М.: Наука, 1965.
149. *Строгович М.С.* Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966. - 190 с.
150. *Ткачев Н.И.* Законность и обоснованность судебных постановлений по гражданским делам. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 165 с.
151. *Тараненко В.Ф.* Принципы арбитражного процесса / Отв. ред. М.С. Шакарян. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1988. – 67 с.
152. *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. Юрьев.: Тип. К. Маттисена, 1917. – 386 с.
153. *Татьянина Л.Г.* Рассмотрение уголовного дела в суде в отношении лиц, имеющих психические недостатки: монография. Ижевск: Детектив-информ, 2003. - 171 с.
154. *Терехова Л.А.* Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: Волтерс-Клувер, 2007. – 320 с.
155. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право / Учебник. М.: Изд-во «Бек», 1995. – 496 с.
156. *Фарбер И.Е.* Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юрид. лит., 1963.
157. *Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д.* Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Науч. ред. В.П. Малков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. - 119 с.
158. Философия: Часть вторая: Основные проблемы философии / Под ред. В.И. Кириллова. М.: Юрист, 1999. – 304 с.

159. Философия права: учебник / Под ред. О.Г. Данильяна. М.: Эксмо, 2005. - 416 с.
160. Философская энциклопедия. В 5 тт. Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1970.
161. *Фурсов Д.А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М.: Инфра-М, 1999. - 449 с.
162. *Халфина Р.О.* Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988. - 256 с.
163. Хрестоматия: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 1996. - 226 с.
164. *Цицерон.* О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1975. – 278 с.
165. *Шайкенов Н.А.* Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск: УрГЮА, 1990. – 199 с.
166. *Шаргородский М.Д.* Наказание, его цели и эффективность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. - 160 с.
167. *Шерстюк В.М.* Новые положения третьего Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. М.: Городец, 2003. – 202 с.
168. *Шерстюк В.М.* Развитие принципов арбитражного процессуального права. М.: Городец, 2004. – 160 с.
169. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф. 2001. - 720 с.
170. *Шершеневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России. М.: Статут, 2003. – 250 с.
171. *Шундиков К.В.* Механизм правового регулирования. Саратов: СГАП, 2001. – 211 с.

172. *Цихоцкий А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН. 1997. - 392 с.
173. *Черепахин Б.Б.* Труды по гражданскому праву. М.: Статут. 2001. – 479 с.
174. *Чечина Н.А.* Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. - 104 с.
175. *Чечот Д.М.* Административная юстиция (теоретические проблемы). Л.: ЛГУ, 1973. – 134 с.
176. Эффективность действия правовых норм / Под ред. А.С. Пашкова, Л.С. Явича, Э.А. Фомина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. - 143 с.
177. Эффективность правовых норм / Авт. колл.: В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. М.: Юрид. лит., 1980. - 280 с.
178. *Явич Л.С.* Общая теория права. Л.: ЛГУ, 1976. – 416 с.
179. *Явич Л.С.* Право развитого социалистического общества: сущность и принципы. М.: Юрид. лит., 1978.
180. *Яковлев В.Ф.* Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 224 с.
181. *Яковлев В.Ф.* Экономика. Право. Суд. М.: МАИК, Наука / Интерпериодика, 2003. – 488 с.
182. *Яркина Т.В.* Основы экономики предприятия. М.: ИНФРА-М, 2006. – 287 с.

Статьи в журналах, научных сборниках

183. *Абова Т.Е.* Арбитражный суд в судебной системе России // Государство и право. 2000. № 9. С. 5-14.
184. *Абова Т.Е.* Обеспечение юридическим и физическим лицам права на судебную защиту // Проблемы доступности и эффективности

правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М.: Лиджист, 2001. С. 89-98.

185. *Абознова О.В.* Проблемы реализации права на обращение за судебной защитой в гражданском и арбитражном процессе // Закон. 2006. № 11. С. 82-88.
186. *Аболонин Г.О.* Проблемы доступности и эффективности правосудия на примере прав и интересов многочисленных групп лиц // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 4. С. 2-9.
187. *Адриановская И.И.* Проявление категории справедливости в праве // Электронный ресурс: http://journal.sakhgu.ru/work.php?id=54 (Дата обращения 22.01.2012 г.).
188. *Алиэскеров М. А.* Метод гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 78-83.
189. *Андреева Т.К.* Обеспечение доступа к правосудию – главная задача совершенствования Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // Хозяйство и право. 2000. № 9. С. 23-29.
190. *Анохин В.С.* Старые проблемы нового АПК РФ // Арбитражная практика. 2003. № 6. С. 38-43.
191. *Байтин М.И.* О принципах и функциях права: Новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4-16.
192. *Байчорова Ф.Б.* Полномочия прокурора в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский арбитражный процесс. 2004. № 9. С. 23-26.
193. *Богомолов А.А., Исаенкова О.В., Сидоровнин А.А.* Своевременность разрешения гражданских дел как задача гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 6. С. 14-16.
194. *Боннер А.Т.* Некоторые вопросы производства по делам, возникающим из гражданско-правовых отношений // Правоведение. 1964. № 1. С. 122-130.
195. *Боннер А.Т.* Некоторые проблемы доступности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Проблемы

доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001. С 89-98.

196. *Борисов А.Н., Махров И.Е.* Сравнительный комментарий КоАП РФ и АПК РФ // Хозяйство и право. 2003. № 1. С. 33-38.
197. *Власов А.А.* Как повысить эффективность гражданского судопроизводства // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 20-23.
198. *Валеев Д.Х.* Виды гражданских судопроизводств и исполнительное производство // Новеллы гражданского процессуального права: Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию М.С. Шакарян. М., 2004. С. 46-52.
199. *Викут М.А.* Взаимодействие публичного и частного права в гражданских процессуальных правоотношениях // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. В.В. Яркова, Г.А. Жилина, И.М. Зайцева. Екатеринбург, 1998. С. 35-40.
200. *Викут М.А.* Обеспечение судами прав лиц, участвующих в гражданском деле, как одно из условий эффективности правосудия // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Лиджист, 2001. С. 132-136.
201. *Витрук Н.В.* Система прав личности // Права личности в социалистическом обществе. М., 1981. С. 144-206.
202. *Вопленко Н.Н.* Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. № 4. С. 39-40.
203. *Вулфенсон Дж.* Судебная реформа в России поможет преодолеть бедность // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 2-3.
204. *Гагаринов А.В.* Понятие гражданского процесса // Правоведение.1988. № 4. С. 96-99.

205. *Горшенев В.М.* Природа и назначение процессуальной формы в советском праве // Вестник Ярославского государственного университета. Вып. 4. Ярославль, 1972. С. 13-19.

206. *Глазырин В.В., Никитинский В.И.* Эффективность правоприменительных актов // Советское государство и право. 1984. № 2. С. 54-62.

207. *Грибанов В.П.* Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. 1967. № 1. С. 75-84.

208. *Грязева В.В.* К вопросу об эффективности рассмотрения деля судом апелляционной инстанции // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства, Краснодар-СПб., 2005. С. 32-37.

209. *Гукасян Р.Е.* Правовые и охраняемые законом интересы // Советское государство и право. 1973. № 7. С. 43-49.

210. *Гумницкий Г.К.* К вопросу об основных этических категориях // Философские науки. 1963. № 1. С. 12-18.

211. *Гурвич М.А.* Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. М., 1965. Т. 3. С. 56-58.

212. *Давыденко Д.Л.* Некоторые теоретические аспекты мирового соглашения // Юрист. 2003. № 3. С. 10-14.

213. *Давтян А.Г.* Развитие теории принципов в гражданском процессуальном праве Армении // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С. 75-79.

214. *Догадайло Е.Ю.* Время, право и социальная жизнь // Электронный ресурс: http://www.ni-journal.ru/archive/2005/n2_05/pravo2_05/dogadailo2_05/ (Дата обращения 22.01.2012 г.).

215. *Жилин Г.* Условия реализации права на обращение за судебной защитой // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 3-7.

216. *Жуйков В. М.* Некоторые проблемы гражданско-процессуального права и судебная практика // Государство и право на рубеже веков: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 88-94.

217. *Замятин В.* Как сделать суд скорым // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 5-9.

218. *Зелепукин А.А.* К вопросу об эффективности российского законодательства // Правоведение. 1996. № 2. С. 110-113.

219. *Зимин В.М.* Актуальные вопросы информатизации судов общей юрисдикции // Электронный ресурс: http://www.economer.khv.ru/content/n074-5/94 (Дата обращения 22.01.2012 г.).

220. *Елисейкин П.Ф.* Судебное мировое соглашение // Советская юстиция. 1968. № 7. С. 5-10.

221. *Ермаков А.Н., Захарьящева И.Ю.* Новая роль института апелляции в арбитражном процессе6 повышение качества судебной защиты или имитация доступа к правосудию? // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России Сборник материалов международной научно-практической конференции. г. Саратов, 14-15 сентября 2007 года. С.41-46.

222. *Ефимов А.Е.* Надзорное производство в арбитражном процессе и положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Вестник Федерального Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. 2006. № 4. С. 33-38.

223. *Иванов А.А.* О путях повышения эффективности правосудия // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 43-47.

224. *Исаенкова О.В.* Виды гражданского судопроизводства в новом процессуальном законодательстве // Новеллы гражданского процессуального права: Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию М.С. Шакарян. М., 2004. С. 65-71.

225. *Исаенкова О.В.* Принципы исполнительного права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2003. № 1 (34). С. 83-87.

226. *Казарян В. П.* Понятие времени в структуре научного знания // Электронный ресурс: http://orel.rsl.ru/nettext/russian/kazarjan/kazaryanvp1.html (Дата обращения 22.01.2012 г.).

227. *Клейнман А.Ф.* Судебное решение в советской науке гражданского процессуального права // Правоведение. 1966. № 3. С. 132-137.

228. *Козак Д.* Суд в современном мире: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2001. № 9. С.15-19.

229. *Кочергин В.В., Жолокдзь Ж.В*. Справедливое правосудие с точки зрения международного процессуального права и новый Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9. С. 32-36.

230. *Лим А.А.* Принцип состязательности и его влияние на доказывание в арбитражном процессе // Юрист. 2006. № 1. С. 3-6.

231. *Лебедев В.М.* Судейская беспристрастность и социальный контроль за судом // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 7-12.

232. *Лукашова М.Д., Сумин В.П.* Проблемы исков в защиту неопределенного круга лиц и групповых исков // Электронный ресурс: http://www.legist.ru/conf/lukashova.htm (Дата обращения 22.01.2012 г.).

233. *Макаров О.В.* Соотношение права и государства // Государство и право. 1995. № 5. С. 41.-47.

234. *Малеин Н.С.* О справедливости, праве, ответственности. В сб. Теория права: новые идеи, вып. 2. М., 1992. С. 75-78.

235. *Малько А.В.* Субъективное право и законный интерес // Правоведение. 1998. № 4. С. 97-104.

236. *Мальцев Г.В.* Справедливость и равноправие как принципы социалистического законодательства // Вопросы философии права. Тезисы докладов. М., 1973. С. 37-42.

237. *Мартышин О.В.* Справедливость и право // Право и политика. 2000. № 12. С. 41-45.

238. *Морозов А.П.* Конституционные основы арбитражного правосудия в Российской Федерации // Правосудие в Поволжье. 2007. № 4. С. 13-16.

239. *Мурадъян Э.М.* Взаимосвязь правосудия и законности // Советская юстиция. 1985. № 17. С. 21-26.

240. *Мурадьян Э.М.* Об учебниках по гражданскому процессу // Государство и право. 2000. № 4. С. 51-55.

241. *Носырева Е.И.* Соотношение правосудия и альтернативных процедур разрешения споров // Проблемы защиты интересов граждан и организаций. Краснодар, 2002. С. 88-94.

242. *Несмеянова С.* Разграничение компетенции между судами // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 11-14.

243. *Нешатаева Т.Н.* К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине // Вестник ВАС РФ. 2000. № 5. С. 76-79.

244. *Нешатаева Т.Н.* Первое решение Европейского суда по правам человека по имущественному спору против России: размышления, некоторые выводы // Вестник ВАС РФ. 2002. № 8. С. 54-59.

245. *Нешатаева Т.Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3. С. 43-48.

246. *Никеров Г.И.* Судебная власть в правовом государстве // Государство и право. 2001. № 4. С. 66-69.

247. *Никитин В.Б., Орехов В.В., Спиридонов Л.И.* О возможном подходе к исследованию эффективности правовой нормы // Проблемы социологии права. Вып. 1. Вильнюс, 1970. С. 95-102.

248. *Павлушина А.А.*Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы / Под ред. В.М. Ведяхина. Самара: Изд-во ГОУ ВПО «Самарская государственная академия права», 2005. С. 55-58.

249. *Поменов А.В.* Петербургская школа философии права и задачи современного правоведения // Правоведение. 2000. № 2. С. 43-48.

250. *Пашкевич П.Ф.* Проблема процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 14. М., 1971. С. 87-89.

251. *Приходько И.А.* Доступность правосудия в гражданском и арбитражном процессе. Основные проблемы Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Лиджист, 2001. С. 76-80.

252. *Прокудина Л.А., Сесил Дж. С.* Система управления движением дела – фактор повышения эффективности отправления правосудия // Вестник ВАС РФ. 2003. № 10. С. 96-100.

253. *Попова Ю.А*. Гражданская процессуальная форма – гарантия эффективности правосудия по гражданским делам // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Лиджист, 2001. С. 54-58.

254. *Рабинович П.М.* Своевременность в праве // Вопросы теории государства и права: Перестройка и актуальные проблемы социалистического государства и права. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: СГУ. 1991. Вып. 9. С. 31-35.

255. *Рабцевич О.И.* О содержании права на справедливое судебное разбирательство // Мировой судья. 2004. № 2. С. 5-8.

256. *Решетникова И.В.* Нереализованный потенциал АПК РФ, или алгоритм стабильности судебных актов // Вестник ВАС РФ. 2007. № 11. С. 90-97.

257. *Рожкова М.А*. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестиик ВАС РФ. 2005. № 9. С. 54-58.

258. *Рожкова М.А*. Мировое соглашение в арбитражном суде // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9, 10. С. 65-68.

259. *Романец Ю.В.* Специализация в судебной деятельности как средство повышения эффективности правосудия: Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2002. С. 120-125.

260. *Рой О.М* Критерий выбора эффективного решения // Электронный ресурс: http://www.elitarium.ru/2007/03/30/kriterii_vybora_jeffektivnykh_reshenijj.html (Дата обращения 22.01.2012 г.).

261. *Рябова Е.В.* Надлежащий состав лиц, участвующих в деле по косвенному иску // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2006. № 5. С. 75-79.

262. *Рясенцев В.А.* Условия и юридические последствия отказа в защите гражданского права // Советская юстиция. 1962. № 9. С. 56-63.

263. *Самощенко И.С., Никитинский В.И.* Изучение эффективности действующего законодательства. // Советское государство и право. М.: ИГПАН СССР, 1969. № 8. С. 87-97.

264. *Самощенко И.С., Никитинский В.И., Венгеров А.Б.* К методике изучения эффективности правовых норм // Сов. государство и право. 1971. № 3. С. 68-75.

265. *Сапожников С.А., Устюжанинов В.А.* Принцип состязательности и судебной истины в новом АПК РФ // Арбитражная практика. 2003. № 2. С. 98-102.

266. *Сахнова Т.В.* О концептуальных категориях исковой защиты // Проблемы иска и исковой защиты нарушенных прав. Краснодар, 2006. С. 75-80.

267. *Суханов Е.А.* Современное развитие частного права в России // Российская академия юридических наук: Научные труды: М.: Юрист. 2001. Т. 1. С. 90-97.

268. *Султанов А.Р.* Споры о неподведомственности // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России: Сборник материалов

международной научно-практической конференции. Саратов, 14-15 сентября 2007 г. С. 54-60.

269. *Тимошенко А.С.* Проблемы апелляционного производства в арбитражном процессе // Законодательство. 2007. № 7. С.14-17.
270. *Тихомиров Ю.А.* Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 25-27.
271. *Тельнов А.В.* Справедливость как необходимое требование к судебному решению // Мировой судья. 2005. № 7. С. 3-6.
272. *Ткачев Н.И.* Эффективность гражданских процессуальных норм и качество правосудия // Проблемы совершенствования правосудия по гражданским делам. Сб. науч. Тр. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1991. С. 74-78.
273. *Топильская Л.* Как нам обустроить судебную власть // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 25-31.
274. *Фаткуллин Ф.Н.* Актуальные вопросы эффективности советского уголовного процесса // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976. С. 44-48.
275. *Федоренко Н.В.* Работа апелляционной инстанции в арбитражных судах субъектов Федерации: итоги пятилетней деятельности // Вестник ВАС РФ. 2001. № 12. С. 101-104.
276. *Фоков А.П.* Административные суды повысят доступность правосудия // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 5-8.
277. *Фурсов Д.А., Харламова И.В.* Организационное обеспечение задач судопроизводства в арбитражном и гражданском процессе // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. М., 2001.С. 150-157.
278. *Хаманеева Н.Ю.* Состояние и перспективы развития науки административного права (Шестые «Лазаревские чтения») // Государство и право. 2002. № 11. С. 84-87.

279. *Хазанов С.Д.* Рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности в арбитражных судах: проблемы согласования норм КоАП и АПК // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. М.: ЮНИТИ-ДАНА. Сер. «Закон и право», 2004. С. 99-104.

280. *Хвостов Е.А.* О некоторых проблемах совершенствования работы арбитражных судов // Арбитражные споры. 2007. № 4. С. 49-52.

281. *Ченцов Н.В.* Государственный интерес в гражданском процессе // Теория и практика субъективных прав и процессуальной формы их защиты. Сборник научных статей. Тверь, 2000. С. 104-112.

282. *Чечина Н.А., Экимов А.И.* Категория справедливости в советском гражданском процессуальном праве. Материальное право и процессуальные средства его защиты // Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1981. С. 108-112.

283. *Шакарян М.С.* Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Лиджист, 2001. С. 127-136.

284. *Шумилова Л.Ф.* Принципы состязательности и объективной истины как основополагающие начала правоприменительной практики // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 54-67.

285. *Щеглов В.Н.* Принципы искового производства // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1976. С. 39-46.

286. *Щеглов В.Н.* Характер судопроизводства по Закону 11 апреля 1937 г. // Учен. зап. Томского ун-та. Томск, 1957. № 33. С. 87-94.

287. *Шерстюк В.М.* Новые положения третьего Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // Приложение к журналу «Хозяйство и право». 2002. № 12. С. 41-46.

288. *Экимов А.И.* Справедливость и социалистическое право. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. С. 75-78.

289. *Юдин А.В.* Лица, участвующие в делах особого производства в арбитражном процессе // Юридический аналитический журнал. 2002. № 1 (2). С. 20-24.

290. *Юркевич Н.Г.* Сущность гражданского процесса // Промышленно-торговое право. 1999. № 8-9.

291. *Ястржембский И.А.* Как сделать судебную практику единообразной? // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002-2003. № 2. С. 177-186.

292. *Ярков В.В.* Особенности рассмотрения дел по косвенным искам // Юрист. 2000. № 11. С. 6-12.

293. *Ярков В.В.* Мировое соглашение в конкурсном производстве // Юрист. 2002. № 11. С. 35-45.

294. *Ярков В.В., Треушников К.С., Крохалев С.В.* Эффективность правовой защиты в государственных и третейских судах // Вестник ВАС РФ. 2005. № 9. С. 163-169

Диссертации и авторефераты диссертаций

295. *Антонов И.В.* Рассмотрение арбитражными судами дел об оспаривании правовых актов: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Москва, 2007.

296. *Бакланова И.П.* Особое производство в арбитражном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.

297. *Борисова Л.Н.* Общая теория процессуальных норм права: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

298. *Букина В.С.* Принципы советского гражданского процессуального права (теоретические вопросы понятия и системы): Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Ленинград, 1975.

299. *Вяткин М.Ф.* Конституционно-правовое регулирование судебной власти в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.

300. *Давыдова Е.Ю.* Системообразующие факторы российского арбитражного процессуального права: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

301. *Евтодьева И.А.* Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1983.

302. *Кляус Н.В.* Законный интерес как предмет судебной защиты в гражданском судопроизводстве: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Новосибирск, 2007.

303. *Корх С.Э.* Теоретико-правовые вопросы межотраслевого статуса субъекта предпринимательства в современном российском праве: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 1998.

304. *Костина С.Е.* Развитие принципов диспозитивности и состязательности в арбитражном процессуальном праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.

305. *Костина С.Е.* Развитие принципов диспозитивности и состязательности в арбитражном процессуальном праве: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

306. *Кравченко О.Ю.* Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: Дисс. …канд. юрид. наук.Казань, 2004.

307. *Кротова Л.А.* Процессуальные гарантии достижения задач уголовного судопроизводства: Дисс. … канд. юрид. наук. Казань, 1982.

308. *Кузбагаров А.Н.* Примирение сторон по конфликтам частноправового характера: Автореф. …дисс. докт. юрид. наук. М., 2006.

309. *Машовец А.О.* Принцип состязательности и его реализация в предварительном следствии: Автореф. ...дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994.

310. *Мешков Д.Н.* Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

311. *Моисеев С.В.* Принцип диспозитивности арбитражного процесса: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2001.

312. *Плюхина М.А.* Процессуальные средства обеспечения эффективности судопроизводства по гражданским делам: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук.Екатеринбург, 2002.

313. *Реуф В.М.* Специально-юридические принципы права: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2004.

314. *Седышев А.Г.* Проблемы понимания механизма юридической защиты прав и свобод человека: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.

315. *Смирных С.Н.* Социально-экономическая эффективность деятельности предприятий государственного сектора экономики: Автореф. …дисс. канд. экон. наук. Екатеринбург, 2007.

316. *Стрелкова И.И.* Подведомственность арбитражному суду дел по экономическим спорам и иных дел: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

317. *Туманова Л.В.* Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002.

318. *Осокина Г.Л.* Проблемы иска и права на иск: Автореф. дисс. … докт. юрид. наук. Томск, 1990.

319. *Цараев А.А.* Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости: Автореф. дисс. …канд. юрид. наук. М., 2003.

320. *Шананин А.А.* Принцип диспозитивности гражданского процессуального права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

321. *Шварц М.В.* Систематизация арбитражного процессуального законодательства (проблемы теории и практики применения): Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. СПб., 2004.

322. *Ядринцева О.В*. Индивидуально-договорное правоприменение: Автореф. …дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.

323. *Ясеновец И.А*. Мировое соглашение в арбитражном процессе: актуальные проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Работы зарубежных авторов

324. *Podgorecki A.* Socjologia prava. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1962.

Словари и иная литература

325. *Дыдынский Ф.М.* Латинско-русский словарь к источникам римского права : по изданию 1896 г. М. : Спарк, 1998. - 560 с.

326. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь. М.: Русский язык, 1989. 924 с.

327. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля // Система LINGVO [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.

328. Законопроект «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования механизмов разрешения корпоративных конфликтов)» // Консультант-Плюс [электронный ресурс]: Справ. правовая система. Версия от 6.10.2012 г.